

Лучший исторический детектив

Людмила Малёваная Кукла с Кальварии

Тина прутиком отряхивала присохшую к подолу грязь. Прошедший утром дождь размочил тропинку к кладбищу, и глина, вылетев из-под каблуков, налипла на юбку. Сейчас солнце выкатилось из-за тучи, быстро высушило шёлк и заглядывало в Христинины покрасневшие глаза, спрятанные за чёрным крепом. Приколотый к шляпке, креп надёжно скрывал от пересудов, которых и так хватало, лицо и потускневший взгляд неутешной матери.

Только что ходила к мессе, в костёл святого Лаврентия. Чёрной тенью прошла к скамьям, улыбнулась и села, прошелестев шёлком чёрного платья.

— Чистая монашка, — зашептал кто-то справа.

— Пани Ванда, это же та самая молодая Германова, что дитё схоронила и умом тронулась?! — громко спросила грузная пани, сидевшая за спиной у Тины.

— И что теперь?! Бог дал, Бог взял, — шумно

с одышкой зашептала невидимая пани Ванда и возмущенно добавила: — То ж никак не можно весь час ходить в чёрном и с закрытым лицом, как муслиманка!

— Истинный крест, — отозвалась грузная пани.

Тина сидела недвижимо, застыв как Скорбящая Божия Матерь. Гладкие чёрные волосы собраны в тугий пучок, только на висках завитые пушистые локоны; голубые глаза смотрят невидяще и тускло мерцают под густым крепом.

После проповеди и коллекты настала очередь евхаристии. Верные выстроились к епископу за причастием. Хор пел «Gloria», ввысь, вместе с дымком от кадил, летело: «...Амен... амен... амен». Тина медленно поднялась и встала в конец очереди.

В момент, когда Тина проглотила чуть кислотоватую облатку, в костёл влетела птица.

Отец Рафал проводил вестницу Святого Духа долгим взглядом.

— Знак, — сказал он, для всех и для Христины.

Верные зашептались, со всех сторон к Тине полетело слово: «Знак... знак...» Птица заметалась, пролетела мимо Христины, задев крылом вуаль.

Тина, развернувшись и бросившись прочь из храма, на ходу поправляя шляпку и набрасывая на лицо вуальку. Из полумрака костёла она вышла на

свет и на мгновение замерла — солнце ослепило. После дождя сладко пахло жасмином, от земли шёл пар, лёгкий ветерок приносил разные запахи. Тина поспешила к Кальварии — городскому кладбищу. Остановилась отдышаться возле безликого Ангела с Глинской браны. На ангела села та самая серая птаха, нахохлилась, встряхнула крылышки и полетела в сторону кладбища впереди Тины.

«До Кальварии двенадцать Ангелов», — вспомнила Христина, детскую песенку.

— До Кальварии моей, сорок лет и сорок дней, двадцать зим и двадцать вёсен — десять раз явится осень. Путь далёк, и днём и ночью пусть ведёт мой Ангелочек, — тихо напела Тина.

— Ну, доброго тебе денёчка, кровинушка моя!

Поймав слезу на щеке, Тина обтерлась рукавом и глубоко вздохнула.

— Я тебе гостинчика принесла, петушка на палочке. Сейчас вот на салфетке положу, — бормотала Тина, одной рукой дёргая траву на холмике, а второй вынимала из редикюля маленький свёрток. — Вот так... Теперь чистенько. Угощайся, Линуся.

На цветастом, по-праздничному обшитом, сатиновом лоскуте лежал огромный красный леденец, он светился на солнце прозрачным бочком, нарядный, как с ярмарки.

Каждое утро, перед работой, Тина приходила на могилку дочери, сидела рядом и рассказывала нехитрые новости.

Совсем недавно ее Линуся, пятилетняя шалунья, бегала по комнате, хохотала, а теперь лежит здесь, под землей, и больше нет в жизни никакого счастья.

— Спрашивают про тебя люди, — говорила Тина, глядя на тронутый нежной зеленью холмик. — Говорят, где ваша дочурка, пани Христина? А ту даму, вдову по капитану Скульскому, что куклу тебе подарила, помнишь ещё? Платье мы той куклешили, парчовое. Так вдова наряд для свадьбы заказала — всё фасонное! Шляпка с вуалеткой, платье и перчатки ей прямо из Варшавы доставили! Не лучшая партия, хоть казначей из Управы и важный кавалер, — вздохнула Тина. — И вдовый также.

Сломанная ветка молоденькой липки склонилась к земле и Тина, оторвав от кисеи лоскут, взялась подвязать деревце. Тишина на кладбище стояла такая, что Тина слышала только своё дыхание и крики стрижей над головой. Подвязав липку, она вздохнула и повернулась к могилке. Летний день обещал быть дождливым и прохладным. Налетел ветер, растрепывая пряди волос, что выбились из причёски, и принёс с собой тихую песню.

— До Кальварии моей, — детский голосок пел колыбельную и медленно приближался к месту, где сидела у могилки Христина. — Пятый Ангелочек-страж, верный охоронец наш...

— Ой, Езус-Мария!

Из-за зарослей калины вышла девочка, в руках она держала большую куклу в платье из парчи. Лица девочки Тина не видела, а только фарфоровое лицо куклы и, сверкающее на солнце, парчовое платье.

— Линуся... — прошептала Тина.

Такая радость нахлынула, что она потеряла дар речи, ни бежать не могла, ни идти, ноги не шли, да и куда бежать, когда это её Линуся идёт навстречу! От воскресшей надежды Тине стало жарко. Она отбросила креп назад и опустилась коленями в жидкую кладбищенскую грязь.

Тина мелко-мелко крестилась, захлёб читая:

— Радуйся Мария, благодати полна... — Под порывами ветерка лёгкий креп напознал на лицо, а Тина раз за разом отбрасывала его назад.

Девочка подошла чуть ближе и Тина увидела её лицо.

— Не моя, не моя это Линуся, — проговорила она. Сил не было, как душно вдруг стало от того, что чужая это девочка. Да и как она могла забыть, что девочка её здесь, под землёй лежит. — А ты что тут одна, на кладбище, делаешь? — спросила Тина.

— Живём здесь тут недалеко, — серьёзным голосом ответила девочка.

— А зовут-то тебя как?

— Настусей называют.

Христина присела перед девочкой на корточки. Вот кого она испугалась — невинного ребёнка испугалась. Кому скажи — засмеют. Ох, доведут слёзы на могилке в Духов день... Да, не до добра. Лину не вернёшь, так и незачем на кладбище горе высиживать. Посмотрела Христина в детские глаза и, впервые за всё время с похорон дочери, улыбнулась.

— А где твои родители?

— Батя сейчас пьяный спит.

— А мама где?

— Нету мамы. Померла она прошлым годом, — отвечала девочка. — Родами померла.

После задумалась и серьёзно, по-взрослому, добавила:

— Ребёночек с ней остался. Шутка ли, два дня промучиться.

Тина слушала, а всё на куклу смотрела. «Матка Боска! Так это ж точно Линуськина кукла! — думала Тина — Только откуда ей здесь взяться? Ведь в гроб сама положила. Своими руками!»

— Пойду я. Мне еще в доме прибраться нужно, пока батя не проснулся.

Девочка заспешила по тропинке прочь от Христины, а та и подняться не может, словно что-то держит её у могилки дочери.

Девочка ушла, а Тина обошла вокруг холмика, поправила немного, выдрала из земли разросшийся осот.

— Спокуй панский, моё сердечко, — прошептала она и пошла к воротам кладбища.

— Доброго утра, пани! — важный пожилой господин, в скроенном по последней моде пиджаке, обогнал Тину и пошел вперёд к бричке, что стояла у дороги. — Еду в город. Не желаете составить компанию?

— Если, пану это не в тягость, то я, пожалуй, соглашусь, — ответила Тина, оглянувшись на кладбище и вдохнула.

Девочка из головы не идёт вместе с куклой этой. Странная встреча случилась сегодня, откуда такие куклы похожие?... Так разве только лицом фарфоровым? Платье вот то же, парча двуцветная, индийская. И пошив того платья сходится. Эх, если бы с изнанки глянуть, тогда бы точно можно сказать, кто к нему руку-то приложил...

Тина так задумалась, что и не заметила, как бричка, поскрипывая на одно колесо, въехала в город. Пожилой господин внимательно рассматривал её лицо и дымил сигарой. На козлах

сидел совсем юный хлопчик, но довольно ловко управлялся с норовистой кобылкой.

— Вы о чем задумались? — поинтересовался господин, прищулив правый глаз, выдохнул облако дыма и представился: — Честь имею рекомендовать себя — Эдвард Мрозовский.

— Германова Христина, — кивнула Тина, смущаясь то ли острого взгляда, то ли дорогого костюма и галстука пана Мрозовского.

«Назвал исключительно имя, а место службы утаил, значит ли это, что и мне не надо говорить, что держу мастерскую?» — подумала она.

— А отчего вы, пани Германова, в одиночестве гуляете по таким удивительным для прогулки местам?

— Что же в кладбище удивительного?

— А вы не находите, что там случаются вещи куда более необычайные, нежели в городе или дома?

Тина сдержала взглас, ответив улыбкой на вопрос, но про себя подумала, что зря согласилась подъехать до города с таким авантюристом.

— Вы не могли бы мне остановить у той вон булочной?

— Выходит, что вы уже приехали? — спросил пан Мрозовский. Он напустил на себя расстроенный скорым расставаньем вид, и медленно протянул ей руку, чтобы помочь.

— Да. Я вам благодарна, пан Мрозовский, за вашу доброту, — поклонилась Тина, соскочив с брички. — Я знаете ли, немного шью. Так мелочи. Моя мастерская через две улицы. Прошу вас посетить при случае.

— Ну что вы! Пустяки! Жаль, что мы не закончили разговор, но, если позволите, вот моя визитная карточка, мы в другой раз его продолжим.

Мрозовский коротко кивнул, тронул поля шляпы и толкнул хлопчика в спину. Бричка покатила по брусчатке, подпрыгивая и поскрипывая на одно колесо. «Странный господин, похоже, что из военных, — подумала Тина, не глядя пряча в ридикюль визитку, и скоро забыла о нём думать — все мысли занимала увиденная на кладбище кукла в руках девочки.

Об утреннем знакомстве ей напомнила одна клиентка. Молодая и шумная лавочница, пани Рузя, из лавки Скарбика с Рынка, иногда приносила Тине постельное бельё и деликатную мелочь в ремонт.

О Рузе ходили слухи, что она сбывает краденое, но это не уменьшало количество желающих быть с ней на короткой ноге.

— Тина, у тебя дела пошли в гору? — спросила Рузя, выкладывая на стол тряпьё в ремонт. — Сбросила муслиманство? Морда глянец?

— Живу, как и раньше, — ответила Тина, поправляя шляпу на манекене. — У тебя столько

платья всякого, видать-то у тебя дела в гору пошли, что успеваешь и прикупить, и сносить.

Тинина колкость не осталась без внимания.

— За тобой не успеешь. Год, как мужа схоронила, три месяца дочку, а уже такого кавалера себе отхватила. — Рузя широко улыбалась, кокетливо склонив голову набок, поправляя рукава «с напуском» на модной шёлковой блузе, словно она сама перед тем кавалером сейчас и самое время заигрывать.

— Какого, прошу, кавалера?...

— Тот твой муслиманский шик... вдовица-таемница. Так и притягивает к себе хлопков. Лезут, как мухи дурнуватые. Как думаешь, Тина? Если в чёрном стану ходить, меня скорее замуж возьмут?

— А ты попробуй. Может, и возьмут, — ответила Тина. — Тебе, блонде, чёрное к лицу.

Будешь иметь стройный вид.

— Вот и люкс, — фыркнула Рузя и вышла, звякнув колокольчиком у двери.

Христина оглянулась, сколько её ждало сегодня работы, и прогнала мысли прочь. Ни один звук не любила Христина так как стук машинки. Настоящий Зингер — поскрипывал шкивом колеса, игла строчила, та-та-та-та.

Тина задумалась: «День сегодня выдался странный, и еще кукла эта, и пан Мрозовский, где

он только взялся у ворот Кальварии?... А Рузя? Ведь её не было возле булочной, так из какого окна она свои глаза выставила? Вот уж кто все сплетни первой узнаёт.

Утро плавно перетекло в день. Колокольчик у двери жалобно тренькнул и затих. Вошедший остановился на пороге, не сделав больше ни шагу. Тина как сидела в каморке с шитьём в руках, так и замерла. Она не сомневалась, что это мужчина, что он обязательно высок и силён, но оставалась сидеть на стуле тихо как мышь. Незнакомый ничего не спросил, не позвал хозяйку, потоптался на пороге, хрипло откашлялся и вышел. Христина опрометью бросилась к двери, чтобы посмотреть на неизвестного гостя, но, среди редких в этот час прохожих, на улице она не заметила ни одного высокого мужчины.

— День добрый, пани Кшыся!

Перед Тиной стоял пан Мрозовский.

— И вам доброго дня! — кивнула Тина, мимолётно подумав: «Удивительно, как неожиданно умеет возникать этот пан!»

В ту же минуту из проулка вышла щедро декольтированная Рузя. Завидев пана, Рузя широко заулыбалась и так понесла своё молодое тело, покачивая пышными бёдрами, что казалось — в талии оно непременно сломается.

— Вот уж принесла нелёгкая, — буркнула

Тина, наблюдая эту «дефиляду».

— Это вы мне, прошу?! — спросил пан Мрозовский.

— Ой, да то не вам! Прошу пана, не вам! — Христине даже дурно стало, такой некрасивой вырисовывалась ситуация. — А вы ко мне по делу идёте, или так, ранковый променад?

— Я к вам, если позволите, лично — недовольно ответил он.

Рузя поравнялась с мастерской, похлопала ресницами и тревожно оглянулась — демонстрируя себя же сбоку. — Ах, фрайда реальна, — томно заявила она, адресуясь Христине, — Слава Иесусу Христу!

— Навеки слава, — равнодушно ответила та.

Рузя подошла почти вплотную к пану Мрозовскому и поклонилась, она выставила одну ручку для поцелуя, а вторую возложила на то самое смелое декольте. Тине стало стыдно.

«Вот ведь, хвойда! Не упустит момента, чтоб не выпятить перед порядочным человеком чего не надо», — рассердилась Тина, но виду не подала, а усмехнулась галантно и профессионально.

— Рузюнца, солнце моё, ты мне еще заказ принесла? Смотрю, что так скоро вернулась. А может ты мимо шла, а я задерживаю?

— Ты меня, Тина, не задерживаешь. Я женщина свободная и сама себе хозяйка, —

ответила Рузя, дерзко глядя в глаза пану Мрозовскому, и поправила завиток на лбу.

«Папильотка», — мстительно подумала Тина.

— Не репрезентовала нас, — жеманно пропищала Рузя, морща курносый носик в рыжеватых конопушках. — А ещё коллежанка называется.

— Правда, неловко вышло, — пробурчала Тина, — Рузюнца, то пан Мрозовский, он где-то из Ратуши.

Мрозовский, хоть и немолод давно, а живот втянул да подбородок задрал. Окинул всех шляхцицким взором и потрогал ус. «Сейчас скажет что-то мерзкое», — подумала Тина и быстро протараторила вслух:

— А то моя старинная подруга — Рузя Ковальчук, прошу паньства.

— Не такая старинная уже, — злобно прошипела Рузя, силясь сохранить улыбку, — Впрочем, я так тороплюсь.

Мрозовский вспомнил, зачем шел и отозвался:

— Я к вам, пани, по важному делу. Если у вас есть свободная минутка, то прошу уделить её мне. — С этими словами он открыл дверь в мастерскую, словно приглашая войти к себе домой.

— Видишь, Рузя? Ангажирована нынче. Свободного момента не имею. — Пожала плечами Тина, кивая на Мрозовского, и вошла.

Мрозовский щелкнул каблуками перед ошарашенной Рузей, кивнул и вошел следом за Тиной.

Мрозовский прошелся по салону, заглядывая во все углы, осматривая стены, витрины и каждую мелочь на полках. Он не поленился согнуться вдвое и заглянуть в высокую вазу на полу.

— Вы разве бывали у меня раньше? — спросила Тина.

— Я? Нет, конечно! Впервые имею честь посетить ваш салон. — Мрозовский приветливо улыбался и заглядывал в раскрытую дверь каморки. — А там у вас что?

— Там у меня приватный покой и мастерская. Проходите, если вам уж так любопытно. Я женщина честная, никого не прячу. Вдова я.

— Что вы, пани Кшыся, я совсем не потому интересуюсь! Я так сказать в силу профессиональной привычки, — сказал Мрозовский и втиснулся в каморку.

Христина пошла за ним следом. «Экий профессионал! Вот так и пропадают вещи в приличном доме», — насупилась она.

Пан Мрозовский покрутил колесо на машинке, порывлся в куче тряпья, принесенного утром Рузей, заглянул в ящик, выдвинутый из комода.

— Что вы, прошу пана, себе позволяете! — возмутилась Христина и с силой задвинула ящик обратно. Старый креденс противно скрипнул, и на пол свалилась фарфоровая собачка. От удара у собачки отвалилась голова.

— Прошу пана выйти! Сейчас же! Кто дал пану право?

— А кто вам принес тот шмальц? — спросил он, ткнув пальцем в кучу на столе.

— Прошу пана, шмальц, по другому адресу. Вам подсказать или найдёте сами, равно как и выход?

— На Бога! — пролаял Мрозовский. — Тише, тише, пани Кшыся. Не нужно так кричать, еще услышат люди. Что они тогда скажут? Что «двуйка» в Жолкеве не умеет работать тихо?

Тина обомлела. Такой приличный с виду господин и из этой людожерской «двуйки».

За последние годы власть в городе менялась множество раз. Сплетен Тина не слушала, была богобоязненной и скромной, а каждую пятницу ходила помолиться в костел святого Лаврентия, в малый Вавель, как издавна окрестили костёл за красоту сооружения. Христина молилась и просила всех, захороненных в подземелье костёла, Жолкевских, основателей города, а так же всех рыцарей и королей, что лежали здесь же.

— Но что надо дефензиве от вдовы? Опись

маестата? Донос? Показания?

— От вас пока ничего. Так... Одни догадки, — устало сказал Мрозовский и уселся на единственный в каморке стул. — С вашего позволения я присяду. А Ефросынию Ковальчук... Рузю эту вы давно знаете? Это она вам вещи в ремонт носит?

— Давно знаю. Только что вам с того? Я её еще девчонкой знала.

— Да ну? Вы жили в Варшаве? — нарочито серьёзно спросил Мрозовский.

— Не жила я там. А Рузя — наша, местная она. Сирота. Вот и врёт всем, что она варшавская пани. Они на пару с Зельдой Марш врут, что варшавянки. Только Марш говорит ещё, что в Париже жила.

— Интересно... Наша, значит... — то ли спросил, то ли так сказал Мрозовский. — А откуда она столько вещей носит, вы тоже не знаете?

— Я думаю, что это заказчицы пани Марш несут, а она мне отдаёт заработать, — неуверенно сказала Христина, она теперь очень сомневалась в том, откуда берёт вещи Рузя. — Да не слушайте вы завистников! Они на Рузю наговаривают! К чему порядной панянке знаться со шмальцовниками?

Мрозовский слушал Христину, чуть склонив голову и сложив губы дудочкой под куцыми усами. Усы его Тине сразу не понравились: похожие на

щетку для сапог и такие же чёрные. Мрозовский неожиданно сменил тему разговора.

— А будьте любезны сказать, пани Кшыся, кто вас так испугал там, на Кальварии?

Тина округлила глаза, в надежде, что неприятный гость скорее покинет её мастерскую.

— Попрошу не строить гримасы, — заметил Мрозовский, — Здесь не циркус. Слушаю вас.

— Девочка там была. С куклой. А испугалась я, что на мою Линусю похожа. А так... ну сами знаете, Духов день... кладбище.

— Чем же она так на неё похожа?

— Запрещаю вам этот издевательский тон, прошу пана! Куклой она похожа: платье на той кукле ну точь-в-точь как я для Линуськиной шила.

— Вы могли кому-то отдать после похорон эту куклу, — предположил Мрозовский.

— Нет, не могла, — ответила Тина, глядя на руки. — Куклу эту я ей сама в гробик положила. Любимая это была кукла у дочери.

Мрозовский тяжело поднялся со стула, опять покрутил колесо на машинке и направился к двери.

— Спасибо вам, пани Кшыся, вы оказали неоценимую услугу всей «двуйке» в моём лице, — проговорил Мрозовский важно, поджимая губы и топорща при этом усы. — Вы позволите к вам обратиться в случае крайней необходимости?

Вроде и ничего не было каверзного в этом

вопросе, но Христине стало ясно как Божий день, что в случае той необходимости её никто не спросит, хочет ли она говорить с паном Мрозовским. Потому Христина пожала плечами и кивнула:

— Обращайтесь, если вам этого так надо. Только что с меня взять? Пользы с меня никакой.

— Ну, не скажите. Желаю здравствовать!

Мрозовский щелкнул каблуками, кивнул и вышел из мастерской.

Христина почувствовала навалившуюся усталость и налила воды из графина на столике.

«Такой тяжелый человек. Все жилы вытянет своими вопросами. Замучил. Душу вымотал. Забыть бы про куклу... Надо будет ещё раз на Кальварию сходить, вдруг выйдет случай, ещё раз увидеться с той девочкой», — думала Христина, отпивая воду мелкими глоточками.

Мрозовский оглянулся на окна мастерской и подумал, что нащупал ниточку к одному делу, не зря он подвёз белошвейку, ой, не зря... Надо непременно выставить слежку за этим копателем...

Ночью Тине не спалось. Она всё просыпалась, то от предгрозовой духоты, то от тяжелых мыслей. Ещё с вечера решила она, что пойдёт к пану Мрозовскому, но хотелось убедиться, что не зря придумала к нему идти. Тина не находила покоя:

пан Мрозовский казался ей неприятным и даже мерзким, но выхода иного, чтоб разобраться откуда кукла у Настуси, бедная женщина не находила.

— Встречу — и тогда спрошу! А уж, если что, пойду в Ратушу, — сонно подумала Тина и уснула.

* * *

В будний день на Рынке было малоллюдно. Часы на городской Ратуше только что отбили полдень. Голуби расселись на карнизе ратушной башни и затихли словно перед святой литургией.

Все хозяйки покупки сделали с утра, только школяры вертелись, как ужи, у хлебной лавки, да у лавки кондитера, совали свои носы в двери, на запах утренней выпечки.

Рузя скучала, выглядывала в окно, рассматривая красивого и рослого не по годам хлопца в школярской одежке. Зевнув, она прошла за прилавок, запахнулась в шаль и только хотела усесться поудобнее в кресле и вздремнуть часок, как звякнул колокольчик у двери и в лавку вошел пан Мрозовский собственной персоной.

— Доброго вам дня, пани Ковальчук! — он приподнял шляпу и кашлянул.

— И вам не хворать, — ответила она. Изогнулась как кошка, опершись локтями на прилавок и надула без того пухлые губы. — Чего

желаете? Может вам штаны помочь подобрать или сюртук праздничный? У нас и галстуки заграничные имеются, и булавки к ним.

— Спасибо, привык обшиваться у знакомых. Я к вам по другому вопросу.

— Это у Тины привыкли? — скривилась Рузя. — Такой приличный пан и обшивается у простой швачки. Я вам могу предложить такой товар. Чисто люкс! Не пожалеете.

— У кого я обшиваюсь, то не ваше дело, пани Ефрозиния, — отрезал Мрозовский.

Он оглянулся вокруг: стены в лавке закрывали бесконечные полки да вешалки, где лежало и висело уйма разнообразного тряпья, вполне приличного вида, и совсем непохожего на поношенное.

— Прошу пани, у вас коммиссионный магазин?

— Как видите, — ответила Рузя и развернулась спиной, делая вид, что поправляет товар. — Я того не скрываю, на вывеске всё написано — лавка Скарбика, да и уплачено куда надо.

— А куда надо? — прищурился Мрозовский.

— Прошу, пана, а то вы не знаете, кто на рынке поборы ведёт? Разве то не ваши коллеги? — спросила Рузя, ухмыляясь.

— Ладно вам, знаю я. Думал, может, кто еще приходит и сборы идут мимо Ратуши.

— А вы не думайте так много, пан Мрозовский, — дерзко отвечала Рузя, не забывая поводить плечом так, что тонкий шёлк блузки оголил плечо, показав кружево нижней сорочки. — У меня простая лавка, вы бы к мяснику или в колбасную лавку зашли. А что пан может взять с беззащитной женщины?

— Простая, говорите? — переспросил Мрозовский, пропустив мимо ушей тираду, он рассматривал белые сорочки, что висели одна на другой. — Хорошие сорочки.

Он еще немного походил по магазину, совсем не обращая внимания на хозяйку и пристально рассматривая товар. Рузя не выходила из-за прилавка. Она сидела в кресле, закинув ногу на ногу, трепала бахрому на шали и покусывала нижнюю губу.

— Спасибо, пани Рузя, — Мрозовский кивнул, прощаясь. — С вами было приятно вести беседу.

— Прошу пана... — ответила Рузя, опешив, и добавила дежурную фразу: — Приходите снова, может, надумаете что-то купить, так я помогу пану сделать выбор такой, как надо.

Когда дверь за Мрозовским закрылась, Рузя сплонула в пол и выругалась.

Утро выдалось солнечным и тёплым.

Обычную для этого времени свежесть в воздухе заменил парной зной, как обещание грозы ближе к полдню. Тина торопилась на Кальварию, чтобы до грозы успеть вернуться в мастерскую. В том, что гроза непременно случится, она не сомневалась. Даже синее безоблачное небо не могло её обмануть — земля парила и хотела дождя. Сегодня Христина шла не на могилу Линуси, она искала встречи с вчерашней девочкой. Чёрный креп по-прежнему скрывал глаза, каждый шаг Тины отзывался шелестом тяжелого шёлка на юбке.

— Встречу — обязательно спрошу, где она ту куклу взяла. Непременно спрошу! — обещала себе Тина и торопливо шла, поглядывая на небо, не бегут ли следом дождевые облака.

Ласточки тоже ждали дождя и кружились почти над землёй, ныряя в облака мошкары. На тропинке, неподалёку от могилки Линуси, в пыли купались воробьи. Они не испугались подошедшей Христины, а только перебрались немного дальше.

— Ну, здравствуй, моё сердечко! Как ты здесь?

Тина поцеловала надпись на кресте и повязала на него голубую ленточку. А после уселась на скамейку и нервно так начала посматривать меж могилочек. Уже и солнце выкатилось высоко на небо, и облака кудрявые набежали, а Христина всё не уходила, надеясь, что девочка появится. Тина

сидела, словно каменное изваяние, задрапированное в черный шёлк. Только креп на шляпке бился раненой птицей на ветру.

— Пойду я, Линуся! Работать мне нужно, а еще до города добираться, — сказала Христина, поправила ленточку и потихоньку пошла по тропинке меж могил к кладбищенским воротам.

Почти у самых ворот стояла Настуся, зажав под рукой ту самую куклу и пытаясь заплести ей косу.

— Помочь тебе? — спросила Христина, не веря такой удаче.

— Доброго вам дня, — ответила Настуся. — Помогите. Никак не могу её причесать, всё лохматую ношу.

Христина взяла куклу в руки и, сделав вид, что рассматривает её одежду, подняла подол кукольного парчового платья. «Езус Мария и Святые угодники! Это же быть такого не может! Это же не без нечистой силы всё делается...» — думала Христина, забыв, зачем у неё в руках эта кукла.

— Пани, вы если не хотите помогать, то отдайте куклу, я сама как-нибудь её заплету.

— Очень уж у тебя она красивая и платье необычное. Скажи, Настуся, а откуда ты её взяла? Подарил кто?

— Это батя подарил, — гордо отвечала

девочка. — Он меня не балует, точно вам говорю. Красивая она у меня, правда?

Девочка так искренне смотрела Христине в глаза, что только память о дочери да чудесное совпадение с куклой (а Христина ещё верила, что это совпадение), принудили продолжить задавать вопросы.

— А где же ты живёшь, что гуляешь по Кальварии?

— Мы с батей на хуторе живем. Это недалеко отсюда.

В душе Христины всё трепетало. Наскоро попрощавшись с девочкой, она поспешила в Управу, к пану Мрозовскому.

Здание Управы стояло рядом с рыночной площадью, в тёмном сквере возле Василианского монастыря. Среди людей о «двуйке» ходили недобрые слухи. Говорили, что однажды в тамошнем подвале нашли повешенного, и никто не знал кто он. Из местных тело никто не забрал. Не признали, значит. А торговки на рынке шептались, что тот висельник воет ночами в подвале. Даже важные господа из Управы в подвалы заходить не решаются. Кому-то из господ Гринька-мясник родичем приходится, потому и просили Гриньку в подвал сойти. Он об этом сам рассказывал, когда напился в Рождество. Говорил, что не видел в тех

подвалах никого, а раз не видел, так, значит, то дух висельника воеет, никому не видимый.

Тина перекрестилась на монастырь, нащупала в кармане визитную карточку пана Мрозовского и решительно подошла к дверям Управы. Она толкнула тяжелую дверь и вошла в тёмный коридор. Внутри оказалось прохладно, и тянуло сыростью из проклятого подвала. Постояв некоторое время, и не дождавшись, чтоб кто-то из многочисленных господ обратил на неё внимание, Христина поёжилась и постучала в первую попавшуюся дверь, чтоб спросить, где ей искать Мрозовского.

— Доброго дня! А нельзя ли спросить... — начала Христина и запнулась. После темноты коридора комната, казалось, залита светом. От табачного дыма Христина расчихалась, а потом и вовсе закашлялась. Потому, чтоб не стоять столбом протянула визитную карточку пану, сидящему за столом, и ткнула в неё пальцем. — Прошу пана указать кабинет...

Из глаз Тины лились слёзы и не собирались прекращаться. Теперь ей стало страшно неловко перед хозяином кабинета.

— Вам на второй этаж, — хрипло сказал пан. — Комната как раз над моей.

— Очень я вам, пан, признательна! — Христина выхватила визитную карточку из руки

хозяйина кабинета и выскочила в коридор отдышаться.

Вскоре она сидела перед Мрозовским и рассказывала о своих волнениях.

— Пан Эдвард, платье-то это точно моё. Парча двухцветная осталась от платья, что для одной дамы шила. Она ещё любезно все обрезки оставила, для Линуси. Вы не подумайте чего! Я не какая-то полоумная с горя. При памяти я. Сегодня была на Кальварии и снова ту Настусю встретила, девочку маленькую, такую же, какой моя Линуся была. Так я куклу ту в руках держала, точно вам говорю! И платье видела, и с изнанки смотрела — моими руками оно сшито!

— Вы, пани Кшыся, успокойтесь. Воды выпейте, — Мрозовский придвинул графин с водою и поставил стакан. — А с чего вы так беспокоитесь? Ведь куклу могли украсть из вашего дома во время похорон. Могли?

— Могли, но её не крали из дома! — Тина сцепила обе руки, сложив как на молитву. — Вы меня разве не слышите? Говорю вам, что я ту куклу сама в гробик к дочери положила! А теперь с ней другая девочка ходит. Я бы ей куклу просто так отдала, но кукла-то должна рядом с Линусей лежать. Видела я, как гробик заколотили, опустили в яму и забросали землёй. Никто из гробика куклы не вынимал!

Тина выговори­лась, выдохнула и плеснула в стакан воды. Пока она пила, Мрозовский внимательно на неё смотрел. А после вдруг спросил:

— А где, говорите, служит отец Настуси?

— Могилы он роет. Так Настуся сама мне и сказала. И живут они неподалёку, на хуторе.

Уходила Тина с тяжелым сердцем. Всё казалось, что висельник из таинственного подвала теперь за нею уцепится и в её доме выть станет.

* * *

Эдвард Мрозовский был не из тех, кто старается начальству угодить и с особым рвением своё дело делает. Он был склонен не противиться обстоятельствам, дабы не попасть впросак с излишним усердием. Вот, если возьмётся он старательно за дело, а пока концы найдёт, начальник дело-то и прикроет. По родственному, чтобы зятю брата жены, к примеру, не навредить. А так, смотришь, другая неделя пошла. Начальник торопит, газетчики всё на первой полосе выложили. Тогда не грех и постараться. Хотя случались моменты в жизни Эдварда, когда он подобно породистой ищейке, что называется, носом землю рыл. Самому себе он объяснял подобное усердие

довольно просто: «Кто же поможет этой несчастной женщине, если не я. А она, бедняжка, так мила, что хоть бы и сейчас с нею уединился». Уединяться не каждый раз получалось, но Эдварду и того хватало.

Мужчиной он был холостым. Скандал с супругой все давно забыли, или сделали вид, что не помнят, или просто этот наскучил, так как новые скандалы всегда случаются. Супруга-то сбежала с заезжим жиголом, после прислала одно письмо, в котором сообщила, что снова вышла замуж, а их с Мрозовским брак теперь недействителен, ибо новый заключен в новой религии. Через полгода она вернулась, но уже к двоюродной сестре. Та собиралась принять монашество и с особым усердием взялась за возвращение заблудшей овцы на путь истинный. Так получалось, что теперь Эдвард с чистой совестью уединялся, с кем хотел.

Службу пан Мрозовский нёс исправно и по мере сил. И всё было бы хорошо, если бы не случаи на городском кладбище. Не единожды от горожан поступали жалобы на плохой присмотр за могилами. Явятся люди через несколько дней после похорон и видят — венки разбросаны, насыпь повреждена.

— Безобразие, пан Мрозовский, нет на хулиганов управы! Вот от вас только и ждём, что на место их поставите, а лучше наказать в пример другим, — говорил нотариус в кабинете Эдварда

Мрозовского месяц назад. Могила его тестя через несколько дней оказалась в том самом ужасном состоянии, на которое жаловались прочие.

— Мы обязательно разберёмся. Даже не сомневайтесь! А виновных накажем. Показательно накажем!

Сейчас Мрозовский вертел в руках заявление от пани Христины Германовой. Под пресс-папье лежали многочисленные заявления от горожан.

Бричка подкатилась к воротам Кальварии. Эдвард Мрозовский соскочил на землю и крикнул, ухватив себя за поясицу.

— Ох, ты ж... грехи мои тяжкие. Сидел бы сейчас в кабинете, кофе пил, да в окне голубей считал. Ну, теперь ты, пани Кшыся, должна будешь пану Мрозовскому...

Эдвард обращался к невидимой собеседнице, потрясая указательным пальцем, а хлопчик на козлах хихикал в кулачок и крутил пальцем у виска.

Кладбищенский сторож людей не любил. Они навевали на него тоску и желание выпить. Вот и сегодня: с утра прошла похоронная процессия, и родственники усопшего занесли сторожу, что Бог послал. Пётр, так звали сторожа, воспитан был хорошо и потому вежливо улыбнулся, даже поклонился. После разложил поминальную пищу на

столике и выпил за упокой души рабы божией Домахи. Из всех людей Пётр любил только её. Покойница Домаха приходилась ему супругой. Ей одной он хранил верность. Но от осознания своей праведной жизни время от времени нарушал заветы Домахи и пил горькую. Пил он её радостно, потому что никто не подойдёт со спины и не огреет чугунной сковородкой по загривку.

Сейчас Пётр смачно закусывал краковской колбаской и квашеной капусткой, как из-за угла вышел неприятный господин. Кладбищенский сторож знал пана Мрозовского и от того считал неприятным.

— Доброго дня, пан Пётр! — поздоровался Мрозовский и кивнул на столик: — Хоронили сегодня кого-то или жалование выдали?

— Доброго. Кому он добрый, а кому последний, — скривился сторож. — Прошу пана, а что, это теперь такие порядки, что человеку в тарелку заглядывать, да про жалование спрашивать?

— Ничего подобного! Не в моих правилах напрашиваться на обеды, но вся «двуйка» давно отобедала.

— Так им делать-то нечего, вот и обедают по времени. А мне следить за всем нужно. Ямы вот людям копать.

— А вы разве сами их копаете? — спросил

Мрозовский и прищурил один глаз.

— Не сам. Но таким сычом на меня зыркать не надо, я с копальщиками не рассчитываюсь, то дело хозяйское, кому и сколько давать.

— Хозяйское, говорите? А в прошлом годе, это не вам вдовая молодуха с горя перстень мужнин отдала?

— Ой, Езус-Мария! Теперь и благодарить человека нельзя, всё в одно корыто мешают — и шмальцовщиков, и честного человека!

— Так уж и отблагодарила? Вы ей такую цену за яму назвали, что честной женщине пришлось семейные драгоценности из кармана доставать. Но это всё лирика. Вы мне, пан Пётр, вот что скажите. Люди жалуются, что на могилах их шерудят, венки разбрасывают. А вы за порядком не смотрите, хоть за то вам и платят жалование от Магистрата. Может, скажете мне, часто ли бывают богатые похороны? Когда много венков, дорогой гроб, на покойнике — хорошая одежда.

Сторож равнодушно жевал краковскую, заедая квашеной капустой, и молчал. Мрозовский подошел к столику и отодвинул от сторожа миску с капустой.

— Пан Пётр, я могу не побрезговать сейчас и забрать у вас обед. А потом пройти к начальнику «двуйки» со всеми теми заявлениями, что скопились у меня в кабинете.

— К начальнику «двуйки» — это лишнее. Богатые похороны случаются, конечно.

— Вот вам карточка, чтоб не забыли, где меня найти. Пан Пётр, попрошу сообщить, когда случатся такие похороны, — сказал Мрозовский и тише добавил: — Думаю, не нужно повторять о том, что разговор у нас конфиденциальный?

— Не нужно, — ответил сторож.

Когда Мрозовский ушел, сторож налил в стопку и отломил кусок колбасы.

— Визи-и-итки он раздаёт, — скривился Пётр. — Не зря люди визитёром обозвали. Как будто я не знаю, где «двуйка» находится. Вот видишь, Домаха? Ты видишь, что за люди вокруг. Ушла, а меня оставила. Чем тебе со мной плохо жилось? Теперь каждый полицейский клоп хочет обидеть одинокого человека.

По пути в Управу Мрозовский зашел в кондитерскую на чашечку кофе. В той кондитерской варила кофе очаровательная дамочка. Хоть лет дамочке было и немало, но все не во вред. Марьяна Пашкевич всегда пахла ванилью и корицей, и напоминала Мрозовскому глазированную булочку с изюмом. Пухлые губы на круглом лице всегда улыбались, у глаз собирались морщинки-лучики. Пани Марьяна, на взгляд Мрозовского, ещё вполне упрягая дама, и годилась

для уединений. Однажды, им удалось остаться у пани Марьяны в доме, покуда её муж, сердитый пан Пашкевич, ездил на охоту. Мысль о несвоевременном возвращении сердитого охотника возбуждала Мрозовского еще больше, чем округлые бока неверной жены. Пани Марьяна стреляла из темноты спальни карими глазами и дышала, как загнанный зверь. Уходя от страстной кондитерши, Эдвард Мрозовский ощущал себя с тяжестью добычи в руках и с не единожды стрелявшим ружьём.

Так и теперь он, не успев войти в дверь кондитерской, залоснился улыбкой и сразу стал высматривать свою козочку.

— Доброго дня, пан Эдвард, — пропела пани Марьяна из-за стойки и подарила ему одному предназначенный взгляд. — Что пан желает сегодня? Или пану, как всегда, кофе погорячее и со взбитыми сливками?

— Приветствую вас, пани Марьяна, — ответил Мрозовский, облизав губы. — Вы мой выбор знаете. К нему можно добавить штрудель яблочный, и полить сиропом.

— Прошу пана, какой сироп желаете?

— А это уже на ваш вкус.

Пани Марьяна суетилась за стойкой, насколько возможно изящно в её весе, прогибала спину, чтоб достать из шкафчика штрудель, и

кокетливо заправляя за ушко прядь волос. Она улыбалась Мрозовскому, опуская ресницы как школьница. Никому из редких посетителей кондитерской не приходило в голову, что между этим пожилым господином и немолодой дамой возможна любовная связь. Когда в заведении остался занят только один столик, да и то Мрозовским, пани Марьяна вынесла маленький серебряный поднос, на котором в тонком фарфоре и под шапкой взбитых сливок дымился кофе, а рядом, политый карамелью, ароматно пах пирог с яблоками и изюмом.

— Ваш заказ, пан Эдвард, — с придыханием сказала пани Марьяна.

— Скажите мне... Дайте хотя бы надежду, что я смогу получить ещё больше, — сказал Мрозовский, поймав пани Марьяну за руку.

— Ах... — Марьяна закатила глаза, и тут же взяла себя в руки — сквозь большие окна кондитерской их могли заметить с улицы. Кондитерша поспешно отняла руку и спросила: — А вы знаете, что скоро открывается сезон охоты?

— Неужели?!

— Да, да... Мой муж, пан Пашкевич, очень любит выезжать на охоту. Если вы придёте на следующей неделе, я смогу сообщить вам точнее. Ведь пан Пашкевич наверняка откроет сезон лично.

— Вы не сомневайтесь, пани Марьяна, я

обязательно зайду засвидетельствовать своё почтение на следующей неделе, — сказал Мрозовский, помешивая кофе. — Мне кажется, или вы смололи какой-то новый сорт? Необычайный вкус и аромат. С этим ароматом может сравниться разве что запах сдобы, — Мрозовский говорил со значением растягивая слова и поглядывая на кондитершу жадно блестящими глазами.

Договорившись о свидании, Мрозовский допил кофе, рассчитался и вышел на улицу.

— Всё-таки, что бы ни говорили доктора, а кофе положительно влияет на свежесть мысли.

Холодное лето давало отдых от неожиданно знойного мая. Мрозовский не любил жару. Сейчас он спокойно мог прогуливаться в костюме, не расстёгивая пиджака, и даже вечером набросить плащ. Навстречу ему прошли монахини-доминиканки, Мрозовский снял шляпу и слегка поклонился. На что монахини ничего не ответили, только ниже склонили головы и ускорили шаг. Эти монахини были строги и мирских радостей не одобряли, отчего Мрозовский по молодости любил пошутить над ними, но всякий раз бывал пойман и строго отчитан местным ребе. Но более доминиканок Мрозовский страшился монахов Василианского монастыря. Эти сами могли поймать и за ухо отвести не в синагогу, а к своему

настоятелю. Потому маленький Эдюня всегда обходил их другой дорогой.

В пятницу, когда все мысли Эдварда Мрозовского были о предстоящей рыбалке, в Управу заявился кладбищенский сторож. Он пожимал плечами, морщил усы и всё как-то не решался отойти от входной двери. Потом внимательно осмотрелся и решительно вошёл внутрь. В кабинете он уселся на предложенный стул и, обдав Мрозовского запахом перегара, стал вертеться, то заглядывая под стул, то вытягивал шею и высматривал кого-то в окне.

— Пан Пётр, что вы не сидите спокойно? Вас ждут? — спросил Мрозовский, кивая в сторону окна.

— Сесть спокойно я успею всегда. Какие мои годы... — сторож подался вперёд и зашептал, озираясь на массивную дверь кабинета: — Никто меня не ждёт, а сегодня копальщики придут — похороны богатые на завтрашнее утро назначены.

— Кого хоронят?

— Жену известного в старом городе нотариуса. Знаете, есть такой Рафаэль Гольдман, его папаша когда-то держал мыловарню. На те мыльные деньги он выучил сыночка. Сначала хотел учить на скрипача, а потом, мадам Войцеховская, что из филармонии, открыла Гольдманам глаза, все

поняли, что Рафику слон наступил на оба уха и его срочно отправили в университет. Постигать юридические науки. В общем, жена Рафика Гольдмана долго болела и отдала Богу душу. А людей признательных её мужу много, потому и венков будет много и Гольдман не поскупится на пышные похороны.

— Ещё раз напоминаю, что разговор наш конфиденциален. Помните об этом. Пан Пётр, «двуйка» вас не забудет, — сказал Мрозовский и протянул руку сторожу.

— Лучше бы она про меня забыла, — ответил сторож, отвечая на рукопожатие.

Сторож вышел за дверь, Мрозовский брезгливо поморщился, достал из стола большой белый платок, смочил в воде из графина и тщательно обтёр руку.

К ночи следующего дня, обрядившись как рыбаки, трое мужчин подходили к городскому кладбищу. Если вдуматься, то возле кладбища рыбу не поймать. Не потому, что плохо клюёт, а потому что река в Жолкеве называется Свинья. Говорили, что название к ней прилепилось с тех времён, когда почти триста лет назад, во время Северной войны, в городе находился штаб самого Петра Первого. Здесь он разрабатывал планы баталий со шведами. Вроде как, самодержец и обозвал речушку таким

словом. А за рыбой можно на ставок отправиться, но к нему из города по другой дороге ехать. Там можно вполне прилично наловить: хватит и для себя, и соседей угостить. А кто порасчетливее, то и продать сможет. Какая хозяйка откажется купить рано поутру свежепойманную щучку или сома?

Но если к нашим рыбакам, идущим вдоль кладбища, присмотреться, то при них никакого рыбацкого снаряжения не увидишь. То есть они идут не с пустыми руками, но рыбу этим не поймаете.

Мрозовский сжимал в ладони рукоять маузера. От нервного напряжения ладонь взмокла, и приходилось переключать маузер попеременно из руки в руку, обтирая ладони о штанины. Широкий и коренастый, вполне бандитского вида сыщик, Миша Гроссман держал за поясом наган, нервно ощупывая его всякий раз, чтобы убедиться, что не потерял. Самый юный, Виктор Мазур, шел, выставив впереди себя парабеллум и приседая на каждый шорох. Мрозовский больше всего боялся, что их заметят и поднимут на смех. А до взятия преступников и дело не дойдёт.

— Виктор, не нужно размахивать оружием, как деревянной сабелькой, — язвил Гроссман.

— Почему это деревянной? — переспросил Мазур.

Гроссман беззвучно затрясся от смеха.

— Потому что я бы не дал вам другого оружия.

— Прошу паньства, говорите потише, — сказал Мрозовский, подняв одну руку вверх.

— Что вы там увидели? — Мазур выставил парабеллум в ту сторону, куда смотрел Мрозовский.

— Пан Эдвард, на Бога! Заберите у него оружие, иначе он нас здесь похоронит! — возмутился Гроссман.

— Действительно, Виктор, уберите в карман. Оружие — это не игрушка. Вдруг вы нажмёте на курок?

— Почему я нажму на него вдруг?!

— Со страха! — Гроссман снова беззвучно затрясся.

Мазур убрал парабеллум в карман куртки, бормоча ругательства, и пошел к кустам шиповника помочиться. Он почти расстегнул ширинку, как ветки кустов раздвинулись, и прямо на него вышел кладбищенский сторож. Свет от луны ярко осветил спитое лицо сторожа и слегка выкрасил в синеватый цвет.

— Пан Мрозовский, это вы? — спросил сторож, прищурив глаза.

Мазур перекрестился и тут же смачно выругался.

— Я здесь, — сказал Мрозовский и помахал

рукой.

— А это кто такие?

— Мои помощники на случай стремительного отхода бандитов.

— Ага, — кивнул сторож. — Эти помогут отойти. Стремительно. И, главное, недалеко совсем идти — вот и ямы опять наготовили, — он повозмушался для порядка, поманил всех за собой и повел по дорожке между склепов.

Чем дальше заходили в глубь кладбища, тем холоднее становилось Мрозовскому. Становилось не просто холодно, а возникало навязчивое ощущение, что он сам лежит под одной из могильных плит и влажная земля обнимает его последнее пристанище. Сырость проникает сквозь сбитые доски, подушка отсырела и пахнущая грибами влага покрыла лицо...

Окончательно испугавшись своих мыслей, Мрозовский кашлянул, потом еще раз, а затем и вовсе зашелся кашлем.

— Что-то вы, пан Мрозовский, как чахоточный, — заметил сторож. — Никак подхватили заразу.

— Ничего я не подхватил, пан Пётр! — разозлился Мрозовский. — Ваши домыслы оставьте при себе. Лучше за дорогой смотрите, пока не завели нас неизвестно куда.

— А что мне за ней смотреть. Никуда дорога не денется. Это вы смотрите со страху никуда не денетесь, вот вас как колошматит.

— Холодно здесь.

— Ну да! — тихо засмеялся сторож. — Это на вас покойники страху нагоняют. А ночь тёплая. Завтра день хороший должен быть. Видите, какие звёзды на небе? — и, не дожидаясь ответа, махнул рукой на свежую могилу, — Стойте, пришли. Вот она — могилка Фани Гольдман. Пусть покоится она с миром. Располагайтесь, где вам удобно, а мне и издали неплохо видно.

Сторож ретировался в ближайшие кусты от греха подальше, а Мрозовский с помощниками спрятался за венками. Вовремя они успели. Ждать долго не пришлось, вскоре послышались тяжёлые шаги, и к могиле подошли двое. У одного в руках были лопата и мешок, а у второго — лопата и ведро с верёвкой. Из засады гробокопатели неплохо просматривались, только лиц при лунном свете нельзя было разобрать. Они немного потоптались, покурили по одной, и принялись раскапывать могилу. Работали споро — видно, что делать это им приходилось не в первый раз.

Когда один из преступников залез в яму и стал на крышку гроба, Гроссман потянулся из укрытия и дёрнул второго за ногу.

— А-а-а! Спасите! Отпустите, заради всего

святого! Ой, мама-а! — гробокопатель заорал, думая, что это покойник ухватил страшными пальцами, и свалился на напарника. Напарник остолбенел, застонал и потерял сознание.

Когда гробокопатели пришли в себя, на них сверху смотрело три ствола.

— Что вы там, заснули? Лезьте наверх, хватит прохлаждаться, — прикрикнул на гробокопателей Мазур. Он расстроился больше всех, так хотел проявить себя в поимке преступников. И теперь готов был сорвать злобу на неудачливых копателях. — Что ждёте, черти?

Мрозовскому же всё казалось безразличным, хотелось поскорее домой, принять ванную и забыть кладбищенское приключение, как страшный сон.

* * *

Одним их гробокопателей оказался отец девочки, которую встретила Христина у могилы своей дочери. Вторым же был Рузин жених, по совместительству квартирный вор, Вениамин Железов. Его давно мечтал поймать и сам Мрозовский, и другие сыщики. Только кроме слухов и сплетен, ничего конкретного предъявить не могли. Где проживал Железов, тоже непонятно. По делу привлекли и Рузю. Её вызвали в Управу, а она по неопытности подумала, что в качестве

свидетельницы.

— Доброго вам дня, пан Мрозовский, — сказала Рузя, когда её привели в кабинет.

— Приветствую, пани. День сегодня точно добрый, — сказал Эдвард Мрозовский и заглянул в записную книжку. — Ефрозыния Ковальчук.

Рузя изобразила смущенную невинность: сложила руки на коленях, опустила ресницы и вообще походила на гимназистку, сбежавшую с урока и пойманную за поеданием тортов в учебное время. Стул, на котором она сидела, стоял посреди кабинета, как раз напротив окна. Образования Рузе не хватало, а вот врожденного кокетства и женского обаяния наблюдалось в достатке. Солнечный зайчик играл на гладкой щеке, путаясь в завитках волос возле маленького ушка. Рузя знала, что очень хороша собой и привыкла бессовестно пользоваться прелестями, данными Богом. Она наклоняла хорошенькую головку так, чтобы лучик солнца проходил сквозь ресницы, делал выражение её хитрющих глаз добродетельным и в то же время вызывал желание защитить.

Мрозовский писал отчет и посматривал на Рузю. Не было никакой возможности удержаться, чтобы не смотреть на самую панянку и на её грудь под шелковым платочком, что скрывал глубокий вырез на платье. Грудь то и дело вздымалась от глубокого дыхания, к пухлой губке прилипла

прядка волос и трепетала на каждом вздохе. От этой картины пану Эдварду стало не по себе: и дыхание сбилось, и пульс участился, и невероятно сильно захотелось сейчас задрать девице юбки, закинуть её ноги себе на плечи и дышать, дышать... Сморгнув видение, пан Эдвард облизал пересохшие губы и сосредоточился на отчете.

Рузя заметила томный взгляд и улыбнулась маленькой победе.

— Ах, пан Мрозовский, подайте воды, прошу вас! Слабость такая, что сил нет. Сейчас сознание потеряю.

Пан Эдвард спешно подскочил, налил в стакан воды из графина и поднёс Рузе. Хотя на самом деле он совсем не был против, чтобы Рузя сейчас и в его кабинете потеряла сознание.

Рузя приняла стакан, и, покуда Мрозовский стоял рядом, сорвала с шеи платочек, открыв все прелести для ближайшего осмотра. Выпив воду, она вернула стакан и подняла на престарелого сыщика похотливые глаза. Пана Эдварда дважды просить не требовалось. Он понял всё с полуслова. Быстро подошел к двери, повернул ключ в замке и вернулся к даме. Рузя, решив, что кроме неё самой помочь никто не сможет, бросилась во все тяжкие — она поднялась со стула, подошла к окну и, упершись в подоконник, прогнула спину, как голодная кошка.

Пан Эдвард подошел сзади и обхватил

упругое Рузино тело, а потом ловко забросил ей на спину верхние и нижние юбки и стащил вниз панталончики с кружевной оборкой. Стаскивал так, что кружево жалобно крякнуло и осталось в руке.

— Что ж вы так неаккуратно? Это ж дорогое бельё, с ним нужно ласково и нежно, — промурлыкала Рузя из-под юбок. — Это ж мне придётся новое покупать.

— Я тебе всё куплю, Рузя, — пыхтел Мрозовский. — Что пожелаешь, то и куплю.

— Уж лучше вы меня от дела этого отстраните. Я же знаю, что вы можете устроить так, что дело будет люкс. Ведь можете?

Пан Эдвардч пыхтел, со всем соглашался и мял пышные бока пани Рузи. Дверную ручку один раз дёрнули и ещё пару раз постучали, от чего пан Эдвард задвигался еще резвее, а Рузя по новой взяла обещание, чтоб наверняка.

Пан Эдвард торопливо надел брюки, носовым платком вытер пот со лба и затылка, сел за стол. Через мгновенье Рузя поправила юбки и уселась на стул посреди комнаты. Она, как ни в чём не бывало, крутила на пальчик прядь волос, шелковым платочком прикрыв грудь, и только игривый блеск глаз мог выдать недавнее возбуждение.

Закончив писать, пан Эдвард объявил Рузе:

— Пани Ковальчук, вы сейчас свободны. Но прошу вас явиться на суд в качестве свидетельницы

по делу.

— Конечно, пан Мрозовский. Как можно не явиться! Я ж обязательно, я ж для правосудия и со всей душою...

Рузя тарахтела бы ещё и ещё, но пан Эдвард мягко выставил её за дверь.

— Какова панянка! Эх, жаль, что юбки снять не удалось, — мечтательно глядя в окно на удалявшуюся Рузю, сказал пан Эдвард. — Юная пани, а так созрела... Надо будет после суда помочь ей устроиться...

Рузя торопилась уйти подальше от «двуйки». Ночь, проведённая в подвале, нагнала страху и тоски, побольше, чем известие, что её засудят. Она радовалась, что так повезло с паном Мрозовским. «Хорошо как, что пан холост и игрив не по годам. Где бы я теперь была, если бы не его похотливые ручки. А панталончики то кружевные хлипкие оказались. Обманула Зелюнца, зараза! Французский батист! Ага, французский... Жмеринский лежалый сатин», — думала она.

Шла быстрым шагом в свою лавку, чтоб достать из тайника драгоценности, предусмотрительно припрятанные самой Рузей втайне от жениха. Вспомнив о женихе, она чертыхнулась. Теперь придётся идти к Веньке на свидание, чтоб его дружки не наведались среди

ночи. Что ему сказать она знала, но как пристроиться, и поскорее, возле надёжного человека, казалось сложной задачей. На примете у Рузи никого не было, а Мрозовский на должность любовника не подходил: во-первых, сыщик, а значит, все поймут, где собака зарыта, во-вторых, небогат, а это уже посерьёзнее причина.

На следующий день Рузя за маленькое золотое колечко договорилась с охранником из Управы о свидании с Веней.

— Ты ж пойми, Веня. Я молодая совсем. Вот к тебе мамаша твоя приезжать станет. А ко мне кто? Зея? Эта такая горячка, она после суда и лицо моё забудет, чтоб клиентов не распугивать своими знакомствами. Лавку закрыть придётся. Кто в ней торговать станет? А главное, чем? И не то главное. Кто туда покупать придёт? Все теперь знают, с кого костюмы снимали. В общем, уезжать мне нужно. Уезжать и по новой жизнь налаживать. Ты уж прости, но после суда мы больше не увидимся.

Веня, похожий на крепкого бычка парнишка, всё это время елозил по Рузе жилистым телом и тяжело дышал. Рузя терпела солону из матраса, что кололась в спину и терпела немытого потного Веню, пахнущего намного хуже старого Мрозовского. Рузя обещала себе, лежа под теперь уже бывшим женихом, что никогда не позволит

себе так по-глупому вляпаться. А если и решит держать лавку, то торговать станет исключительно дамским бельём или шляпками.

Тина спешила. С востока небо затягивали черные тучи, холодный ветер гнул ветки на деревьях, которые норовили дотянуться до лица и дать пощечину. Вчера, в костёле Святого Лаврентия, Тина плакала перед иконами и ругала себя:

— Прости меня, Мать Долороза! Осиротила девочку, без кормильца оставила! Нужна мне была та кукла!

Тина усердно молилась, плакала до икоты, прикрыв лицо вуалем, и даже опалила горячим свечным воском пальцы. Больше всего она боялась, что Настусю, чьего отца теперь буду судить за гробокопательство, заберут цыгане. Тина была уверена, что сломала девочке судьбу и не будет ей прощения, если не заберёт сиротку на воспитание. О проблемах, связанных с усыновлением, она не думала, как не думала и о том, захочет ли Настуся с нею жить.

* * *

До хутора Заглина оставалось совсем немного. В воздухе остро пахло дождём. Тина уже прошла

исток реки Маруси, а значит и сам хутор недалеко. Из-за деревьев виднелись деревянные крыши домов и маленькая церквушечка. Ноги пекли огнём от пыли, забившейся в туфли, и усталости. Тине казалось, что она чувствует под ногами каждый камушек на дороге. Хотелось разуться, опустить босые ноги в прохладную воду и подержать так хоть пять минут. Но она спешила, заходила гроза, а молнию Тина боялась больше, чем цыган.

Как и всякую не очень образованную женщину, Тину пугало всё неизвестное и необъяснимое. В гимназии святой Анны Тина училась недолго, потому как после пятого класса её отдали в обучение портнихе.

— И накормлена, и научена, — говорил отец. — Всё же лучше, чем нам тянуться и за учебу приплачивать.

Мать с ним никогда не спорила, она была женщиной тихой и незаметной. До того незаметной, что когда она умерла никто не знает. Просто к обеду не вышла, а потом вспомнили, что за завтраком бледная сидела. Нашли её в кладовке, на полу, свернувшуюся калачиком. Уже и остывать стала, хорошо, что смогли ровно положить. Но где там смогли! Из гроба её рука выглядывала, помахивая всю дорогу до кладбища. Тина тогда подумала, что мама так прощается. Рукой всем машет. Отец без матери прожил два года, а потом

спился и зимой замёрз насмерть. А хоть бы и была Тина семнадцати лет, когда отца похоронила, но всё равно сиротство прочувствовала остро. Когда не к кому голову приклонить, и не от кого услышать доброе слово. Разве что на исповеди святой отец напутствие скажет.

У первого от дороги дома сидел старик. Он положил обе руки на палку, которую держал, уперев перед собой. Нельзя было понять, спит он или просто сидит, потому что шапку натянул чуть не до носа. Христина подошла, пытаясь рассмотреть старика, заглянула под шапку. Как вдруг старик ухватил её за руку.

— Шапку украсть хотела?! Признавайся, заблуда!

Голос у старичка оказался писклявый и премерзкий. А холодная сухая ладонь обхватила Христинино левое запястье мёртвой хваткой.

— Ничего я не крада! Это вы, дядечка, ошиблись, — оправдывалась Христина, пытаясь вытянуть руку. — Мне спросить нужно насчет девочки одной. А тут смотрю — вы сидите. Только непонятно, спите или нет.

— Непонятно, значит? А шапку зачем взяла?!

— Не брала я шапку!

Христина чуть не заплакала, когда старичок грозно хмыкнув, ткнул пальцем в собственную шапку в Христиной правой руке.

— Значит, просто подержать взяла? Вот сейчас спущу на тебя собаку, чтоб знала.

— Ой, смилуйтесь, дядечка! — запричитала Христина. — Я девочку ищу, Настусю. Чернявая такая, лет пяти. Отец её ямы на кладбище копает.

— Угу. Накопал уже, — скривился старик и отпустил Христину. — Это ты Пасичника дочку ищешь? Настуську?

— Я фамилию её не знаю.

— Зато я знаю. У нас других таких на хуторе нету. Одна девка, а то всё хлопцы, — сказал старичок. — Стучи в следующие ворота. А можешь и так зайти. У них никогда не заперто и собаки во дворе нету.

— Спасибо вам большое, — сказала Христина, кланяясь чуть не в пояс.

Христина положила ладонь на влажное холодное дерево и толкнула. Низкие деревянные ворота потемнели от времени, а на ощупь залоснились под множеством ладоней, но тепла их в себе не сохранили. Одна створка ворот с тихим скрипом отворилась, показывая заросший травой двор и кривое крылечко дома.

— Настуся! — позвала Христина. — Настуся, ты дома? Выйди, мне с тобой поговорить нужно.

В окне мелькнула тень, Христина напряженно ловила каждое движение в доме. Прислушивалась к шорохам, пытаясь понять, откуда идёт звук.

— Настуся!

Дверь открылась, на крыльцо вышла девочка. Она прижимала к себе ту самую куклу и недоверчиво пялилась на гостью.

— Тётяшка, а вы кушать дадите? Если вы за вещами, то уже нету ничего. Забрали всё.

Христина быстро поднялась на крыльцо, вошла в дом и обомлела. В доме было пусто. В единственной комнате кроме прохудившегося ведра на полу, стоял продавленный стул и на подоконнике в горшке пожелтевшая герань. Пыль сбилась по углам рваными лохмотьями, кроме пыли, на полу валялись матрас и одеяло. Матрас этот не представлял никакой ценности, даже вместе с одеялом. Придя в себя, Христина открыла ридикюль, где лежал петушок на палочке на могилку к Линусе.

— Вот, возьми. Больше ничего нет, — сказала Христина. — Собирайся, поедем ко мне. Дома борщок ждёт, и пампушечки. Собирайся, детка.

Настуся подошла к входной двери и остановилась. Она держала куклу за руку, словно та могла пойти рядом, и смотрела Христине в глаза. От этого взгляда Христина поёжилась. «Папашку её четыре дня как арестовали, а люди такие добрые, что всё вынесли и поесть не дали. Собаку свою больше пожалеют», — думала Христина, стараясь не разреветься от жалости к Настусе.

— У тебя кроме куклы вещи есть? Одежда есть?

Настуся отрицательно помотала головой и крепче вцепилась в куклу.

— Ничего. Всё будет. Наживем ещё.

Христина взяла девочку за руку и повела в город.

* * *

Рузя стояла за колоннами. Она плевала семечки и пряталась...

С утра в её лавку приходил пан Мрозовский, чем очень испугал Рузю. Она как увидела в дверях Эдварда Мрозовского, так и села мимо кресла.

— Доброго дня, пани Ковальчук! — поприветствовал Мрозовский.

— Доброго, раз вы говорите, — ответила Рузя, с недоверием присматриваясь к гостю.

— Чего же вы так испугались? Хотите сказать, что я не вовремя с визитом?

— Что вы! Что вы, пан Мрозовский, — замахала руками Рузя. — Как можно, чтобы вы и не вовремя.

Мрозовский оглянулся — в лавке на продажу не было буквально ничего. Пустые полки и вешалки смотрели со всех сторон. Только огромный фикус в углу напоминал, что помещение

вполне жилое.

— А раньше этот фикус незаметно в углу стоял, — заметил Мрозовский. — За товаром не видно было.

— Да, — вздохнула Рузя. — Не видно.

— А что же сейчас? Распродались?

Поздравляю, что так скоро.

— Ой, ну что вы! — Рузя сделала вид, что смущена и уставилась на пол. — Одним днём всё ушло. Оптом забрали. Не за дорого, но я и не жалею. Как говорится, с глаз долой...

— Как планируете устроиться? — Мрозовский задал самый главный вопрос, ради которого он и пришёл в лавку.

— Хотела шляпками торговать, дамским бельём и чулками. Прошу пана, а с чего у вас такой интерес к бедной женщине? — заинтересовалась Рузя.

— А с того, что друг у меня есть. Он доктор. И ему нужен кто-то, чтобы сопровождать...

— Ой, нет! Я и крови боюсь! — воскликнула Рузя.

— Вы дослушайте сперва. Ему не медсестра нужна. Он мужчина одинокий. Одинокий душою, ибо супруга у него имеется. Но одинокая его душа довольно щедрая к тем, кто готов разделить с нею одиночество, — Мрозовский слегка замялся и переспросил: — Понятно ли я говорю?

— Вполне понятно, — кивнула Рузя.

— С вашего позволения, пани Ковальчук, я продолжу. С целью поддержать вас в вашем одиночестве и помочь другу, я хотел бы познакомить вас. Надеюсь, что это знакомство окажется приятным для всех, — закончив говорить, Мрозовский выдохнул.

Вчера он имел неосторожность за партией в покер рассказать Виктору Зеленскому, известному в городе доктору и своему другу, историю очаровательной Рузи и всё, что произошло в кабинете. Поскольку доктор отличался любопытством, то напросился на знакомство.

— Эдвард, ну что вам стоит свести меня с этой панянкой? — канючил доктор. — Разве мало их у вас? А я так невезуч в делах сердечных.

— Виктор, вы же не станете отдавать ей своё сердце?

— Отдам, но не сердце. И на время, — подмигнул доктор и рассмеялся. — Если вы сказали, что она чертовски мила, то я вам верю.

Если бы пану доктору тогда сказали, что для милой Рузи он будет готов отдать много больше, рассмеялся бы в лицо. Воспринял бы, как шутку не очень хорошего содержания и даже обиделся.

...Теперь Рузя ждала пана Зеленского для свидания, но поскольку пришла она раньше

оговорённого времени, то пряталась теперь за углом здания. Часы на башне показывали пять минут восьмого, а это означало, что пан доктор опаздывал на пять минут. Рузя уже собралась уходить и слать проклятия в адрес Мрозовского за это сватовство, когда на ступеньках заметила красивого мужчину и с букетом белых гвоздик.

Мужчина посматривал на часы, нервничал и часто поправлял шикарную шевелюру с лёгкой проседью. Рузя, оценила качественный костюм, после вспомнила, что доктор должен был появиться в семь с букетом белых гвоздик, выждала еще пять минут и направилась к нему, горделиво задрав подбородок и выпятив грудь.

Доктор не ожидал, что Рузя спустится сверху по ступенькам. Ему и в голову не приходило, что она пришла раньше и видела его, одиноко стоящего у входа в кинотеатр.

— Доброго дня, пан доктор. Вы же пан Зеленский, верно?

— Совершенно верно, пани, — ответил доктор, всё еще не понимая, откуда Рузя взялась, и почему он не заметил её заранее.

— Меня зовут Рузя Ковальчук, — сказала Рузя, решительно протянув доктору руку.

Пан Зеленский быстро чмокнул протянутую руку и понял, что не знает, как вести себя с этой пани.

— Виктор Зеленский, доктор медицины.

Рузя, оценила упадок духа новоиспеченного кавалера и поняла, что из доктора можно хоть верёвки вить. Главное, чтобы пан доктор хорошо зарабатывал.

— Пойдёмте, пан доктор, в сквере погуляем, воздухом подышим, — лениво предложила она.

— Конечно, пойдёмте. А дальше, что станем делать?

— Видно будет, пан доктор.

Прогулка оказалась недолгой. Рузя решила, что не стоит баловать кавалера, и если сам на свидание напросился, то можно его и промариновать подольше, чтобы не счёл Рузю доступной женщиной. То, откуда он вообще о ней узнал, и что пан Мрозовский изволил рассказать, заботило Рузю меньше всего. В монашки она записываться не собиралась. Считала, что всё, происшедшее с нею до их знакомства кавалера волновать не должно. А вот какое содержание готов дать пан доктор, интересовало очень. Рузя была практичной и расчетливой.

После чашечки кофе Рузя захотела домой, и пан Зеленский заволновался.

— А что вы делаете завтра? Может быть, сходим в кино или поедем за город подышать?

— Если спектакль дадут интересный, комедию или про любовь, то пойдём, а если плакать надо, то

лучше отправиться подышать воздухом, — сказала Рузя. — Здесь же в половине шестого и встретимся. Только не опаздывайте.

Такой репликой Рузи закончилось их первое с Зеленским свидание. Пан доктор спорить не стал, облобызал ручку и дождался, пока милое создание скроется за углом. Теперь он мог дать волю нервам и стал покусывать себя за ус. Надвинув шляпу чуть не на глаза, чтобы не быть узнанным, пан доктор отправился к автомобилю, ехать домой.

— Дядька, дядька! — орали хлопчики сдвинув на затылок кепки. — Покатай на «Лягушёнке» до площади. Мы тебе потом колеса почистим!

Они кружились вокруг «Opel», облипали его как саранча и тянулись грязными пальцами к никелированным, сверкающим под красным вечерним солнцем, деталям.

— Отойдите! — махал руками Зеленский, возмущаясь голосом тихим, но вполне сердитым. — Прочь! Кому говорят? Какая площадь?! Идите домой, и пусть ваши матери дадут вам еды.

Зеленский достал из кармана монеты и бросил в сторону от дороги. Покуда хлопчики собирали деньги, он сел в машину и был таков.

— Зелюнца, ты дома?! — орала Рузя под окнами старинного дома. Время было позднее, но в одном окне еще горел свет.

— Зачем так орать на целую улицу?! Тебе обязательно нужно, чтобы весь квартал знал, что к Зельде пришли гости? А так, чтоб меня завтра не спрашивали соседки, во сколько они ушли, ты не можешь?

— Открывай уже, что в окне стоять, — сказала Рузя и поёжилась от холода. Тонкое крепдешинное платье хорошо сидело на фигуре, выделяя всё, что нужно, но совсем не грело.

Зельда была занята — она заканчивала срочный заказ. Шикарное свадебное платье занимало всю огромную Зельдину кровать, а шлейф от него лежал у Зели на коленях. Она пришивала к нему кружево, тонкие булавки, натыканные по краю, тускло поблёскивали, от чего платье казалось особенно торжественным. Зельдины чёрные кудри путались с кружевом, образуя загадочный узор, и Рузя ненароком залюбовалась, сдерживая в себе желание прикоснуться к кудрям и булавкам.

— Красивое какое, — сказала Рузя. — Это кто у нас замуж собрался?

— Дочка одного доктора. Да ты не знаешь его. Он богатенький.

— Вижу по платью, что не бедненький, — засмеялась Рузя, потом вдруг повернулась к Зельде и спросила: — А что фамилия этого доктора, не Зеленский случайно?

— Ну, Зеленский, — ответила Зельда и

нахмурилась на Рузю. — Это кто тебе уже доложил?

Зельдины тёмные глаза имели удивительное свойство смотреть как будто насквозь и от того Рузе всегда делалось немного не по себе.

— Никто. Я сама догадалась.

— А откуда ты про Зеленского знаешь?

— Знакома.

— Врёшь.

— Не вру. Я на свидание с ним сегодня ходила. А завтра опять пойду!

После этих слов Рузя так пренебрежительно посмотрела на Зельду, не иначе та проигралась на скачках и теперь просила у Рузи на тарелку супа. Но Зельда задала Рузе один вопрос и сбила весь гонор.

— Прости, подружка, я спросить тебя забыла! Так ты в тюрьме сидеть не будешь?

— Нет, не буду, — сказала Рузя сквозь зубы.

— А что так? Не берут? — Зельда хохотала, запрокинув голову. — Нашу Рузю ни в тюрьму, ни замуж не берут!

— А может мне и не надо замуж?

— Гляди! Не предлагали — вот и не надо.

— Можно подумать тебе предлагали? — обиделась Рузя.

— Портвейн будешь? — Зельда отложила шитьё и пошла к буфету. — У меня здесь осталось

полбутылки.

— Буду.

До полночи они цедили портвейн, Зельда слушала, как Рузя умудрилась избежать тюрьмы и как удачно повернулась к ней судьба. Поворот казался неожиданным.

— Этот твой Мрозовский — опасный человек, — сказала Зельда задумчиво.

— Почему?!

— Жизнь покажет, — ответила Зельда. В её черных глазах отражалась море вселенской печали. Для клиентов Зельда была приветлива и мила, даже иногда говорила что-нибудь на французском, чтобы утвердиться во французском происхождении, но перед Рузей не притворялась и хандрила не по годам. — Для него люди — мусор. А такие, как мы с тобой, вообще бирюльки, как карты в колоде. Хочешь — тасуй, хочешь — пасьянсом разложи.

— Может, бросишь мне на картах? — попросила Рузя, не особо надеясь на согласие.

Вечер, на удивление, был удачлив для Рузи. Зельда лениво потянулась, встала из-за стола и подошла к буфету. Где-то в верхнем ящичке она хранила карты. Старая засаленная колода вызывала у Рузи брезгливость. Однажды она даже купила новую колоду и принесла подружке.

— На, возьми. Будешь теперь на новых гадать. Хватит уже мусолить эту помойку.

Рузя потянулась к старым картам, лежавшим на столе, и Зельда моментально врезала ей по руке.

— Не тронь. А эти новые можно оставить — в дурачка резаться.

Вот и сейчас Зельда мусолила старую колоду, которая даже на вид казалась тяжёлой. Каждая карта лоснилась затёртыми картинками.

— Скажи мне, почему нельзя сменить колоду? Эти скоро сами развалятся.

— Почему нельзя? Можно. Но кто на них сидеть будет? Нужна девушка не целованная. Ты что ли у нас девушка? — спросила Зельда и захохотала в голос. — Может, ещё и не целованная? Куда тебя ещё не целовали?

Зельда хохотала, прикрыв рот ладонью.

— Цыц ты, шлёндра! Ночь давно! — обиделась Рузя.

Дальше она молча смотрела на то, как Зельда раскладывает карты и слушала гадание. Сколько раз видела, как гадают Зельда, но никогда не могла повторить. Не видела Рузя в картах ничего, кроме самих карт. Зельда рассказала, что гадать её старая цыганка научила, это уже после смерти родителей случилось.

— Под сердцем у тебя обида. На всех обида. Но тебе того не нужно, иначе желчью изойдешь и хуже будет. Вот у тебя казенный король. Над тобой он, а ты под ним. Вот как скажет, так и сделаешь.

Но ты ему сейчас не нужна, потому от него нету к тебе интереса. А вот еще один королик, трефовый, тоже из дома казённого. Любовь у него к тебе. Страсть.

— Этот молодой? — спросила Рузя, тыча пальцем в карту. — Ну, второй который, трефовый. Венечка тоже в казённом доме теперь.

Зельда не сильно ударила её по руке, и Рузя захихикала.

— Не молодой. Старше тебя намного. Пан Зеленский, наверное. Только ты с ним не будешь долго любовь крутить. Сразу после большого застолья расстанетесь.

— Что за застолье?

— Свадьба. Не его, не твоя.

— Ты же сказала, что дочке его платье шьёшь.

На свадьбу.

— Не перебивай. После него у тебя скоро новый роман случится. Только он тебе не нужен. Так просто — пить, гулять.

— А любовь где? Что-то ты мне о любви ничего не говоришь. И деньги где? Ни любви, ни денег? — Рузя нахмурилась и допила свой стакан портвейна. — Больше нету?

— Нету. Любовь? Любовь у тебя нескоро случится. А деньги, Рузюнца, с тобой и не расстаются. Ты, главное, в дела подозрительные не лезь. Поняла?

— Поняла. Я у тебя спать останусь, — сказала Рузя, зевая.

— Оставайся. Завтра с утра, отнесёшь Тине немного работы. Мне тут бросили мелочёвку, самой некогда заниматься, да и клиенты неважные. Так перебьются, на Христиных иголках.

Рузя укладывалась спать на Зельдиной кровати. С того краю, что у окна. Через щель между занавесок на лицо падал холодный лунный свет, Зельда надевала ночную рубашку и что-то тихо пела на иврите. Рузе виделось в этом что-то загадочное, по-детски волшебное. Она скоро уснула, чтобы увидеть во сне прекрасного кавалера без лица и голубя в клетке. Голубь бился о решетку так, что перья летели во все стороны, и постепенно белая грудка потемнела от крови. Так бы и бился этот голубь, но наступило утро, и Рузя открыла глаза.

Утро наступило до того неожиданно, что Рузя мгновенно проснулась. На небе ни облачка и солнце било по стёклам, расцветивая каждую мелочь в спальне Зельды. Больше всего была заметна пыль.

Однажды, Рузя посоветовала Зельде не открывать занавесок по утрам.

— Занавески у тебя светлые очень. Надо бы потемнее, из плотной материи, чтоб пыль не росла.

— Чтоб что не росло?! — переспросила Зельда.

— Пыль, — сказала Рузя с умным видом. — Когда в комнате много солнечного света, пыль растёт.

— Рузянця, ты этого больше никому не говори, — смеялась Зельда. — Много пыли там, где не убирают, а не там, где солнце светит.

— Выходит, что ты не убираешь.

— Выходит, что я много работаю. Отсюда и пыли много. Шью разное, ткань режу, вот и пылится всё.

Рузя села на кровати, свесив ноги, и касалась пальцами прохладного пола. Солнечный луч стелился от окна до стены, пересекая Рузины ноги. Рузя рассматривала волоски на ногах с любопытством прозектора в мертвецкой, глядящего с удивлением на живого человека.

— Рузя! — Зельда появилась в дверях одетая и причесанная. В руках она держала торбу внушительных размеров. — Ты уже проснулась? Очень хорошо. Мне некогда, потому собирайся и иди к Тине. Возьмешь эту торбу и отдашь ей в работу.

Зельда бросила торбу на пол и вышла.

— Доброе утро, подружка. Что мы сегодня едим на завтрак? Может, ты кофе сварила, пока я спала. Спасибо тебе! — сказала Рузя, копируя

Зельдин голос. — Спасибо тебе, что вчера, на ночь глядя, не выгнала.

Рузю много раз просить не приходилось. Быстро приведя себя в порядок, она подхватила заказы для Тины и вышла из квартиры Зельды.

Солнечное утро обхватило Рузю влажными прохладными ладонями, заставив вздрогнуть, сжаться и прибавить шагу, звонко отстукивая новенькими набойками по брусчатке.

* * *

Тина подшивала подол Настусинового платья. Тёмно-красный лён богато отливал на складках, проваливаясь тёмными бликами. Настуся стояла на стульчике, боясь пошевелиться. Маленькие ручки неподвижно смотрели в разные стороны.

— Сейчас, сейчас... Потерпи, Настуся. Сейчас я булавки вытащу и сниму с тебя платье.

Снимать платье Настуся не хотела, уж очень красивое получалось, но булавки кололись. Особенно сильно одна впивалась в бок, Настуся даже дышать перестала. Христина оставила обмылком на подоле светлую полоску.

— Здесь подошью. Хорошая длина получится, чтоб до осени хватило. А осенью новое справим. Из этого ты же вырастешь, да? — Тина улыбалась, потихоньку вынимая булавки. Наконец она дошла

до той, что колола Настусе в бок и девочка вздохнула. — Уколола? Ты не молчи, если кольнула. Я же не знаю, как оно тебе с булавками.

Настуся улыбнулась и сказала:

— Я потерплю. Я же не маленькая.

— Это точно, что немаленькая, — рассмеялась Тина. — Скоро к первому причастию пойдем, так я тебе платье приготовлю и веночек из цветов. Будешь как Христова невеста — красавица!

— А когда будет первое причастие?

— Пятнадцатого августа. В праздник Взятия Пресвятой Девы Марии в небесную славу. Каждый год в этот день торжественное богослужение и церковная процессия, — ответила Тина и поправила Настусе косички. — Волнуешься? Ты не одна к причастию пойдёшь. Ещё будут мальчики и девочки. Все красивые, как ангелочки, в нарядных платьях и костюмах.

Тина надела на Настусю сарафан и помогла слезть со стульчика.

В дверях звякнул колокольчик, и Христина поспешила встречать гостей.

— Что-то ты, Тина, не рада мне? — спросила Рузя и бросила в угол торбу. — Это тебе привет от Зельды. Слава Иисусу Христу!

— Навеки слава! — ответила Тина. — Спасибо, зайду к ней после. А чего радоваться?

— Новому дню радоваться, — сказала Рузя и

рассмеялась.

— Ну, так я в «двуйке» в подвалах не сидела. Чего мне, — ответила Христина, пожав плечами.

— Вот вам всем не успокоиться никак! Нету меня в подвалах, и не будет больше. Всё! Господа из «двуйки» выяснили, что я обманутая женщина. Свидетель я по делу. Поняла?!

— Фрайда реальна! — улыбнулась Христина. — Но ты не кричи, я не глухая. Только спросить хотела. Правда ли, что в подвале у них духи по ночам воют?

— Правда. Воют и за ноги хватают! — Рузя хлопнула её по бедру и захохотала. — Сама узнаешь, когда там переночуешь.

— Езус Мария! Меня-то за что? Иди уже, Рузюнца.

Рузя открыла дверь и Христина успела обрадоваться, что та уходит, когда в салон вышла Настуся.

— Тина, можно мне с тобою посидеть?

Христина испуганно глянула на Рузю, потом снова на Настусю.

— Конечно, моя хорошая, можно. Вот только пани провожу.

— А что за девочка у тебя? — Рузя стала в дверях как упёртая кобылка. — Откуда счастье привалило?

— Иди, Рузя. Ранковый променад не ждёт. Так

и солнце сядет, — Христина потемнела лицом и готова была стать стеною между Рузей и девочкой.

— Не сядет солнце. Откуда тебе знать, что мой променад не вечерний? Тебя как звать, девочка?

— Настуся.

Настуся недоумённо смотрела то на Христину, то на неизвестную гостью. Потом вдруг поняв, что гостье здесь не очень рады Настуся сообразила спрятаться в каморке.

— Тина, я потом выйду.

Хлопнула дверь каморки. Настуся затихла там, закрыла лицо руками, чтобы и дыхания её в салоне не слышали. Эта красивая пани, что пришла в салон, вызывала у Настуси необъяснимый страх. Было нечто в беспокойное в глазах пани, нечто напоминающее ту ведьму из сна, которая снилась в прошлом месяце и украла во сне солнце. Стул, на котором сидела Настуся, был старым и скрипучим, от того приходилось не двигаться совершенно. Настуся обхватила руками колени и закрыла глаза. Когда Христина вошла в каморку, рассмеялась:

— Можно открывать глаза и вставать, наша гостья уже ушла.

— Тина, эта пани злая. Не пускай её больше.

— Как же я её не впущу? Она мне работу приносит, — сказала Христина и погладила Настусю по волосам. — Почему ты говоришь, что

она злая?

— Не знаю. Глаза у неё странные.

— Что есть, то есть! Рузиным глазам чертей не занимать! — Христина рассмеялась и обняла Настусю за плечи. — Пойдём, пора перекусить.

* * *

Пан Эдвард вертелся перед большим зеркалом, как престарелая варшавская кокетка. Любуясь, он думал, что неплохо было бы стереть с зеркала пыль, а еще лучше вымыть с мылом, потому что разглядеть себя казалось трудновыполнимо, а новый сюртук еще труднее.

— Пан Мрозовский, я вам точно говорю, что в этом костюме вы то, что надо! — раздался за спиной скрипучий голос портного.

— А я не слишком крупным кажусь?

— Ну, что вы! В вашем возрасте иметь такую фигуру самый цимус! Нет-нет! Я вас не уговариваю, но вы таки поверьте, что это правда!

Гриша Бердник тарахтел без умолку. Мрозовский морщился от этого тарахтения, но терпел, потому что лучше Гриши никто не мог сшить костюм. Гриша шил костюмы еще отцу Мрозовского — Льву Мрозовскому — и перешёл по наследству. Если бы у пана Эдварда был сын, его точно назвали бы Лёвой и обязательно привели

к Грише, сшить первый в жизни костюм на Пейсах или Пурим. Кроме всего прочего Гриша радовал Мрозовского подробными отчётами. Гриша стучал Мрозовскому не за деньги и не за другой интерес, просто Гриша знал достаточно много пикантных подробностей обо всех, с кем бывал знаком, а удержать всё в себе не имел внутренних сил. В общем, им обоим было удобно: Гриша изливал душу одному единственному Мрозовскому, чтобы не прослыть сплетником и не потерять клиентуру, а Мрозовский всегда знал последние новости о клиентах пана Бердника.

— Что ты всё обо мне, да обо мне? Гриша, новостей, что ли, нет?

— Как же нет? Просто не уверен, что вам будут интересны такие глупости, — ответил Гриша, округлив глаза и вздёрнув брови.

Он как обычно манерничал, закручивал пружину, чтобы потом она со свистом пронеслась над головами всех, кто приходил в ателье за последнюю неделю.

— Мне, Гриша, и не такие глупости рассказывают, но уже в другом месте, — показательно вздохнул Мрозовский.

Гриша нервно дёрнул головой и замер. Когда он нервничал, он всегда дёргал головой, а в особо волнительные моменты мелко тряс ею, как баран на бойне. Сейчас Гриша представил знаменитый

подвал «двуйки» и себя в роли орущего привидения.

— Вы, пан Мрозовский, зря вот так, — часто кивал головой Гриша. — Я, пан Мрозовский, к вам всегда с хорошим отношением и к отцу вашему, да утешит вас Всевышний вместе с другими скорбящими. Я маленький человек, но понимаю значимость вашей профессии и, смею сказать, государственной важности. — Гриша тряс указательным пальцем, подняв руку выше головы, притом, что сама голова тряслась не в такт с пальцем. Мрозовскому смертельно захотелось остановить это тряску, или хотя бы заставить трястись в унисон. — Я, пан Мрозовский, всё хорошо понимаю. Ведь весь город судачит об этом деле. А дело-то в действительности плёвое! На нём и не заработаешь ни уважения особого, ни признания начальства, а о гешефте я вообще молчу! Хотя есть такие, что на чужой беде умеют заработать и имя, и доход... Вот господин Зеленский, какой приличный с виду господин, а без того, что у кого-то со здоровьем беда и на новый галстук не заработал бы. Жизнь так устроена, пан Мрозовский, когда у одних прибавляется, то у других убывает. А вернее всего зарабатывать на больных и покойниках. Это, можно сказать, и дети знают. А вы знаете, какие сейчас пошли дети?

Портной продолжал рассуждения,

потерявшись в дебрях извечной проблемы отцов и детей. Мрозовский задумался и перестал слушать. «Гриша что-то хотел сказать, но или сам не знал, или очень боялся. Если уж Гриша боится рассказать, значит, дело — табак». Портной продолжал изливать душу и перешёл на шёпот:

— Вот хоть бы взять дочку пана Зеленского. Чем не пример непокорного дитя? Ей же только шестнадцать лет! А я вам скажу по секрету, что она не так, чтобы просто замуж идёт. Вынужденная, так сказать, ситуация у панянки. Милое дитя, радость родителей, гордость школы, и что вы себе думаете? — Гриша заговорил ещё тише: — Она в положении! Да-да! В том самом интересном положении, когда папа и мама становятся дедушкой и бабушкой. Потому пан Зеленский и не делает пышной свадьбы, да и платье невесте шьют широкое. Но скажите мне, зачем переводить столько материи? Я лично заказал для них атлас и кружево. При фигуре невесты идеально подойдут жоржет и органза! Да побольше! Ой, ну что я говорю! Откуда там фигура! Она до свадьбы ещё разойдётся и сидеть в платье не сможет.

Гриша продолжал изливаться, он всё никак не мог пережить свадьбу дочери Зеленского.

Мрозовский подумал, что где-то в словах Гриши чувствуется подвох, или намёк на то главное, чего никак не возможно уразуметь. А сам

рассказчик явно не решался договорить. Прозрачные намёки Гриши Бердника достигли цели. При всей своей болтливости он не говорил ничего конкретного, но связь между Зеленским, гробокопателями и Гольдманом Мрозовский нащупал.

Подумав, что служба отнимает слишком много душевных сил, пан Эдвард немедленно вспомнил очаровательную кондитершу. Возможно, пан Пашкевич уже уехал открывать охотничий сезон и пора бы проведать пани Марьяну.

В кофейне былолюдно. Шуршали газеты, запах свежесмолотого кофе плыл над головами, возбуждая не хуже самого напитка. Пани Марьяна порхала между столиками, улыбалась посетителям и разносила заказы. Пан Мрозовский стал почти у самого прохода таким образом, чтобы кондитерша не смогла свободно зайти за стойку.

Засунув руки в карманы брюк, Мрозовский любовался собою в зеркале на противоположной стене. Конечно, он был еще вполне хорош собой: широкоплечий, немного располневший, но достаточно импозантный мужчина. Если не снимать шляпу, то о лысине нельзя будет догадаться. А вот бакенбарды у пана Мрозовского, как у столичного начальства — густые и с лёгкой проседью! Зеркало было массивным, в широкой,

резной, позолоченной раме. Отчего Мрозовскому собственное отражение казалось портретом. Необычайно удачным портретом.

Пани Марьяна заметила кавалера, как только он вошел, но виду не подавала. Она только чаще покачивала пышными боками, и улыбка не сходила с миловидного лица. Это было их игрой. Один делал вид, что не замечает другого, а потом они слово случайно сталкивались и — о, чудо!

— Какая встреча! Как приятно видеть вас! Как поживаете?

Раскланивались, шаркали ножкой и любезно кивали головами на манер фарфоровых китайских болванчиков.

— Ах, какая встреча, пан Мрозовский! — пани Марьяна зарумянилась сдобной булочкой и выпустила в Мрозовского жаркую стрелу из карих глаз.

— Добрый вечер, пани Марьяна? А вы всё цветёте? Рад видеть вас в добром здравии! — Мрозовский слегка поклонился, заглядывая в вырез платья очаровательной кондитерши.

— Спасибо. Будьте любезны присесть за столик у окна, та пара сейчас уходит, — она показала пухлым пальчиком на крайний столик и зашла за стойку. — Вам как обычно?

— Вы же знаете мои пристрастия, — улыбнулся Мрозовский.

Мрозовский медленно размешивал в кофе сахар, вдыхал аромат и наблюдал за посетителями. В какой-то момент его фантазия взбунтовалась, и Мрозовский представил всех голыми. Немного задумавшись, он сделал вывод, что в дезабилье публикой можно недолго любоваться. Все сразу стали не такими чопорными, как в одежде. Даже, можно сказать, беззащитными. Вон тот господин бухгалтерского вида. Препротивнейшая личность, и плечики у него эдаким домиком торчат, словно хочет он в них голову втянуть. Но глазки хитрющие, как у рака, осматривают всё вокруг внимательно и дотошно. Через столик панянка сидит. Шея у той панянки в красных пятнах, которые уходят под глухой воротник платья. Ей жарко, но другой наряд надеть нельзя, поскольку этих пятен по телу довольно густо. Кофе панянка пьёт с облезлым господином. Тот, похоже, тщедушен и не имеет растительности не только на лице, но грудь у него хилая и лысая. Жалкое зрелище.

Насмотревшись на посетителей, Мрозовский вспомнил о кондитерше и залюбовался ею, вообразив их в уединении на супружеском ложе пана Пашкевича. От фантазии Мрозовский возбудился и сильно покраснел. Да так, что пришлось доставать из кармана платок, чтоб вытереть капли пота на лбу.

Народу в кондитерской стало меньше, и пани Марьяна подошла к пану Эдварду.

— Завтра супруг мой, пан Пашкевич, изволит открывать охотничий сезон. Вернётся только через три дня, — сказала она тихо, многозначительно глянув на пана Эдварда.

— На кого же охотиться идёт?

— На болотную птицу. Дупель называется. Слышали о такой?

— Что-то, кажется, слышал. Я, знаете ли, дичи предпочитаю хорошо запеченную курочку, или утку с яблоками, — сказал Мрозовский и в животе у него громко заурчало.

Пани Марьяна рассмеялась и погрозила пальчиком:

— Вы бы пообедали, пан Эдвард. Ведь после таких разговоров аппетит может разыгаться.

— Уж лучше я поужинаю, — хитро прищурился Мрозовский.

— А я, пожалуй, завтра курочку на ужин запекую, — протянула пани Марьяна, выразительно посмотрев. — Сегодня могу вам предложить шоколадный торт с фруктовой начинкой.

— С удовольствием! И повторите кофе, со сливками взбитыми, — попросил Мрозовский и сладко потянулся на пани Марьяну.

— Ах вы, озорник! Леню мне свою отдаёте, — сказала пани Марьяна, кокетливо передёрнув

плечами, и ушла за стойку выполнять заказ.

«Хороша птичка, — думал Мрозовский, — такую не грех и отохотить».

* * *

Вечером следующего дня пан Мрозовский, спрятав в саквояж бутылку шампанского и коробку конфет, отправился к Пашкевичам. Нет-нет! Он шел не для того, чтоб проведать супругов и обсудить в их семейном кругу последние новости из Управы. Мрозовский шел к пани Марьяне обсуждать совсем иные темы. И даже можно сказать, что и не обсуждать вовсе он шел, а по другим вопросам.

Ещё в полдень Пани Марьяна торопливо чмокнула супруга в жесткую щетинистую щеку, солнечно улыбнулась, как для него единственного, и выпроводила за дверь. Потом она бросилась к купленной с утра на рынке курице, чтобы успеть приготовить её к приходу пана Мрозовского.

Аппетитный запах запечённой курочки расплывался даже в парадном. Пани Марьяна суетилась, поправляя прическу и внимательно осматривая гостиную. Она зажгла толстые свечи, брызнула на себя немного кёльнской воды, особо модной в этом сезоне, и села ждать на край кресла.

У двери раздался долгий переливистый

звонок, и пани Марьяна вздрогнула. Муж всегда звонил подолгу, но несколько раз, а сейчас звонок был один. Облегчённо, вдохнув, она направилась открывать.

— Пани Марьяна, как же вы заставляете меня ждать под дверью, — тихо шептал Мрозовский, укоризненно качая головой и прижимая пани Марьяну к стене. — Зачем же так меня волновать, когда у меня и без того от ожидания встречи сердце готово умчаться за горизонт...

Мрозовский облизнул любовнице ушко, после распрямил спину, откашлялся и спокойно спросил:

— Вы позволите пройти?

Пани Марьяна, всё ещё закатывая глаза, хрипло ответила:

— Конечно, прошу вас.

И Мрозовский пошёл на запах. Надо сказать, что вкусно покушать Мрозовский любил всегда, а вкусно приготовленную курочку готов был съесть без хлеба.

Пани Марьяна постаралась на славу. Стол был сервирован тонким саксонским фарфором. На изящных работах мануфактуры Мейсен кондитерша красиво разложила угощение. Отдельно, в вазочке, которую держали три фарфоровые пастушки, лежали фрукты. Скатерть, вышитая самой кондитершей лично, пестрела

цветами. Край был украшен цветами помельче и мережкой.

Мрозовский грыз хрящик на косточке вприкуску с зеленым луком и печеным картофелем, попутно облизывая жирные пальцы, и вздыхал от обжорства. Пани Марьяна откушала лишь кусочек грудки и теперь взирала на любовника, поминутно вздыхая с надеждой, что сейчас он, наконец, наестся и сделает то, ради чего затевалось их свидание.

Пан Мрозовский подумал, что как же всё-таки хорошо! Дом пани Марьяны имеет проходной двор. Можно войти и выйти, и никто не будет знать наверняка, куда направился этот представительный господин с саквояжем в руке.

Окна гостиной Пашкевичей выходили на улицу. Единственный фонарь светил немного вдалеке, тусклый свет его приглушала листва росшего рядом каштана. В такой темноте мудрено было рассмотреть соглядатая, заглядывающего в окна Пашкевичей. Мужчину этого и родная мать в такой темноте не узнала бы. Он тихо, но очень неприлично ругался, едва удерживаясь на цоколе ногами, а руки, то и дело, соскальзывали со сточной трубы. Потянувшись, пытаясь заглянуть в неплотно зашторенное окно, он сорвался и упал на тротуар. Из-за пояса брюк довольно шумно вывалился наган.

— Чтоб вы мне были так здоровы, как вы

жрёте эту курицу! — зло прошептал мужчина, прижимая к груди ободранные ладони.

Он подобрал наган, не спеша поднялся, поправил кепку, отряхнул брюки и направился к перекрестку. Подошел к каштану, закурил и посмотрел на пасмурное небо, скрывающее полную луну. В этот момент на его лицо упал тусклый свет от фонаря, и каждый беспризорник мог бы признать в этом человеке Мишу Гроссмана.

— Ну, хотя бы буду знать теперь, где вы проводите интересные вечера, пан Мрозовский, — тихо сказал Гроссман и сплюнул. — Может быть, пану Пашкевичу будет интересно узнать, кто так смачно жрёт жареную курочку в гостинной в его отсутствие. Надеюсь, пан Пашкевич хорошо умеет стрелять по бегущей мишени.

Миша Гроссман терпеть не мог Мрозовского, но по причине субординации вынужден был терпеть его высокомерие и гонор не по чину. В Управе и за её пределами Мрозовского за глаза называли визитёром. В небольших городах новости расходятся быстро, и о том, что Мрозовский заказал визитные карточки в местной типографии, в Управе узнали на следующий же день.

Народ похихикивал, встречая Мрозовского в кабинетах. У простого сыщика и визитки, как у члена городского Магистрата. Визитные карточки внешне были обычные, не считая того, что все

записи в них были сделаны золотом на плотной красной бумаге и торжественно выписаны с вензелями. В общем, не визитные карточки, а открытки с Рождеством. Привычку раздавать всем и каждому визитки в городе быстро сочли дурацкой, но моду переняли многие.

Миша еще раз оглянулся на окна Пашкевичей, ухмыльнулся и свернул за угол.

— Вы слышали? — спросил Мрозовский, вытянув шею и прислушиваясь.

— Да, — ответила пани Марьяна. Она стала бледна лицом и сейчас более всего на свете хотела, чтобы пан Эдвард испарился как видение спиритического сеанса.

Неверная пани Пашкевич очень боялась гнева супруга. Лирическое настроение испарилось, и кондитерша задумалась, какими словами предложить кавалеру удалиться.

Мрозовский тихо подошел к окну, отодвинул занавеску: за стеклом угадывались только слабые очертания дороги и дома напротив. Мрозовский чертыхнулся, быстро подошел к столу и налил полный бокал шампанского. Пани Марьяна глупо улыбнулась и тоже потянулась к бокалу, но любовник залпом осушил свой и обернулся к ней, готовый что-то сказать.

— Пани Марьяна, простите за столь поздний

визит, я вынужден откланяться, ибо служебные дела ждать не могут. Смею надеяться, что вы простите и позволите посетить вас в ближайшее время в кондитерской.

Пани Марьяна слушала, выпучив глаза, потом согласно кивнула и пошла провожать гостя. Мрозовский испытывал благодарность к пани Марьяне, что та не закатила истерику или не попыталась удерживать. В передней он сухо попрощался, чмокнул ручку и, прихватив саквояж, тихо вышел.

Пани Марьяна расслабленно прислонилась к стене и наконец-то смогла вздохнуть глубоко.

— Езус Мария милостивая... Вот ведь точно — милостивая! — шептала она закрыв глаза. — Это знак мне был... Точно знак!

* * *

Мрозовский тихо шёл по ночным улицам, временами оглядываясь назад. Он хотя и был сыщиком, но очень боялся ходить в одиночку в темноте. И не потому боялся, что трусил. Совсем нет! Пан Мрозовский был хорошо осведомлён о том, что может произойти во время ночной прогулки, и не раз присутствовал при составлении протокола на месте происшествия, когда дворники на рассвете находили желающего совершить

ночной моцион. У найденного, как правило, не было счастливого выражения лица, да и самого лица иногда не было, а так, одно название.

Сейчас Мрозовский шёл и думал. Кто это мог быть? В том, что кто-то за ним следил и пытался заглянуть в окно пани Марьяны, он не сомневался. Мрозовский решил, это означает одно — к кому-то он подошел уже довольно близко.

— Странно, если я рядом с какой-то разгадкой, то почему мне самому кажется, что всё ещё очень запутано и неясно? — Мрозовский бормотал себе под нос, поглядывая по сторонам. Он часто и глубоко вздыхал, его в последнее время стала мучить отдышка. — Панянка эта... Рузя... Доложили, что приходила на свидание к одному из гробокопателей. А ведь она вполне может находиться в курсе событий, а если пофантазировать, то и руководить, организовывать. Может быть, я рано её отпустил, а может и вообще не следовало её отпускать? Но, как же хороша чертовка!..

Мрозовский звонко причмокнул губами при воспоминании о прелестях Рузи, потом подпрыгнул с испугу и заторопился домой, побежав ещё резвее.

Дома его никто не ждал. Старенькая мама давно забыла своего сына, и каждое утро просыпалась счастливая. Пани Мрозовская не помнила ни кого и ни о чём. Её можно было очень

обидеть с вечера, а утром она смотрела на вас приветливо и начинала заново знакомиться. Это было похоже на игру. Старенькая пани кокетливо поглядывала и следила, чтобы Эдвард ничего не спёр, думая, что его прислал Лёвочка. В отличие от сына, мужа, как ни странно она помнила просто отлично и неприязни к нему не испытывала, что удивляло соседей еще больше.

В своё время Лёвочка был известный ходок и транжира. Он любил обхаживать дам, напрашиваться в гости, в гостях очень часто бывал обласкан, и возвращался домой сытым котом. Конечно же, не каждый раз Лёвочку Мрозовского провожали пылким взором, иногда он терпел фиаско, и это было видно невооруженным глазом: следы поражения оставались на лице. Тогда жена жалела своего глупого мужа, делала ему примочки и вздыхала. Теперь пани Мрозовская каждое утро ждала мужа. Она не помнила, что он давно умер, и что на похоронах плакала и тихо благодарила Бога, что избавил её от этого кобеля.

Каждое утро к Мрозовским приходила соседка, пани Сима, которую пан Эдвард нанял помогать по хозяйству, но много денег за это не брала. Пани Сима когда-то нянчила маленького Эдюню и ещё помнила пани Мрозовскую, когда та была при своём уме.

— Кто там? — спросила старушка, услышав,

как стукнула входная дверь.

Мрозовские хотя и жили в своём доме, но жили небогато. Домик был на две комнаты. В дальней спал сам Мрозовский, в проходной комнате обедали и принимали гостей. Было еще подобие кухни и передней, где стояла лежанка, на которой спала мама Мрозовского.

— Мама, это Эдюня!

— Какой еще Эдюня? Лёва, это ты?

— Ой, мама... Снова вы за своё. Спите уже!

Мрозовский прошел к себе и скоро улёгся в постель. В маленьком окошке, увитом плющом, в верхнем углу виднелся месяц. Мрозовский с детства хорошо засыпал, когда смотрел на тонкий изгиб месяца, но сейчас сон не хотел к нему приходить. Он впервые не мог уснуть, думая о службе. Дело гробокопателей уже не казалось ему таким уж простым. Требовалось приложить усилия, чтобы раскрыть его и снять пенку. Денежный стимул сработал бы как нельзя лучше, но Мрозовскому очень хотелось орден. Или медаль. Но обязательно, чтоб с благодарственным письмом от начальника Управы. Он был уверен, что в его возрасте уже неприлично не иметь ордена.

Когда Мрозовский заснул, ему снилось торжественное вручение ордена в Ратуше, при полном сборе всего Магистрата, где собрались служащие, родственники и гости. После того, как

начальник Управы поцепил ему на грудь сверкающую побрякушку, подбежала Рузя в неприлично коротком наряде и белоснежных батистовых панталонах, чмокнула начальника в щеку и повисла на шее у Мрозовского.

— Ты мой герой! — задорно блестя глазами, кричала ему в лицо Рузя.

Рядом стояла чета Пашкевичей и Мрозовский неприметно лапал пани Марьяну, а та кокетливо хихикала, заглядывая в глаза супруга.

Весь этот балаган закончился, когда рассветный луч солнца осветил скромное убранство комнаты. Мрозовский проснулся, откашлялся и пошел до ветру.

* * *

Рузя красовалась перед зеркалом, примеряя наряды. Она шла на свадьбу дочери пана Зеленского и хотела выглядеть соответственно. Общество обещалось быть шикарное, а надеть было решительно нечего. Бросив в нервах все платья на кровать, Рузя собралась к Зельде, чтобы заказать наряд. В шифоньере давно пылился отрез на платье: красивый крепдешин цвета шоколада. Завернув отрез в чистую тряпку, положила в корзину и вышла из дома.

Рузя любила жизнь и себя. Себя она любила

больше. Молодость кипела в ней, брызгами рассыпаясь из глаз и вылетая из-под каблуков туфель. Рузя понесла аппетитное тело, поглядывая по сторонам, и ловила на себе похотливые взгляды, проходивших мимо лавочников, школяров и разного рода клерков. Они косились в её сторону и, наверное, бежали бы за ней как похотливые кобели, но мораль держала их покрепче жесткого поводка. Иначе их руки сорвали бы тонкое платье Рузи, чтобы поскорее добраться до вожаделенного тела, какое они себе нафантазировали.

— Зелюнца! — заорала Рузя, стоя под окном подружки.

— Тише ты! Всех клиенток распугаешь! — зашипела на неё Зельда, свесившись из окна. — Ты зачем так горланишь? И какая я тебе Зелюнца? Мадам Зельда. Поняла?

— Поняла, — рассмеялась Рузя. — Зайти хоть к вам можно, мадам Зельда?

— Заходи, только подождёшь в кухне, ко мне клиентка важная на примерку пришла.

Важной клиенткой оказалась пани Зося Зеленская, та, что была дочерью Рузиного любовника.

Рузя сидела в Зельдиной кухне тихо, как мышь, и стремилась поймать каждое слово, сказанное пани Зосей. Ей хотелось заранее проникнуться манерами и речью того общества, в

которое она собиралась войти. Ничего особенного Рузя не услышала. Обычное, как для девушки, обсуждение платья с портнихой: где ушить, а где отпустить. Наконец пани Зеленская ушла.

— Ну, рассказывай, что у тебя случилось, что ты примчалась сред бела дня? — спросила Зельда, стоя в дверях кухни.

— А что у меня должно случиться? Может, я просто так к тебе зашла? Соскучилась я!

— Ты-то?! Никогда такого не будет, что ты ко мне придёшь не от того, что тебе от меня нужно что-то, а просто чашку кофе выпить.

— Так и ты ко мне совсем не ходишь, — Рузя сделала вид, что обиделась.

— Я-то работаю и некогда мне по гостям ходить. Говори уже.

— Платье мне нужно. Котик на свадьбу дочери пригласил, а пойти не в чем.

— А котик купить тебе ничего не хочет? Ты понимаешь, как ты будешь смотреться на фоне того общества?

— Главное, чтобы они на моём фоне хорошо смотрелись и не плакали, — Рузя упёрла руки в бока и покрасовалась.

— Рузя, там панянки утончённые и образованные, а ты, куда со своей воскресной школой? Они музицируют, книжки читают, а что ты читала, кроме Евангелия?

В ответ на её слова Рузя сморщила носик:

— Я программку в театре всегда читаю.

— И криминальную хронику в городской газете! — вставила Зельда.

— Тихо! Эту тему закрыли, — Рузя изменилась в лице.

— Если ты думаешь, что ты закрыла книжку, то это не значит, что кто-то другой не захочет её почитать.

— Что ты хочешь сказать?!

— Ты меня поняла. Всё, что знают больше одного человека — не тайна, — Зельда по-хозяйски развернула отрез из корзины и задумчиво добавила: — Красивое платье может получиться.

— Ты уж постарайся для моего котика. А почему не спрашиваешь, на какую свадьбу я иду?

— Дочери пана Зеленского свадьба, — ответила Зельда. — Ты чего Рузя? Думаешь, я не знаю? Да и не забыла я, как на карты тебе бросала.

— А еще бросишь?

— Перебьёшься. Раздевайся, мерки снимать будем. Лучше расскажи, как вы с паном доктором за город съездили.

— А, может, мы в театр ходили? — игриво спросила Рузя.

— А он такой большой дурак, что молодую пани вместо загорода в театр поведёт? Уверена, что он умнее, чем ты его пытаешься выставить, —

хихикнула Зельда, ловко орудуя шнурком, замеряя объёмы Рузиного спелого тела и записывая в тетрадку. — Рассказывай, как всё прошло.

— Хорошо прошло, — с хитрым лицом ответила Рузя. — Ты мне кофе грозилась сварить, так я подожду с рассказом.

— Вот хвойда! — Зельда смачно шлёпнула подругу по голой ягодице и рассмеялась. — Тогда быстро одевайся.

— Ждал он меня у театра, как и в прошлый раз. На мне платье было то, что ты мне отдала — из креп-жоржета в мелкий цветочек. Помнишь? Там еще вырез глубокий.

— Помню хорошо, почему тебе отдала. Неудачно получилось с тем самым вырезом — стоит чуть наклониться и всю грудь видно.

— Я ж и говорю, что глубокий. Шляпку соломенную нацепила. В общем, я как картинка была...

Зеленский снова опоздал, а Рузя, как мудрая молодая женщина, только хмыкнула погромче, чтоб упрёк показать, но промолчала.

— Доброго вам дня, — слегка поклонился пан Зеленский. — Должен извиниться за опоздание. Надеюсь, что вы меня простите.

— Доброго и вам. Раз должны извиняться, то извиняйтесь. И не затягивайте, а то так весь вечер

пройдёт.

Зеленский растерянно оглянулся, словно надеялся на дружеский совет от прохожих. Но те проходили мимо, не очень обращая внимание на парочку. Тогда пан доктор стал на одно колено и, взяв двумя руками маленькую Рузину ладонь, с чувством поцеловал.

— Ой, ну что вы... — обрадовалась Рузя. — Зачем же так-то? Мне бы и одной вашей маленькой услуги хватило.

— Какой услуги?

— Я потом скажу, если будете хорошо себя вести. Так куда мы направляемся?

От возможности выбрать самому пан доктор задышал чаще, расплылся в улыбке и решительно спросил:

— Вы не хотели бы за город?

— Отчего бы не захотеть. Но вы обещаете быть ко мне внимательны и нежны.

Условие было принято. Когда их автомобиль остановился на берегу маленькой речушки, под сенью старого дуба, пан доктор постарался проявить оба эти качества по максимуму, нырнув между изящных ножек под подол из креп-жоржета в мелкий цветочек. Рузя тихо постанывала, запрокинув голову назад, и в самые острые моменты зажимала рот ладонью.

Час спустя, Рузя сидела на расстеленном

пледе и жевала травинку, рассматривая бокал с вином на свет. Вино было Токайским — для Рузи почти роскошь — в тонком стекле отливало янтарём и словно светилось изнутри. Аромат вина напоминал букет цветов, запахи разнотравья и немного ржаного хлеба.

Рузя закрыла глаза и улыбнулась — скоро её примут в обществе, а раньше попасть туда она и думать не смела. Пан Доктор лежал здесь же, на пледе, и тихо похрапывал.

Закончив рассказ, Рузя, отпила маленький глоточек кофе, оттопыривая мизинец.

— День определённо удался. Мы чудесно отдохнули, — сказала Рузя.

— Не похоже, — сказала Зельда, хмурясь и наливая кофе из старой, медной турки с замысловатым рельефом по бокам.

— На что не похоже?

— На важную пани из общества.

— Это почему не похоже?! — заорала Рузя. — Это ты от зависти так говоришь, что не тебе, а мне так подфартило! А тебя, жидовку, и не берут в общество!

— Рузюнца, тебя можно по парижской моде одеть, всё равно по-крестьянски будешь смотреться, — рассмеялась Зельда, и, не обращая внимания на хамство, поставила на стол сливочное

масло и белый хлеб. — А пан Зеленский — еврей. Это если ты не знала.

— Как это еврей? — брови у Рузи взлетели вверх. — Он доктор! А откуда тебе знать-то?

— А разве доктор обязательно должен быть не евреем? — зашлась от смеха Зельда. — Пан Зеленский двоюродным племянником моей маме приходится, а мне выходит какой-то там брат.

Рузя растерянно посмотрела себе на ладони, рассматривая линии на них. Линии сплетались, пересекались и снова разбегались в разные стороны.

— Зеля, ты не знаешь, где можно хорошего хироманта найти?

— Кого найти?! Херо... что?

— Хироманта. Это тот, кто по линиям руки может жизнь предсказывать.

— Рузя, твою жизнь я лучше всякого предсказателя могу рассказать. Ты, главное, ни в какое дерьмо больше не вляпайся. Не всегда может статься сойтись в тюрьме с дамским угодником.

Рузя зло хмыкнула и пнула Зельду под столом.

— Не говори при мне этого слова. А то...

— А то что? До чего ж ты ещё неразумная, — качала головой Зельда и гладила Рузю по волосам. — Откуда в такой миленькой головке столько злости? Тебе замуж нужно и ребёночка

родить. А лучше двоих. Женщина, когда родит, всегда меняется. Мягче становится, женственнее.

Рузя положила голову на колени подруге и разревелась. Плечи её тряслись и вздрагивали, начиналась икота, а слёза продолжали литься рекой.

— Ну, поплачь, поплачь. Легче сразу будет. Плакать человеку нужно, иначе болезни изнутри съедят. Мне мама говорила.

— Прости меня! Не со зла это я...

— Конечно, не со зла, конечно...

Рузя успокоилась, села ровно, посмотрела на Зельду и спросила:

— А правду говорят, что пани Зося в интересном положении?

— Ну, правду, — нехотя ответила Зельда. — Никто не скрывает, ты сама всё увидишь на свадьбе. Только зачем языками чесать? Можно подумать, что кто-то умудрился родиться так, чтоб живота не было видно? Главное, что ребёночек с отцом расти будет. Вот нас вовремя родили, и что? Где наши семьи? Кому мы нужны? А ты туда же, повторяешь за бабьём разные глупости, а еще в светское общество собралась! А чего вдруг тебя пригласили? Расскажешь?

— Что здесь рассказывать, — пожала плечами Рузя. — Это и есть та самая маленькая услуга, о которой я попросила Котика.

Рузя уже видела себя в роли нежной молодой

супруги известного доктора. Представляла, как станет проводить приёмы в их доме, как гости будут улыбаться ей, хозяйке, а сама она кивать и улыбаться. Кому-то немного улыбаться, а кому-то и несколько слов сказать можно. Вокруг резвятся их с Зеленским дети и жизнь прекрасна.

Все панянки, а особенно юные, имеют склонность фантазировать будущего мужа. Не успеют на свидание сходить, как сразу в мыслях под венец бегут и внуков крестят. Вот и Рузя позволила себе такую слабость.

— Твой-то кавалер где? — ехидно спросила Рузя, шмыгая носом.

— Сосед в кавалеры набивается, — важно ответила Зельда, едва сдерживая смех.

— А что ты так о нём? — заинтересовалась Рузя. — Так плох женишок?

— Никакой ещё не женишок, хотя и мечтает, — улыбалась Зельда. — В больнице служит.

— Тоже доктор?!

— Вроде того, но сейчас продукты в больничку закупает.

— Накормит от пуза, — хихикала Рузя. — А что за больница и как женишка зовут?

— Больница та, что монашеская, фелицианская. Здесь рядом. Зовут — Тодор Шумейко. Ты видела его: лохматый такой, с

шевелюрой. Помнишь, помогал корзину с рынка нести?

— Так он ничего из себя, — подмигнула Рузя. — Глазки красивые.

Зельда передернула плечами и сменила тему разговора.

Сосед Тодор Шумейко встречался ей чуть не каждый день. Всякий раз он провожал Зельду влюблённым взглядом, вздыхал, а потом здоровался.

— Доброго дня, пани Зельда.

Тодор не хотел называть Зельду мадам, но смотрел на неё с таким трепетом, что она ему это прощала. Кроме того он по-соседски заходил и угощал больничными продуктами. Зельда благодарила, а угощение брала, чтобы не обидеть.

Однажды она даже представляла себя женой Тодора, но от этого представления Зельде стало вдруг смешно и грустно одновременно. Что же такое должно произойти, чтобы она, Зельда Марш вышла замуж за простого поляка? А не понять, что! Вот что должно произойти. Зельда допускала только масштабную трагедию и не иначе. Знала она, что если бы не скорая смерть родителей, то не стала бы она шить для богатых клиенток, да и в Варшаву ехала бы только, чтоб нарядов купить, да парфюмов разных. И то, если бы отец отпустил. Не любил он, когда без дела шлялись.

Зельда, вспомнив о погибших родителях, всплакнула нечаянной слезою, утерла её так, чтобы Рузя не заметила, и снова пошла ставить кофе.

* * *

Мрозовский шёл на службу. Дождь почти закончился. С листьев каштанов медленно срывались капли воды и в руках у Мрозовского медленно мокла свежая газета.

За завтраком ему пришла в голову мысль, что с человеком, следившим за окнами пани Пашкевич, он знаком лично. Только как узнать, кто это?...

Возле Управы, под лестницей, курили сыщики, обсуждая вчерашний день. Один из них, совсем юный хлопец, пялился на всех глазами преданной собаки, а остальные, шутя, травили байки о том, как вчера ночью выполняли ответственное задание. Каждый рассказывал на свой лад, по ходу выдумывая и добавляя новые детали.

— Значит, иду я вдоль забора, чтоб, когда он прыгать будет, сразу взять его в оборот...

— Откуда ты знал, что он не в ворота выйдет?! — перебил Мазура хлопец.

— Так он же не дурак, чтоб с наворованным добром в ворота выходить, — заржал Мазур.

— А вы его поймали или нет? — снова

перебил хлопец.

— Ты если не замолчишь, мы его до вечера ловить будем!

Сыщики дружно засмеялись, а хлопец смутился, поняв, что над ним подшутили. Когда Мрозовский подошел достаточно близко, все разом замолчали, и слышно было только, как шумно они дышат, выдыхая табачный дым. Мрозовскому даже почудилось, что он в конюшне. Он снял шляпу и стряхнул её воду.

— Доброго дня, пан Мрозовский, — поздоровался Гроссман, руки не протянул, зная, как брезглив Мрозовский. Тот вполне мог публично вытянуть из кармана платок, и начать обтирать им руку.

Самого Мрозовского совершенно не смущало, что ему не подадут руки. Он даже был доволен этим фактом и считал себя оригиналом.

— Зайди ко мне непременно. Нужно обсудить некоторые детали, — пригласил Гроссмана Мрозовский, аккуратно надевая шляпу.

Гроссман кивнул, немного напряг плечи и словно замер, вытянув голову вперед. Когда Мрозовский скрылся в дверях, он расслабился и тут же сосредоточенно прикурил папиросу. Докурив, картинно затушил окурок, подмигнул собравшимся и небрежной походкой двинул к начальству.

— Пан Мрозовский, не заняты? — спросил

Миша Гроссман, просунув голову в приоткрытую дверь.

Так сложилось, что при некотором панибратстве среди сыщиков, Мрозовского всегда величали пан. Это уважение относилось не к его давно поседевшим вискам. Мрозовский сумел напустить туману вокруг своей особы с первых дней службы. Да и высокие чины часто принимали его за ровню себе, чем не раз сбивали с толку начальство пана Мрозовского.

— Не занят, проходите.

Мрозовский сверлил глазами Гроссмана. Уперев неподвижный взгляд, Мрозовский более всего напоминал сейчас удава, похожего на того, что привозили на ярмарку в прошлом году. Гроссман явственно ощутил себя кроликом и нервно заметался по кабинету.

Мрозовский молчал. Он наблюдал за коллегой, не предлагая присесть и вообще не выражая эмоций. Этот свой метод «немигающих глаз» Мрозовский не раз применял к подозреваемым, и метод работал. Он был слишком брезглив, чтобы бить. Ему было жаль своих музыкальных пальцев, хотя с музыкой их связывало очень немного.

Будучи пяти лет от роду Мрозовский уже достаточно измучил семью заунывным пеньем. Стоявшие табором цыгане научили маленького

Эдичку несколькими песнями и романтикой поразили мальчика в самое сердце. Цыгане вскоре ушли, а Эдюня продолжал петь, но дома. Решив, что пением много не заработаешь, в перерыве между загулами Мрозовский старший отвлёк отпрыска учиться игре на скрипке. Через три месяца старый Фима лично посетил дом Мрозовских.

— Лёва, я скажу тебе одну вещь. Ты слушай и не перебивай. Твой мальчик, Лёва, к музыке не одарён. Играть на скрипке он сможет, но я бы не советовал.

— Почему? — грустно спросил Мрозовский-старший.

— Потому что поссоришься с соседями, — лаконично ответил старый Фима.

После ухода учителя музыки отец выдрал Эдичку по мягкому месту, доходчиво объясняя, что на этом пение пора закончить. Петь мальчик перестал, но те несколько уроков музыки посчитал достаточным музыкальным образованием, попутно запомнив, что скрипач должен беречь пальцы.

Мрозовский устал смотреть на Гроссмана и закрыл глаза. «Хотел бы я сейчас знать, почему ты, Миша, мечешься по кабинету и скоро допьёшь воду из графина», — думал он. Миша и в самом деле, набегавшись по кабинету, словно прилип к столику с графином и пил воду приговаривая:

— Как же жарко сегодня...

— В подвалах всегда прохладно, — между прочим заметил Мрозовский, и Миша поперхнулся водой. — Наши постояльцы никогда не жаловались. Я вот не слышал. А ты?

Миша надрывно кашлял, выкатив покрасневшие глаза. Он просто помотал головой, отрицая сам факт жалобы от сидевших в подвале, как таковой.

— Никогда не жаловались, — сильно севшим голосом проговорил Миша. — Не припомню.

— Да ты пей воду, если тебе жарко, — кивнул на графин Мрозовский. — Не хочу, чтоб говорили, будто пан Мрозовский жалеет стакан воды.

— Не жарко. Спасибо и Боже упаси, чтобы я говорил, что вам воды жалко.

Миша сделал шаг назад подальше от графина и, то кивал головой, то мотал ею как китайский болванчик.

— А что там наши гробокопатели? Что удалось дознаться? — Мрозовский поинтересовался делано равнодушно, от чего Гроссман занервничал ещё больше.

— Так никто их и не спрашивал, — пожал плечами Гроссман и стал рядом со столом. — Пойманы они на горячем, суда ждут.

— Миша, ты ко мне того хлопца позови, ну того, к которому панянка приходила.

— А к кому приходила? — Гроссман сглотнул

и замер.

— Миша, — Мрозовский перегнулся через стол и схватил Гроссмана за ворот рубахи. — Ты меня знаешь, я не пожалею своих музыкальных пальцев, но ты расскажешь, зачем вчера ночью считал звёзды у дома пани Пашкевич. Кстати, ты знаешь, что пан Пашкевич хороший охотник, и, вполне, мог бы выстрелить в тебя из маузера.

У Гроссмана дернулся правый глаз, и выдвинулась челюсть.

— Разве из маузеров охотятся?

— Не надо сейчас думать о моде. Если нужно завалить зверя, то маузер тоже подойдёт. — В просторном кабинете Мрозовского стало тесно. Лоб Гроссмана покрылся испариной, а Мрозовский покраснел как рак. — Миша, лечите нервы. Могу порекомендовать хорошего доктора.

— Спасибо, не надо...

— Как хотите. Но вы меня поняли?

— Пан Мрозовский, у меня хороший слух.

— Тогда пусть ко мне приведут Вениамина Железова. Вам, Миша, нужно на воды. Передавайте привет пани Гроссман.

Гроссман кивнул и вышел в тёмный коридор. Из подвала тянуло сыростью и очень хотелось курить. Гроссман вышел на улицу, быстро скурил папиросу и пошел передать просьбу Мрозовского.

— Вам, Вениамин, следует поразмыслить на досуге, — громко сказал Мрозовский сидевшему напротив Вене и указал на дверь. — Нечего порядочным людям в тюрьме делать. Вы молоды, у вас вся жизнь впереди. Так что, прошу. Вы свободны.

Из Управы Веня выходил без особой радости. Он думал над тем разговором, что произошёл между ним и Мрозовским. Тихий шёпот до сих пор стоял в ушах, похожий на тихое посвистывание ветра в подворотне. Веня боялся Мрозовского. Никогда раньше он так не боялся человека. До дрожи под коленками, до холодного затылка, до липких ладоней. На первый взгляд Мрозовский показался ему кисельным и безвольным, но к концу беседы Веня более всего желал сидеть в холодном подвале, а не перед этим господином.

Толстые подошвы ботинок глухо отстукивали по брусчатке. Ноги сами несли Веню домой. Дома всегда хорошо. Дома ждёт Рузя. Менее всего Веня хотел думать, что она уже успела связаться с каким-нибудь хахалем. Он представил, как неожиданно войдёт сейчас и притиснет Рузю к прилавку, зажав в ладони полную грудь. Рузина грудь, тяжёлая и тёплая, аккуратно ложилась в

большую Венину ладонь. От мечтаний у Вени сладко заныло в паху. Он сглотнул и сделал шире шаг.

На рынке не было многолюдно, а те, кто знал Веню в лицо, удивлённо пялились на него, как на диковинное животное: выкатив глаза и не издавая ни слова. Только, когда он проходил мимо мясной лавки, пан Марек хмуро спросил:

— А ты никак вернулся? Что так?

— Деньги закончились, — ответил Веня и широко улыбнулся.

— Деньги, говоришь?... А чего скалиться, как жеребец?... Будто бы я не знаю, что там денег не надо?

— Денег везде надо, пан Марек, — нахмурился Веня. — Только на том свете их не надо.

— Это тебе покойнички твои рассказали? То-то такой умный вернулся.

— Покойнички, пан Марек, ничего не говорят, — ответил Веня и вошел в свою лавку.

Рузя, увидев в дверях Веню, выронила сдобную булку и закашлялась.

— А ты чаю хлебни, Рузюнца. Не дай Бог подавишься, а ты мне еще живая нужна, — тихо сказал Веня, делая шаг к ней навстречу.

Рузя кивнула, выкатив глаза, отпила из стакана чай. Она пила большими глотками, давась и

не сводя глаз с бывшего жениха. Радости в её широко распахнутых глазах Веня не заметил.

— Не ждала? — Веня прошёлся по лавке, посмотрел на пустые полки и остановился возле Рузи. Схватил за руку и притянул к себе, зашептав в ухо: — Думала, меня засудят и всё тебе достанется? Уехать хотела? А зря ты, Рузюнца, не уехала... Нашла уже себе хахалю?

— А ты меня не пугай! — крикнула Рузя. — Пуганая я! Какое твоё дело, кого я нашла? А если и нашла, то что? Ты мне кто? А никто! Я сейчас уйду, а когда вернусь, что духу твоего здесь не было!

— Если я захочу, то ты никуда не пойдёшь.

Веня стоял перед нею натянут, как струна. Бледный с лица и сжав кулаки.

— Ничего ты мне не сделаешь, — ответила Рузя. Она смотрела на него, как рассерженная кошка смотрит на того, кто приблизился к ней слишком близко. — У меня теперь такой кавалер, что тебе лучше уйти и забыть сюда дорогу. Доктор Зеленский тебе не чета!

Веня зло сплюнул в пол и схватил Рузю за рукав платья. Ткань жалостливо затрещала.

— Моё мне отдашь, и я уйду. То, что в тайнике лежало. Такая курва, как ты, в округе не редкость — ещё одну подберу.

— А ты сначала подбери!

Звон пощечины оглушил, лицо у Рузи запекло

огнём, а в глазах потемнело.

Молодая кровь взяла своё. Игривая и горячая она взбудоражила помыслы обоих и толкнула друг к другу. Рузя уже совсем не думала о свадьбе Зеленских и том обществе, которое могло бы попытаться принять её, сироту. А Венина злоба выплеснулась на упругое Рузино тело пылкими поцелуями, и он жадно и больно прикусывал его губами, пытаясь выпить грешное без остатка. Рузя стонала и всхлипывала, зажатая крепкими ладонями, а крепкий запах пота будоражил, как на скачках.

Распались они так же неожиданно, а теперь смотрели друг на друга, тяжело дыша, и глазами продолжая впитывать ту страсть, что ещё кипела в их телах.

— Уходил бы ты, Венечка, — заговорила Рузя. — Нам вместе всё одно нельзя. Что мы вместе? Два никому не нужных, осиротевших человека. А порознь сможем выжить. Мы ж через год другой дитё сострогаем и куда потом? Ты запьёшь, а я стану толстая и злая на весь мир. Или опять обоих в подвалы упекут.

Веня слушал её и смотрел только на выгнутую красивой дугой верхнюю губу, чуть припухлую и такую сладкую. Так бы и целовал её дни и ночи напролёт. Свою Рузю. Он понимал, что в её словах есть правда, но не мог согласиться и хотя бы один

раз кивнуть, или как-то иначе обозначить это согласие.

К ночи он ушел. Рузя проревелась, собралась и пошла к Зельде — единственной подружке.

— Чего воешь?! — сонная Зельда, одетая в одну только тонкую рубашку, поправила шаль на плечах, толкнула в бок подругу и по новой налила в рюмки. — Давай-ка ещё разик поднимем и спать пойдём.

Рузя покивала распухшим от слёз носом, высморкалась и подняла рюмку.

— Я ж сама его, понимаешь? Выгнала сама!

— Ну, выгнала. Так ведь правильно всё сказала. Не судьба вам вместе. Да, не думай ты, забудь. Ты вон с Зеленским на свадьбу к дочери пойдёшь.

— Зелюнца, я ж с ним не пойду, — замялась Рузя. — Зеленский женат.

— А как же ты?...

— Приду, будто бы я гостья со стороны невесты или жениха.

— Это он тебе такого насоветовал? — удивилась Зельда.

— Нет, это я сама так придумала, — зло ответила Рузя и хлопнула пустой рюмкой по столу. Рюмка разлетелась на осколки и из Рузиных пальцев часто-часто закапала кровь.

Рузя вскрикнула и затрясла пораненной рукой перед собой. Тёмно-красные капли быстро впитывались в скатерть, оставляя на ней бордовые пятна.

— Да сядь ты спокойно! — закричала Зельда, пытаясь схватить её за руку. — Вот как с тобой можно водку пить? Обязательно что-то приключится!

Зельда попричитала, но быстро замотала два пораненных пальца подруги принесённым из комнаты белым лоскутом.

— Не к добру это, — прошептала Зельда, глядя на выставленные вперёд забинтованные пальцы Рузи.

— Что не к добру? — спросила протрезвевшая Рузя.

— Я, с перепугу, руку тебе не тем лоскутом замотала. Это с платья лоскут.

— Какая разница, с какого платья лоскут? — недоумённо пожала плечами Рузя.

— Этот лоскут с подвенечного платья Зоси Зеленской, — прошептала Зельда.

Рузя лежала в постели, смотрела в темноту и думала, какая разница, каким лоскутом ей сделали перевязку, если Зося никогда об этом не узнает? Что так пугаться. Где она, Рузя, и где пани Зеленская со своим женихом. Пьяная Рузина голова

настойчиво пыталась разобрать этот ребус, но только ещё более запутывалась. Вскоре она заснула, утомлённая тяжелым днём и алкоголем.

* * *

В Управу прибежал мальчишка и доложил пану Мрозовскому о том, что видел пана Зеленского среди балки, когда шел на рыбалку. Нет, на рыбалку шёл не пан Зеленский, а сам мальчишка, а указанный выше пан, лежал в немыслимой позе, и к нему было боязно подойти близко. Мальчишка уверен, что это доктор, потому что рядом валялся чемоданчик, с которым обычно ходят доктора. А ещё, из кармана лежащего господина выглядывали часы на цепочке, которые мальчишка не украл, так как не умел так шарить по карманам, как знакомые хлопцы, промышлявшие этим не первый год. А вот, если бы они сейчас нашли того доктора, то точно бы спёрли. Хлопцев он указать не мог, ибо они совершенно точно выехали в другой город заработать, а когда они вернуться, то обещает прийти и сообщить. Мрозовский тщательно записал показания мальчишки и выдал осведомителю денежное вознаграждение. Когда дверь за ним закрылась, Мрозовский задумался.

До балки Мрозовский тряся в бричке, стараясь не думать о трупе Зеленского до выяснения обстоятельств его смерти. В том, что это был именно труп, Мрозовский почему-то сомнений не имел. Надо было знать Зеленского, чтобы понимать, что он не станет валяться в парке, да и не напивается никогда до такого состояния.

По приезду на место Мрозовский приказал оцепить местность и никого не подпускать, чтоб не натоптали.

Балка располагалась рядом с Кальварией, где работал знакомый сторож. Пан Пётр пришёл полюбопытствовать и теперь курил, никем не замеченный, в сторонке, присев на старое бревно. Живые всё же поинтереснее для наблюдения были, хотя и не любил пан Пётр людей. А из «двуйки» людей любил еще меньше.

Сделав предварительный осмотр, Мрозовский пролез через дыру в заборе и уселся составить протокол за столиком у могилки, что у самого края кладбища. В такие моменты Мрозовский ощущал себя гением сыска и становился похож на старого, но ещё довольно шустрого бульдога, готового вцепиться мёртвой хваткой в любого, если для этого появится хотя бы малейший повод.

Забыв об обычной брезгливости, он проверил все карманы, внимательно изучил края раны на горле Зеленского и местность вокруг тела. Он

царапал по бумаге карандашом и бормотал себе что-то под нос:

— Тело обнаружено лежащим лицом вниз. При первом осмотре выявлена резаная рана на горле и несколько ссадин на лице, которое могли случиться уже после падения. Под ногтями у трупа трава и немного глинистой почвы, из чего следует, что пан Зеленский умер не сразу. На месте происшествия ничего подозрительного не найдено, орудия убийства тоже не нашли.

Пан Пётр хрипло рассмеялся, чем привлёк к себе внимание.

— Вот у вас и работёнка, пан сыщик, похлеще моей будет. Я хотя бы своих покойников руками не трогаю, а вы им везде заглядываете, да щупаете.

— Доброго дня, пан Пётр, — сказал Мрозовский, очень расстроившись такому соседству. — А вы бы лучше своими непосредственными обязанностями занялись, чем подглядывать. Вон дыра в заборе, а вы и не озаботились.

— Чтоб дыру заделать муниципалитет средств не выдал, и не мне, а кому другому, а я только охраняю, чтоб покойнички не разбежались.

— Я вас понял, — Мрозовский отвлекся от написания документа и с интересом посмотрел на сторожа. — А вы ничего странного не заметили вечером или ночью? Может, кто-то поздно с

кладбища шел или мимо?

— Мимо здесь только собаки бездомные носятся, а остальные либо сюда, либо отсюда. Этого господина вчера не видел. Да и раньше не встречались. Представительный пан, но мне не по карману такие доктора. Так что ничем помочь не смогу.

Сторож закашлялся, сплюнул и, не прощаясь, пошел прочь.

— Эй! Пан Пётр, что ж вы так скоро уходите? Я ещё не закончил.

— А я закончил, — ответил тот, не оборачивая головы.

— Какой же противный мужик, — проговорил Мрозовский, со злобой глядя на сторожа. — И ссориться не хочется — вдруг полезным окажется.

По возвращению в Управу пан Мрозовский определил тело Зеленского в мертвецкую и доложил руководству, что у него есть подозрение на Вениамина Железова. А подозревает он этого Железова, так как невеста его в любовницах у Зеленского находилась, и потому причиной убийства могла послужить ревность. Одного только не доставало — орудия убийства. Мрозовский снова тщательно осмотрел всё вокруг, но ничего похожего, чем можно было бы перерезать горло, он не нашёл.

Мрозовский очень сожалел о смерти

Зеленского. После последней партии в покер Зеленский остался должен.

— Я с вами, пан Эдвард, после рассчитаюсь. Вы же меня знаете — я человек слова, — пообещал на прощание доктор и так не вовремя погиб.

Теперь «человек слова» лежал на холодной полке в мертвецкой, а на больших пальцах ног у него болтались бирки.

Ранним утром Веня ждал проходящего поезда, чтоб уехать из этого никчемного городка. Может быть и навсегда уехать. Он мечтал о новой жизни, которая ждёт его далеко-далеко отсюда, когда мальчишка, разносивший газеты, прокричал:

— Важные новости! Известно имя убийцы доктора Зеленского! Разыскивается убийца! Убийца известен по делу о гробокопателях!

Первой мыслью Вени было сорваться и побежать обратно в лавку, чтоб увидеть Рузю и сказать ей, что теперь не нужно никуда уезжать. Ведь Зеленский-то мёртв! Сорвавшись с места, Веня остановился. Если Зеленского убил кто-то из гробокопателей, то разыскивают его, Веню. Или Рузю. По этому делу только Пасечник в подвале сидел. Остальных Веня не знал, кроме одного страшного молодого пана, имени которого лучше было не вспоминать. Подхватив узел с вещами, он понёсся не разбирая дороги, только бы успеть

предупредить.

— Куда это ты собрался?

Веня налетел на человека, резко остановился и изменился лицом, узнав его. «Про волка обмолвка...» Веню буравили холодные голубые глаза.

— Никуда я не собрался. Вернулся вот.

— Откуда? — раскатистый смех старого знакомого отозвался холодом в затылке. Веня ощутил, как на затылке стянуло кожу и взмокли подмышки. Этого знакомца страшно было во сне увидеть, а тут так не вовремя.

— Говорите, чего хотели. Спешу я, — нахмурился Веня, нервно задышал, раздувая ноздри.

— Ну-ну... Ладно тебе! Мы же друзья. Нам и делить-то нечего. Давай пройдемся, поговорим.

Веня кивнул, соглашаясь. Может и был у него выбор... Вот взять развернуться и уйти по своим делам. Ну что он сделает? Побегит следом или силой попытается остановить? Меряться силой не имело смысла, да и сила то тут не причём. Веня боялся знакомца, и Пасечник тоже боялся. Есть такие люди, что как посмотрят в глаза, то всю душу выймут. От таких людей нужно подальше держаться. Нужно, да не получилось. Тут ещё и Рузя скандалит, денег требует. Рузя! Одна надежда, что она услышит новость раньше, чем...

Веня бестолково плёлся шаг в шаг следом за знакомцем. Мимо потянулся кладбищенский забор и крайние могилы, что местами стали обсыпаться от времени и снежной зимы. Так бывает, как только вся снежная красота сходит, то тянет за собою всё, что не крепко зацепилось. Вымыли весенние ручьи кладбищенскую глину, оставили протоки и неглубокие овражки вдоль насыпи забора. Один полуразрушенный склеп был совсем размыт: домовина из-под глины досками гнилыми на мир смотрела, а кости собаки отрыли. Так и узнали, что за балкой есть такая могилка. Поправили её, службу заказали, чтоб совесть не мучила. В Бога Веня не верил, потому считал, что службу зря служили, а вот выпить за упокой потревоженного покойника следовало. Потому после каждого случая на Кальварии садились они с Пасечником и пили горькую до утра.

— Далеко ещё? Сколько идём и слова ни одного не сказали, — сказал Веня и посмотрел на небо.

Вверху над кустом вербы кружил угод, расправил веером хохолок, вытянул узкий клювик и словно рвался прочь от людей, почуяв опасность. Яркий и крикливый птах смешно летел, рывками удаляясь в балку, такой жёлто-солнечный на фоне безоблачного неба.

В горле вдруг забулькало, обожгло и горячее

потекло на грудь. Веня схватился за шею и отпрянул от боли. Он посмотрел на пальцы с каплями крови, потом на удаляющуюся спину знакомого, на летевшего вдалеке жёлтого птаха и стал заваливаться на кованую оградку. Веня цеплялся за увитую пожелтевшим на солнце плющом калитку, пальцы не слушались и соскальзывали, немея. Последней, что увидел, была пожухлая трава на глинистой кладбищенской земле.

* * *

Пан Пётр уже битый час сидел на лавке возле входа в Управу в ожидании Мрозовского. Пётр намеревался написать жалобу на сыщика, но предварительно желал посмотреть тому в глаза и сказать всё, что он думает о сыске и всей «двуйке». Листик, вырванный из ученической тетради, лежал аккуратно сложенный в четверо во внутреннем кармане пиджака и тешил самолюбие сторожа похлеще материнской похвалы.

— Доброго дня пан Пётр! — Мрозовский улыбчиво прошел мимо лавочки со сторожем, поздоровался и, не останавливаясь, направился ко входу в Управу.

— А если бы вы знали, что я вас тут дожидаюсь, то так же бы обрадовались или честно

прошли бы мимо не здороваясь?

От такой тирады Мрозовский замер на месте, развернулся и внимательно посмотрел на сторожа.

— Чего так смотреть? Я не панянка красивая, чтоб любоваться, — надулся сторож, поднялся с лавки и подошел к Мрозовскому. — Я к вам, пан сыщик. К вам и к вашему начальству.

Мрозовский не сдержал удивленного возгласа, который больше походил на сдавленный крик больного хрюка, которого скоро прирежут, не дожидаясь праздника, чтоб сам не издох.

— Ну, проходите, если вам есть, что мне сказать, — сухо сказал Мрозовский и жестом пригласил за собой.

Сторож на секунду замялся, потом подумал о чём-то, махнул рукой и решительно вошёл следом.

— Так что ж у вас для меня есть, пан Пётр? — спросил Мрозовский, вальяжно развалившись в кресле.

— Труп у меня для вас есть, пан сыщик, — коротко ответил сторож и собрался насладиться результатом.

— Скажем так, вы меня не удивили. Ваших трупов на каждого горожанина хватит. А если ещё и те курганы раскопать, где захоронены защитники крепости от набегов турецких, так и вовсе по два трупа на нос.

— То не трупы, — тихо ответил пан Пётр,

явно обидевшись за такие сравнения.

— Что вы изволили сказать? — улыбнулся Мрозовский.

— Изволил сказать, что в могилах покойники, а не трупы. А у меня для вас как раз второй вариант имеется. Вчера нашёл.

— А что ж сразу не сообщили? — настроение у Мрозовского сразу испортилось. Новое расследование прибавку к жалованию не добавляло.

— Меня мертвецы мало волнуют. Человек помер, а я живой. Значит, мне нужно поспать и поесть. Ему-то уже ничего не нужно, подумаешь, одна ночь на свежем воздухе. Считаю, обжился на новом месте, — пожал плечами сторож.

— Ох, и юмор у вас, любезный, — скривился Мрозовский, представив, как сторож ест и спит у найденного тела.

— Это у вас юмор, пан сыщик, а у нас труп неучтённый валяется. Убрать бы надо.

Пан Пётр поднялся с кресла и молча направился к выходу.

— Э... А вы куда сейчас?

Сторож ткнул пальцем вверх и Мрозовский понял, что он имеет в виду не Господа Бога, а кое-кого более грозного в здании Управы.

* * *

Мрозовский имел пренеприятнейшую беседу с начальством. Скорее это была не беседа, а публичное избиение, потому как при этом присутствовала добрая половина коллег по Управе. От него требовали немедленного раскрытия дела и дальнейшего отчета. Начальник кричал, доходя до хрипа и одышки, топал ногой в конце каждой фразы, потом вдыхал поглубже, словно готовясь нырнуть, и начинал орать по новой ещё сильнее жестикулируя руками. В конце концов, доведя себя почти до умопомрачения, начальник успокоился, сел за стол и велел всем убираться работать.

Эдвард Мрозовский спешно покинул начальника и теперь его мучила изжога и мигрень, а ещё очень хотелось домой.

— Ефрозынья Ковальчук... — произнёс Мрозовский, посмотрев в записную книжку. — Вы знакомы с Христиной Германовой?

Рузя повела бровью и, переклонившись через стол, показала грудь, придавивши ею записную книжку. Зажмурила глаза, сложила губы дудочкой и потянулась к пану Эдварду.

— Мур-р-р... Ну, какой же ты нудный. Разве ты меня позвал, чтобы тратить время на разговоры?

Рузя легкой тенью метнулась к двери, повернула ключ в замке и правой рукой подняла подол юбки, обнажив белую кожу над

фильдеперсовым чулком.

— Пани Ковальчук, — хрипло зашептал пан Эдвард. — Нет необходимости закрывать дверь и вернуться на место. Вы забыли, где вы находитесь!

— Почему же, мой котик, я отлично помню. Там же, где мы виделись в последний раз.

Рузя игриво подмигнула, подошла и потянула за галстук. Пан Эдвард, видя, что его планы провести дознание хотят сорвать, попытался отбиться и усадить Рузю на стул. После недолгой возни растрёпанная Рузя сидела перед ним и обиженно кусала пухлые губы.

— Я так понимаю, у дифензивы воздержание?... Задавайте ваши вопросы, пан сыщик.

— Пани Ефрозынья, прошу прекратить эти провокации... С вашего позволения, я повторю вопрос. Вы знакомы с Христиной Германовой?

— Пан Эдвард, что за мода у вас, зная ответ, задавать глупые вопросы? — фыркнула Рузя. — Конечно, знакомы, и вы об этом отлично знаете.

— А знали ли вы покойного супруга пани Германовой?

— Знала, — ответила Рузя, продолжая злиться. — Виктор был хороший человек.

— Он же умер молодым? А что с ним случилось? — продолжал расспрашивать Мрозовский. Он уже достаточно успокоился:

пригладил волосы и поправил галстук.

— Говорили, что простудился, что жар у него был. Сгорел от температуры, кажется. Пан сыщик, а что это вы меня спрашиваете? Тина лучше знает, от чего её муж преставился.

— Это вас не касается. Будет нужно, спрошу и пани Хрестину. А вы были на его похоронах?

— Была.

— И покойника видели?!

— Не видела.

— Как же так! Были там и не видели виновника?

— Да, что вы ко мне пристали?! Что с того, что была? Как я могла его видеть, если гроб был закрытым?!

Мрозовский закашлялся, выпил залпом стакан воды и продолжил:

— А вам объясняли, почему так?

— Говорили, что вроде он сильно почернел лицом. Ну, от болезни, — Рузя отвечала без особого желанья, тоскливо поглядывая в окно.

— Благодарю вас, пани Ковальчук, более не смею задерживать. Можете идти.

Рузю не нужно было просить дважды. Она сделала книксен и выскочила в коридор. О смерти Зеленского и Вени Мрозовский решил не говорить. Пусть сама узнает, не хватало еще в кабинете обмороков и рыданий. Дверь за ней закрылась и

Мрозовский выдохнул, откинувшись на стуле. Дело, которое он расследовал начинало приобретать очертания и довольно неприятные. Виктор Германов помер в аккурат, когда на него выписали ордер на арест. Германов слыл известным шулером и аферистом, только брать его было не за что. Ловок, да изворотлив. Имелось несколько случаев, когда все козыри на руках у Мрозовского имелись, но в последнюю минуту оказывалось, что все доказательства выеденного яйца не стоят: свидетели говорили, что потерпевший сам всё отдал или подписал. Вот так вот.

* * *

Ярмарка бурлила, танцевала, пела, ела и пила. День катился к вечеру, солнце низко нависло кроваво-красным диском над горизонтом. Облака, расцвеченные в цвет солнца, растянулись, размазались по небу, обещая на завтра ветреную и дождливую погоду. С площадки для танцев доносилась музыка и смех. Рузя, утомившись после фокстрота, остановилась у тира, потянулась к кусту жасмина и на минуту засмотрелась на мишень в виде зайца, как кто-то больно задел её локтем и тут же извинился приятным голосом:

— Прошу прощения.

Она обернулась на голос: кавалерист был

хорош собой и Рузя онемела. Такого она за собой не замечала никогда, чтоб из-за хлопца и ни слова. Мало того, она стояла и хлопала ресницами, как гимназистка. От этого считала себя полной дурой, но сделать ничего не могла.

После встречи с Мрозовским Рузе хотелось развеяться или сделать что-то такое, за что простому человеку может стать стыдно. В принципе, Рузе редко бывало стыдно, скажем так, она не припоминала подобного случая, но очень хотелось, чтобы было похоже.

Кавалерист, наконец, увидел застывшую Рузю и подмигнул ей молодцевато, подкрутив ус. Он не был настолько хорош, чтобы это заметили остальные, но чувствовалась в нём такая мужская сила, что у Рузи сводило скулы от одного только взгляда на него.

— Может, пани хочет получить подарок из тира?

С горем пополам открыв рот, она выдавила:

— Да, пани хочет!

— Вы не пожалеете, что согласились! Ради такой видной панянки, я сейчас весь тир разнесу!

Рузя не поверила громким словам, но осталась от скуки просто полюбоваться и испытать приятное томление в груди.

Через полчаса у тира стояла бушующая толпа. Все подзадоривали кавалериста и требовали от Рузи

для него поцелуй. У ног самой Рузи лежали несколько подарков.

— Какой хлопец! Пани, ну что вам жалко для него парочки поцелуев? Будете гордиться и детям расскажете, что целовали такого военного.

— Та хоть бы он имя своё назвал! — кокетничала Рузя, распаяясь всё больше под горячим взглядом кавалериста. Он смотрел чуть с прищуром, из-под спадавших на лоб волнистых волос, которые всё время отбрасывал назад резким движением головы.

— Меня Яном зовут, — тихо произнёс кавалерист и отвернулся к стене с мишенями.

На стене их оставалось четыре. Недоволен был исключительно хозяин тира, потому он суетился меж зрителей, предлагая присоединиться к кавалеристу или хотя бы выпить свежего самогона для настроения. Торговля шла бойко: народ пил, закусывал салом с чесноком и радовался успехам кавалериста. Вскоре публика осоловела, кто-то схватил Рузю за мягкое место и выкрикнул:

— Хватит ломаться! Не хочешь с уланом иди сюда, мы тебя побалуем.

Крик этот услышали все. Через мгновение в кусты свалились и кричавший, и кавалерист, и еще кто-то из толпы. Рузя стояла как вкопанная, наблюдая, как за неё дерутся. Возможно, драка длилась бы дольше, но хозяин тира решив, что

достаточно, достал из кармана полицейский свисток и так дунул, что те, кто только что хотел баловать Рузю бежали, не разбирая дороги.

Ян галантно проводил Рузю к Зельдиному дому, предварительно угостившись стаканом самогона у хозяина тира.

— Вы очень милая пани. Позвольте завтра пригласить вас прогуляться? — устало проговорил Ян, притискивая Рузю к фонарному столбу.

— С удовольствием прогуляюсь с паном. Но сегодня уже поздно, поэтому сейчас я с вами попрощаюсь, — ответила Рузя, ужом выскальзывая из рук кавалериста.

От Яна густо пахло тройным одеколоном и кислым конским потом. Как ни странно это не отталкивало, а как раз наоборот: женское естество словно пробудилось, очнулось от спячки, осветило сознание ярким светом и помрачило рассудок. На прощание Рузя подарила кавалеристу такой жаркий поцелуй, что у того вырвался страстный вздох и задрожали пальцы. Игриво хихикнув на прощанье, Рузя бросила Яна отдышаться на свежем воздухе и забежала в парадное.

Зельда раскладывала пасьянс и, улыбаясь, поглядывала на подругу. Рузя жадно пила чай в прикуску со свежим печеньем, запах очередной порции которого горячей волной доносился от

печки. Она хвастала новой победой:

— Брошу Зеленского. У меня теперь такой кавалер имеется: благородный, красивый, а как он целуется... ммм...

— Некого тебе бросать, дурёха! Но, что кавалера успела завести, так то молодец.

— Как это некого?!

— Зарезали твоего Зеленского. Как свинью зарезали! Дочка приходила за платьем. Говорила, свадьбу отложат. А я думаю, что женятся тихонько, чтоб народ не знал. Ей же до конца траура не доходить — разродится. А убил его твой Венька. Разболтала ты ему, что Зеленский в любовниках? Дура!

Рузя побледнела и, распахнув глаза, какое-то время смотрела себе на колени.

— Венечка уехал. Он вещи собрал, — еле слышно прошептала Рузя.

— Значит, не уехал. Ты видела, как он в поезд садился?

— Нет.

— Вот и не говори тогда!

Рузя вскочила и замахала руками.

— А ты видела, что он Зеленского резал? Видела?!

Зельда ошарашено смотрела на подругу.

— Не видела, так люди говорят.

— Давно ты стала людей слушать? А когда

тебя парижской жидовкой зовут, ты тоже людей слушаешь?!

Зельда подошла к ведру, зачерпнула в кружку холодной воды и выплеснула на Рузю.

— Угомонись. Я этих слов в свой адрес не слышала, а ты если повторяешь, то стало быть и слышишь. И, наверное, не единожды. Такая ты подруга, что не можешь рта людям закрыть. Уходи.

Зельда отвернулась к окну, а Рузья вспыхнула и выбежала во двор.

Глубокая ночь застыла над городом. Тучи на небе закрыли звёзды и только фонарь слабо освещал двор, указывая очертания предметов. Рузья нащупала лавку, села и беззвучно заревела.

Не такой судьбы желала для Вени, себе не такой желала. Веня был первым мужчиной и единственным защитником долгое время.

На плечи еле слышно легла шаль.

— Идем в дом, простудишься ещё, — позвала Зельда.

— Это я виновата! Одна только я, — шептала Рузья, задыхаясь слезами. — Я его с Германовым свела! Денег, дуре, захотелось! Всё не нажрусь никак! И где эти деньги, я спрашиваю?

— Не знаю я, где твои деньги. Идём.

Зельда завела её домой, переодела в ночную рубашку и уложила спать, укрыв овечьим одеялом.

Рузя проснулась посреди ночи, открыла глаза и смотрела в темноту высокого потолка. Боязно ей было. Если даже Зеленского убили, то что такое она — Рузя. Не было уверенности, что Веня успел уехать, тревожно колотилось девичье сердечко и беспокойно было на душе. Потому что если он не уехал, то мог закончить так же, как и доктор. «Эх, знать бы, где искать тебя, Венечка...» Душная ночь липла волосами к щекам и тонким ситцем к телу. Хотелось холодной воды и прохлады. Рузя ворочалась на влажной простыне, не находя себе места, потом поднялась и открыла форточку.

Свежий ночной воздух ворвался сквозняком, поколыхав лёгкую занавеску. Зелёная листва тяжело и плавно покачивалась, шепталась с ночью. Рузя смотрела в окно, слушала шепот листвы и думала о том, как дальше жизнь её сложится. Светского общества ей теперь не видать, ибо Рузю некому туда привести, а сама она входов-выходов в это общество не знает.

Срочно требовался защитник. Страх, что кому-то захочется поквитаться не отпускал, а ещё сильнее зажимал в тиски. Рузя не знала, за что её могли бы убить, но интуитивно чувствовала, что если захотят, то причина найдётся. На роль защитника как нельзя лучше подходил вчерашний кавалерист. Ян показался сильным и не глупым, хотя второе качество могло оказаться лишним в

данной ситуации. В общем, она решила, что на какое-то время Ян вполне сойдёт за кавалера, да и жалованья офицерского вполне хватит, чтобы весело погулять. Решив, что всё наладится, Рузя уснула.

Утром, отпивая мелкими глоточками горячий кофе из белой чашки тонкого фарфора, Рузя улыбалась новому дню и мыслям о новом кавалере. Воспоминания о Яне будоражили её воображение, вызывая томление в груди. Вчерашние грустные мысли ушли за горизонт вместе с ночью, а утро принёсло хорошее настроение.

— Чему это ты улыбаешься? — спросила Зельда, снимая с огня кофейник.

— Доброго тебе утра, подружка. Садись со мной кофе пить, — сказала Рузя, одарив улыбкой.

— Ну да... спасибо, что не прогнала с моей собственной кухни. А то думаю, кто бы мне помог кофе выпить... — Зельда наливала в чашку кофе, тёмная струйка из узкого носика выплёскивалась, отдавая пар и аромат.

— Ой, да не злись! Лучше скажи, что к кофе есть.

— Есть, моя пани, — сказала Зельда и выставила на стол маленькую корзинку с булочками. — Я в булочную сходила, выпечку свежую купила, пока кто-то спит.

Зельда карикатурно присела и поставила на стол свою чашку.

— Ммм... какая прелесть! Тёплые ещё!

— А и не скажешь по тебе, что вчера полночи не спала, — заметила Зельда.

— Откуда знаешь?

— Что тут знать, когда ты шастаешь и форточкой гремишь. А что ты надумала с лавкой делать? Будешь и дальше держать или продашь?

— Не решила пока. Всё думаю нижним бельём торговать, чулками. Только не сейчас, подожду ещё, — нахмурилась Рузя и стала сосредоточенно жевать булку. — Кавалер на первое время есть, а там посмотрим.

— Ох и Рузюнца! Где же твоё сердце? Для тебя кавалеры, что перчатки — новая пара, как новый день.

— Моё сердце их не касается.

Сердца Рузя, в известном смысле, и в самом деле не чувствовала. Любовь её ещё не настигла, потому к новым знакомствам она относилась легко и непринужденно. Можно сказать играючи. Сбегав домой, Рузя переделась и пошла в лавку, ждать кавалериста.

* * *

В морге Мрозовскому всегда было неуютно.

Не то, чтобы он ждал увидеть комфортные полки для покойников, но хотел когда-нибудь прийти сюда и не испытать желания в тот же час выйти. Торчавшие босые пятки с белеющими в полумраке номерками, не внушали ничего кроме брезгливости. Конечно, никто не просил Мрозовского брать покойных за ноги или, что ещё омерзительнее, стричь им ногти, но он постоянно ожидал подобной просьбы от работников мертвецкой. Морг был старым и тесным. Тела покоились ровными штабелями, прикрытые простынями в непонятных пятнах. Мрозовский даже начал озираться в поиске нужного покойника, словно мог увидеть лицо сквозь простынь.

— Проходите сюда, пожалуйста, — попросил Кулик, кивнув головой в сторону маленького грязного окна, и пригладил жиденькие седые волосы к почти лысой голове. — Пан Мрозовский, ваш друг ждёт нас в другом месте.

Кулик работал здесь не один десяток лет. Во всяком случае, Мрозовский был с ним знаком с самого начала службы в «двуйке». Кулик отличался специфичным юмором и всегда называл покойных «ваш друг». От таких слов Мрозовскому делалось всяко дурно, но он шел за Куликом, оставив всякие попытки пытаться привыкнуть к его шуточкам.

— Мы не настолько близко дружили, — заметил Мрозовский сквозь зубы.

— Вы знаете, это как посмотреть на вопрос. Ведь, при теперешней жизни, если мы не были врагами, то выходит, что дружны, — философствовал Кулик, продолжая идти по тёмному коридору, освещенному несколькими тусклыми лампами в стальной сетке.

Сетки эти всегда интересовали Мрозовского, ибо казалось непонятным, кто здесь может расколотить лампочки, когда кругом одни покойники? Есть только Кулик и его помощник, да и те ежедневно к ночи бывали мертвы от водки.

Тело, лежавшее на столе, ничем не напоминало весёлого и шустрого пана доктора. Мрозовский сглотнул и спросил:

— Что вы скажете?

— Скажу, что зарезали их обоих на один манер.

— Кого их? Вам же одного Зеленского привезли!

— Ну, что вы! — искренне удивился Кулик. — Вчера вечером ваши из Управы еще одного доставили. Могу показать.

— Лучше расскажите. Я вам верю на слово. Сказали откуда его привезли?

— Сказали, что с кладбища доставили. Шутники, — улыбнулся Кулик. Улыбка его походила на младенческую — в дёснах не торчало ни единого зуба. — Так вот. Раны у обоих

идентичны — от уха до уха. Одним инструментом работали.

— Почему же инструментом? — удивился Мрозовский.

— Потому что это не нож. Ножом так аккуратно не разрезать.

Мрозовский поморщился и согласно кивнул. На его памяти Кулик ещё никогда не ошибался.

— Второго показывать? — спросил Кулик.

— В другой раз посмотрю. Я к вам Гроссмана направлю, он всё зафиксирует.

Кулик, улыбаясь по-детски, протянул Мрозовскому руку для рукопожатия. Тот неуверенно ответил, кивнул и быстро вышел. На улице Мрозовский, кривясь от омерзения, вылил на руку заранее приготовленный пузырёк с медицинским спиртом.

* * *

Мрозовский тяжело уселся в бричку и ткнул в спину хлопчика, сидевшего на козлах. День только начинался, а усталость навалилась, обняла и валила с ног.

— Пора на воды, в Карлсбад. Отдыхать, — тихо под нос пробормотал пан Эдвард.

— Что вы изволили сказать? — переспросил хлопчик, извернувшись назад.

— Что я сказал, то не твоего ума дело! Тебе сказано было, что в Управу? Так чего спишь?! — пан Эдвард раскричался, сам не понимая причины своего крика, ведь хлопчик всего лишь переспросил. Он закрыл глаза, глубоко вдохнул, медленно выдохнул и тихо добавил: — Доведёте меня до цугундера своей глупостью... Давай, на Кальварию.

Бричка покатила, подпрыгивая и трясясь. У Мрозовского мелко дрожали обвислые щеки, и весь его вид говорил о том, что он очень расстроен. На самом деле Мрозовский думал. И мысли эти были не о хорошеньких ножках Рузи или страстных объятиях пани Марьяны, думал он о делах казённых. Обычно мысли такие наводили на Мрозовского хандру, но в этот раз случилось иначе: хотелось рыть землю носом, как та ищейка или охотничья собака Пашкевичей — Эмма. Мрозовский однажды видел, как охотятся на фазана: загонщики шли медленно и спокойно, периодически останавливаясь и постукивая палками по ветвям деревьев и кустов, стрелки в полной тишине окружали кусты, где сидел фазан, и когда все были готовы, туда запускали собак, петух взмывал над кустом свечой, брал направление... и охотники выпускали в дичь весь заряд дроби. Конечно, убийство, но зато наверняка. Мрозовский

мечтал, что скоро найдёт те самые кусты, где сидит фазан, и уж тогда он вполне насладится моментом, утолив охотничью страсть. Он чувствовал, что в нём одновременно живут: и загонщик, и стрелок, и охотничий пёс.

Бричка остановилась у сторожки. Пан Пётр сидел за столом, разложив нехитрую снедь.

— Доброго дня, пан Пётр! — поприветствовал Мрозовский, тяжело сходя с брички.

— Доброго, — недовольно ответил сторож. — А вы всё к обеду норовите приехать? Прошу к столу, коли не брезгуете.

Мрозовский брезговал, но виду не подал.

— Благодарю, — ответил он и рука его неуверенно покружила над столом, прицеливаясь. Он взял одну редиску, кусок краковской и уселся напротив, сделав вид, что очень рад приглашению. — Пан Пётр, я к вам не просто отобедать пожаловал. Интерес у меня один имеется.

— Это я догадался, что вы на кладбище не погулять приехали.

— Так вот... Около года назад случились похороны одного молодого мужчины. Гроб был закрытым, потому возможно вы вспомните тот случай.

— За год таких случаев не редкость. А вы бы фамилию указали, иначе, как я вам отвечу? —

пожал плечами сторож.

— Германов, его фамилия. Помните такого?

Вопрос был явно лишним. Пан Пётр наверняка помнил. Он как-то сразу побледнел и растерянно завертел головой, ища поддержки. Но кроме Мрозовского у сторожки никого не было, кто бы мог ответить.

— Припоминаю, кажется.

— Это хорошо, что припоминаете, — сказал Мрозовский. Он улыбался тому, что явно пришёл по адресу. — Может вы мне и могилку его укажите?

Пан Пётр подобрался, обтёр руки о полотенце и собрался подняться.

— Ну, что вы! Прошу пана, Я ж не зверь какой, чтоб человеку поесть не дать. Вы пообедайте, а я пока что прогуляюсь.

— Так пообедал уже. Благодарствую, — хмуро ответил сторож и направился к сторожке. — Сейчас дверь закрою и покажу вам, где пан Германов захоронен.

Мрозовский от радости проглотил и краковскую, и редис, почти не жуя. Он стоял теперь, засунув руки в карманы, и покачивался с пятки на носок, ожидая пока пан Пётр закроет сторожку. Кто бы знал причину такой радости, если даже сам пан Мрозовский не смог бы ответить за такое интуитивное чувство.

Сторож не спеша шёл по тропике временами оглядываясь на Мрозовского, говоря:

— Идёмте, идёмте... не отставайте.

На своей территории пан Пётр был царь и Бог. Он ступал торжественно и тихо, словно боялся разбудить давно усопших. Вот и Мрозовский, мужчина крупный, а старался идти в такт его шагам. Чувствуя некую печальную торжественность в их шествии. Мрозовский поёжился, задумавшись вдруг о бренности бытия, и о том, как временно наше пристанище, и как мимолётно наше бытие в нём. Порыв ветерка вдруг показался чьей-то невидимой ладонью, что легко спутала волосы и погладила затылок. Мрозовский, никогда не замечавший за собой какой-то особенной впечатлительности, нахохлился, и, несмотря на утреннюю пору, стал боязливо коситься на могилы. Кладбище было старым, возможно даже старше города, а памятники большей частью напоминали скульптуры, иногда готические. Тематика соблюдалась соответствующая: ангелы, херувимы и прочая.

Наконец, они подошли к склепу, на вид заброшенному и стоящему чуть в стороне. Склеп показался очень скромным и довольно новым. Перед ним находился простенький металлический крест, где маленькими буквами были вписаны имя и фамилия с датой рождения и смерти. Мрозовский

присмотрелся — Германов умер чуть более года назад. Траву здесь давно никто не убирал, всё вокруг заросло бурьяном.

— Что же так бедно? — спросил Мрозовский. — Я как-то случайно видел могилку дочери пани Кристины, так там временный крест не намного дешевле.

Пан Пётр посмотрел на сыщика, смерил его с головы до ног и хмыкнул.

— Чтоб вы понимали! То ж ребёнок, а это муж! Разве ж не ясно?

— Ясно. Но разве пани Христина мужа не любила?

— Любила, не любила... Какая теперь разница? — ответил сторож.

Он нервничал и явно хотел уйти отсюда куда подальше.

— Ну, конечно... А я вам скажу, что разница имеется, — задумчиво ответил Мрозовский. — Хотя пани Христина дочке памятник еще не справила, но и без него могилка выглядит куда ухоженней, чем этот склеп. Пани Христина не приходит к мужу помянуть?

— Может, и не приходит, — замялся сторож. — Знаете, как оно, похоронила, поминки справила и позабыла. Она женщина молодая, видная. Зачем её лучшие годы на кладбище проводить?

— Ага, значит, говорите, что не приходит она на кладбище?

— Э... Я не говорил, что она совсем не приходит, я мог и не заметить. Я ж не за тем здесь, чтоб за всеми следить. Меня только к мёртвым приставили.

— Следите, за кем хотите, — махнул рукой Мрозовский и подошел к столику, что прятался рядом в кустах сирени. На столике лежали кой-какие остатки еды, аккуратно прикрытые рушником. — А это что? Кроме вас ещё кто-то за порядком следит?

Сторож икнул и резко покраснел как индюк.

— Кому здесь следить ещё, — сказал сторож, замялся, зло глянул на столик в кустах и пнул с досады оградку.

— Вы бы поаккуратнее с чужим имуществом, пан Пётр. Не ровен час разломаете. И потом что? За свои кровные восстанавливать придется, — назидательно сказал весьма довольный Мрозовский и потёр руки. — Ну, что ж... Приступим?

— К чему?!

— К дознанию, любезный пан! К дознанию!

— А разве для того, не нужно документ мне выписать и в Управу вызвать?

— А зачем вас в Управу вызывать? — пожал плечами Мрозовский. — Вас туда вызывать — дорогое удовольствие. Вы ж там по всем кабинетам

гуляете, как по бульвару. А оно мне надо? Я нервничаю, настойки пью. А поездку на воды кто мне оплатит?

— Какие воды? — спросил сторож, теряя терпение.

— Лечение, дорогой вы мой! Вот закончу это дело и на курорт.

Сторож хотел съязвить, но промолчал. Потом хмыкнул и, как бы между прочим, поинтересовался:

— А как скоро планируете закончить?

— Скоро, Пан Пётр, скоро, — ответил Мрозовский и уселся за столиком поудобнее. — Что вы стоите, словно вас здесь сватают? Присаживайтесь, вы же что-то хотели мне рассказать? Помнится, проявляли желание.

Последние фразы он сказал довольно громко, делая ударение на слове «хотели». Сторож явно смутился и даже обиделся на Мрозовского. Очень покраснел, завертелся ужиком и стал шептать:

— Вы это прекратите, пан сыщик! Разве можно так-то на всё кладбище?! И ничего я вам не хотел рассказывать, это вы что-то выдумали или сон вам какой приснился.

Со стороны могло показаться, что сторож очень эмоционально рассказывает сыщику из Управы что-то весьма любопытное или даже неприличное, ибо при этом лицо у сыщика выглядело довольным, а у сторожа взволнованным

и разруганным.

Мрозовский одним жестом остановил словесный поток и довольно громко сказал:

— Вы, пан Пётр, зря так горячитесь, а пикантные подробности, вами вымышленные, меня не интересуют.

От такой двусмысленной фразы сторож подпрыгнул, икнул и снова зло пнул оградку.

— Зря вы так, говорю! — уже тише добавил Мрозовский. — Я о вас, можно сказать, заботу проявляю. А оно мне надо? Я вас спрашиваю. Вот и оградка уже покосилась. Что теперь пан Германов о нас с вами подумает? Нехорошо ведь подумает! Приличные с виду люди, а приходят к нему на могилу и имущество портят. Я бы обиделся.

Сторож слушал монолог Мрозовского и ошалело вращал глазами, не в силах что-либо ещё добавить. В нескольких метрах затрещали кусты за старинным склепом и сторож тихо вскрикнул.

— Нервная у вас работа, пан Пётр. Так и до невроза недалеко. Кого вы испугались? Пса бездомного? Точно вам говорю, что собака прибилась. Давайте я его сейчас пальну, — с этими словами Мрозовский полез за пояс за маузером.

— А вдруг это не собака?! — зашептал сторож, схватил Мрозовского за руку и испуганно заглянул в глаза. — Вдруг там человек?! А вы его

пальнуть хотите, живого...

— А откуда у вас здесь живые, пан Пётр? Что-то вы шутите надо мной, да? Здесь же одни покойники. Откуда живым взяться? Похорон сегодня нет, и не предвидится, иначе вас бы известили. Так откуда живые, пан Пётр? — Сторож молчал и дышал, как загнанная лошадь. — Я, пожалуй, вернусь сейчас в Управу, чтобы заявление написать своему начальнику. Помните? Вы к нему еще приходили недавно. Так вот... Напишу я ему заявление, чтобы разрешил ордер выписать на ваш арест, и будем мы с вами разговор в нашем подвале продолжать.

Сторож совсем осунулся. Он смотрел на Мрозовского слезящимися глазами, открывая рот, как рыба.

— Что-то хотели сказать? — спросил Мрозовский.

— Хотел, — сипло выдохнул сторож. — Не нужно арестовывать.

— Ну как же не нужно...

— Здесь он, — шепнул сторож.

— Кто?!

— Да тише вы! Пристрелит он меня, если поймёт, что я вам сейчас всё рассказал. Точно пристрелит!

— Ну, стрелять мы ему не дадим, потому что мы сами стрелять хотим. Только о ком вы говорите,

что-то не пойму, — улыбнулся Мрозовский.

— Да, этот... Германов здесь.

Сторож назвал фамилию и закрыл глаза, как на расстреле. Он был уверен, что сейчас в его лбу изобразят маленькую дырочку. Или не маленькую. Но выстрел не произошёл, и он медленно открыл глаза.

— Затаился... Чёрт такой!.. Этот такой, что может и шлёпнуть. Ему что зайца, что человека.

Мрозовский перестал улыбаться, потому что роль шлёпнутого зайца никогда не была его мечтой.

— Значит, пан Пётр, на том и закончим. Жаль, что вам нечего поведать правосудию. Мы очень рассчитывали на вас, но коль скоро рассказывать нечего, то я поеду в Управу. А вы приходите. Если что узнаете.

Мрозовский торопливо семенил по узкой кладбищенской тропинке, с трудом разбирая дорогу. Ему очень хотелось добежать до брички и уехать отсюда к чёртовой матери или ещё дальше. Мрозовский на ходу вытирал капли пота со лба и затылка, мучился одышкой и откровенно потел под начинающим припекать солнцем. Но теперь он знал, куда ему захочется пойти завтра. Пани Христина была незаслуженно позабыта, а ведь во всей этой истории она могла играть далеко не последнюю роль.

Тина только сейчас выпроводила скандальную клиентку и теперь раскладывала на столе отрез, чтобы скроить платье. Клиентка была старой, но не в том смысле, что давней знакомой, в том, что она была стара, как жестяное ведро, что стояло в чулане. Старуха испугала Настусю, то называя Линусей, то требуя самой назвать имя. Настуся расплакалась и вцепилась в Христинин подол.

— Какая у вас невоспитанная девочка, — поджала губы старуха. — Сразу видно, что не ваша. Ваша-то была вежливая и спокойная. Зачем вы её приютили, пани Тина? Как бы она у вас не украдала чего. Она не вшивая? А вы в Управу ходили? Не понимаю людей, что тащут в дом всех сироток, что на улице встретят.

Тина снимала мерки и молчала, боясь, что ответ подтолкнёт старуху на новые вопросы и рассуждения. Зажав в зубах булавки, она обмеряла старухины телеса и только кивала, пожимая плечами и делая вид, что в данный момент затрудняется ответить. На старухиных щеках висели огромные родинки; рыхлые бока и обвислые плечи покрывали старческие пятна. Тина вздыхала и обхватывала полутораметровым шнурком огромную дряблую грудь.

Отказать склочной старухе Тина не могла,

ещё пойдёт жаловаться, кляузы строчить, да беды наделает. А сейчас нельзя, чтоб склоки были, никак нельзя. Теперь есть Настуся, а значит нужно не только о себе думать.

Наконец-то клиентка ушла и Тина выкладывала ткань, рассматривая, как ложится солнечный луч на замысловатый мелкий узор на бежевом фоне: лиловые цветочки диковинно сплетались, образуя загадочный орнамент. «Зачем ей такое платье? Будет, как на корове седло с такой расцветкой», — думала Тина, представляя старуху в уже готовом платье с оборками понизу и на манжетах.

— Тьфу ты... Гадость какая, — в сердцах воскликнула Тина, вообразив старуху в полный рост.

Дверной звонок тренькнул и затих.

— Настуся! Настуся, это ты там ходишь? — Тина вытянула шею, прислушиваясь к тишине. Испугавшись уже не звуку, а молчанию Настуси, Тина подскочила и быстро вышла в салон. Посреди комнаты стоял пан Мрозовский, а перед ним Настуся. Он протягивал девочке петушка на палочке, а та всё не решалась взять. Она ещё не успокоилась после ухода вредной старухи и готова была вновь расплакаться.

— Доброго дня, пан Мрозовский! — сказала Тина и позвала: — Настуся пойдй сюда.

Девочка подбежала, обняла её за ноги и прижалась, боязливо оглядываясь на гостя.

— Здравствуйте, пани Германова, — поздоровался Мрозовский. — Что же у вас девочка такая неприветливая? Молчит и гостинец брать не хочет.

— Правильно молчит. Гости, когда заходят, то здороваются, а вашего голоса я не слышала. Мы гостинцы у чужих людей брать не приучены.

— У чужих людей? — переспросил Мрозовский, прищутив один глаз. — А вы, значит, родная? Не чужая, да?

— Не чужая, — тихо сказала Тина и прижала к себе девочку.

— У вас и бумаги имеются или какие-то иные доказательства родства?

— А вы теперь и такими делами в Управе ведаете? В новой должности? О сиротах печётесь? — съязвила Тина, сама от себя такого не ожидая, испугалась своих слов и затараторила: — Не отдам я её! Нужна она вам слишком! Куда вы её пристроите? В приют? А там их сколько, и чьи они? Никому не нужные, голодные, голые да босые. Жалко вам что ли, что девочка со мной живёт? Я женщина одинокая, зарабатываю немного, но содержать смогу. Оставьте мне Настусю, Христом Богом прошу! Всё равно не отдам...

Тина вцепилась в Настусю так, что у девочки

выступили слёзы, но она терпела, ни слова не говоря, будто понимала момент и нарочно молчала.

— Пани Кшыся, — медленно начал Мрозовский, — я не имею целью отобрать у вас девочку, но хочу предупредить, что опекунский совет не замедлит вынести решение, в случае вашего отказа...

— Что вам от меня требуется? — резко перебила его Христина.

— Ну и зачем вы торопите события? — хитро улыбнулся Мрозовский. — Мы же взрослые люди и можем договориться, если вы пойдёте мне навстречу. Я с радостью достану для вас бумагу, что девочка ваша, или находится под вашей опекой. И потом мы так же интеллигентно расстанемся, как вы этого хотите.

Мрозовский готов был пообещать Христине, за информацию о её муже, всё, чего она бы только не пожелала, но на тот момент почуял, что за эту девочку из Христины можно верёвки вить. Тина была совершенно не против, чтобы её скрутили в праздничный крендель и поставили в раскалённую печку. Приютив у себя Настусю, она наконец-то обрела тот долгожданный мир в душе, которого так искала и ждала. Девочка стала её семьёй и отогрела материнское сердце. О том, что у Настуси есть отец, Тина думать совсем не хотела и мыслей этих избегала, просто вычеркнув отца Настуси из

памяти, как нежелательный факт. Мрозовский, словно прочитал мысли Тины, начал заново:

— Пани Германова, вы же помните, надеюсь, что у девочки имеется отец? А ведь суда ещё не было, и он вполне может оказаться оправдан и отпущен на волю. Так что вы ему скажете? Или надеетесь, что ему дочка не понадобится?

Тина молчала и только крепче прижимала к себе Настусю. Думать о пане Пасичнике она давно забыла. Надо сказать, что вообще о нём не помнила. А вот будь у Тины на руках бумага, что Настуся её девочка, что опекунский совет поручил ей, Тине, присматривать за Настусей, то никакой отец ребёнка отобрать не сможет.

— А вы и в самом деле можете такую бумагу достать, или нарочно дразните? — робко начала Христина. — Мне бы от опекунского совета разрешение получить.

— Конечно, могу. Я замолвлю словечко перед председателем опекунского совета, и вам всё позволят. Мы же с ним друзья. Не знали? — Мрозовский беззастенчиво врал. Председатель опекунского совета терпеть не мог Мрозовского, а Мрозовский на дух не переносил этого председателя. В коридорах Управы они пересекались редко, но если случалось, то сухо кивали друг дружке и, брезгливо морщась, расходились.

— Не знала, — обрадовано проговорила Тина. — А что от меня-то нужно?

— Разговор у нас конфиденциальный, потому прошу вас, пусть девочка уйдёт. Поговорить нужно наедине.

— Да, конечно. Настуся, пойди наверх. Я потом тебя позову.

Тина поцеловала девочку в макушку, погладила по волосам и та убежала.

— Я слушаю вас, пан Мрозовский, — сказала Тина, рассчитывая на серьёзный разговор.

Мрозовский без слов взял Тину за руку и повел в каморку. Закрыл дверь и прижал к ней Тину. Так же молча он шарил руками по упругому телу Тины, в поисках застёжек и жарко дышал ей в лицо.

— Пан Мрозовский, что вы себе позволяете?! — возмутилась Тина, отворачиваясь от настойчивых поцелуев Мрозовского. — Я вдова и порядочная женщина!

Тина говорила резко, но тихо, боясь испугать Настусю.

— Да какая ж вы вдова при живом муже? — пыхтел Мрозовский, подлезая под юбки и крепко вцепившись в бедра Тины. Он слюнявил белую кожу над чулками, пытаясь отцепить подвязки и добраться дальше. — Мужа заживо похоронила, чужого ребенка забрала... Да я тебя... В подвалы

пойдёшь... За упрямство...

Наконец подвязки поддались, и чулки медленно сползли вниз. Мрозовский спустил на себе брюки, развернул Тину лицом к двери, задрал юбку, и задышал ещё чаще. Тина даже не пыталась вырываться. Страх, что этот человек может изломать её жизнь и жизнь Настуси оказался сильнее. Она не шевелилась, не издавала ни звука, только слёзы катились по щекам и падали.

— Что ж ты такая неживая, — недовольно проговорил Мрозовский, тиская её грудь. — Кшыся?! Ну, не молчи...

На мгновение Христина подняла веки и на Мрозовского глянули испуганные голубые глаза. Христина смотрела, как больная олениха, сверкая белками глаз.

Мрозовский оттащил её к столу, положил спиной на ткань в лиловый цветочек. Он заглянул в лицо Христине и остановился. Потом наклонился и крепко поцеловал в губы.

— Не нравится? — Мрозовский начинал злиться. Такого с ним ещё не случалось, чтоб на его ухаживания так холодно отвечали, даже, можно сказать, никак не отвечали.

Мрозовский считал себя достойным ухажёром и желанным для многих, а тут такой конфуз.

— Вы, пан Мрозовский, получаете то, что хотите, а я не смею возражать. Я хорошо понимаю,

что мне грозит, если откажу вам сейчас, — тихо сквозь слёзы сказала Христина и отвернулась. — Вы уже вполне объяснили, чем будет грозить мне упрямство.

— Вот дура! — чертыхнулся Мрозовский и отстранился.

Интерес у него теперь пропал совсем. Хоть бы она сопротивлялась и стонала от удовольствия, а так лежит, как бревно, и почти не дышит. Мрозовскому требовался стимул для любовных утех. Чтобы заводил и держал от начала и до конца в возбуждённом состоянии.

Мрозовский застегнул брюки, поправил одежду и сел на стул.

— Где ваш муж?

Тина беззвучно плакала, подтягивая чулки в присутствии чужого мужчины, и плохо соображала, что от неё сейчас требуется. Наконец, отряхнув юбку, она убрала растрепавшиеся волосы и вытерла слёзы.

— Я повторю свой вопрос. Где ваш муж? Пани Германова, я бы рекомендовал вам отвечать скорее, чтобы не оказаться в подвалах, где с вами не будут столь же любезны, как и я.

Мрозовский абсолютно не усматривал в своих действиях чего-либо предосудительного, напротив, он даже искренне считал, что желаемые им дамочки сами хотят его интереса, только стесняются сказать

об этом вслух по причине излишней скромности и пуританского воспитания. До сих пор у него не случилось подобных казусов, ибо все без исключения отвечали взаимностью на притязания Мрозовского, а задумываться, почему они так поступают было некогда.

— Мой муж похоронен на городском кладбище около года назад, — тихо ответила Тина.

— Хватит врать! — крикнул Мрозовский и хлопнул ладонью по столу. Тина вздрогнула, прикрыла глаза и снова беззвучно заплакала. Мрозовский взял себя в руки и сказал намного тише: — Пани Германова, я отлично знаю, что тела вашего мужа в гробу нету и не было. Что вы знаете обо всём этом?

Тина переступила с ноги на ногу и глубоко вздохнула.

— Я вам, пан, Мрозовский врать не буду. Я не знаю, где мой муж. Он мне приказал его похоронить. А если не выполню, то сказал, что прибьёт. Вот и всё.

— А как вам это удалось? Кто-то же должен был подтвердить его смерть.

— К нам доктор приходил. Он и раньше часто приходил, шептались они с мужем. Здесь, в каморке. Меня выставляли за дверь и разговоры говорили. Так вот этот доктор и подтвердил смерть. Он всё и устроил. Похороны оплатил тоже он, —

Тина договорила и тяжело села на пустующий стул возле швейной машинки. — Если я виноватая в чём, так вы так и скажите, а сама я своей вины не вижу. Нету мужа и ладно. Одни беды от него были.

Мрозовский сделал пометки в блокноте и теперь задумчиво грыз карандаш.

— А как звали этого доктора?

— Пан Зеленский, кажется. Виктор Зеленский. Богатый такой, одежда на нём очень дорогая. На автомобиле всегда приезжал, но прятал его за два квартала.

— А откуда ж вы знали, что на автомобиле, если он его прятал?

— Так ребятня всегда кричала, бежала за ним следом, чтоб прокатил на «Лягушёнке». Автомобиль у него, знаете, зелёный такой. Немецкий автомобиль, я названия не знаю. Ну и как не знать? Город наш маленький. Все знают, у кого личное авто имеется.

— А сейчас значит, не знаете, где может находиться ваш муж? И что за дела у него с этим паном Зеленским были, тоже не знаете? — спросил Мрозовский. Он уже понял, что совершенно без толку дальше опрашивать пани Христину. Ответить на вопрос, что связывало шулера и уважаемого доктора, она всё равно не сможет.

— Не знаю. Если б знала... — устало отмахнулась Тина и резко добавила: — А вот что

было б, если бы знала, где он? Это как посмотреть... Как бы он себя повел. Может, и сама прибежала бы в Управу, чтоб избавили от такого подарочка. Хотя, что у вас просить, только враньё одно. Надоело всё...

Мрозовский не любил женских слёз, а уж истерики и вовсе не переносил. Судя по всему, Христина собиралась устроить истерику в лучших женских традициях. Не желая разбираться в причинах и вытирать слёзы, Мрозовский пообещал достать бумагу об опекунстве, быстро раскланялся и ушёл.

Теперь следовало посетить пани Зеленскую, хотя этого Мрозовский желал менее всего. Даже одна мысль о том, что общение с нею неизбежно, повергала в глубокое уныние. Мрозовский одиноко шёл по улице, спешить было некуда, да и зной, вдруг навалившийся на город, не способствовал быстрой прогулке. Город словно вымер. «Время обеденное, теперь еще часа два никого не встретишь», — думал Мрозовский.

Решив, что бродить по раскалённым улицам не самая лучшая идея, он направился к пани Пашкевич. Холодный кофе с мороженым было бы сейчас как нельзя кстати.

* * *

В кондитерской, как обычно, пахло шоколадом, ванилью и кофе. Мрозовский даже подумал, что кофе здесь пропахло всё. Он, безусловно, с большим удовольствием съел бы сейчас кусок жареного мяса, а ещё лучше жареную курочку, но в кондитерской ничего такого не подавали, а, значит, придётся довольствоваться тем, что подадут.

— Доброго дня, пан Эдвард! — сладко пропела пани Марьяна. Воздух вокруг неё заколыхался, и Мрозовского обдало запахами ванили и корицы.

— Добрый день, — сказал Мрозовский, томно закатив глаза, и кивнул подбородком. — Где пани позволит присесть?

— Для вас, пан Эдвард, лучшее место у окна, — сказала пани Марьяна и указала на маленький столик возле тяжелой портьеры. — Что желаете?

— Вы знаете все мои желания, но сегодня они особенно просты и даже примитивны — хотелось бы перекусить. Знаю, что обед у вас не подают, но рассчитываю на ваш вкус. А кофе можно сразу. С мороженым, — сказал Мрозовский и поцеловал руку пани Марьяны.

— Ах, ну что вы! — зашептала она, поджимая пухлые щечки и бросая встревоженные взгляды по сторонам. В кондитерской кроме них двоих не было

никого, разве что помощница в кухне, но она в зал не выходила никогда. — Присядьте, я скоро всё принесу.

Мрозовский взял свежую газету и уселся ждать. Стулья в кондитерской были отменные — старой работы, австрийские. В народе их ещё называли — венскими. На таком стуле можно было подолгу пить кофе из маленькой чашечки, читать новости и наслаждаться. Сегодня кофе был не в чашечке, а в высоком стакане синего стекла. Холодный и с мороженым. Пани Марьяна незаметно поставила стакан на стол и так же незаметно ушла. Через некоторое время она вернулась и накрыла столик для Мрозовского. На белую крахмальную скатерть стала корзинка со свежим хлебом и блюдо с нарезанным сыром, конской колбасой, кусочком сливочного масла и свежей зеленью. Рядом пани Марьяна поставила тарелку с шоколадным тортом.

— Прошу вас. Всё свежее, покупала на рынке с утра, — кондитерша явно смущалась. — Вот торт попробуйте. Рецепт недавно получила. Старинный венский рецепт. Захер-торт называется. Смачного!

Довольная, она пошла любоваться Мрозовским и строить глазки из-за прилавка.

Пан Эдвард быстро съел предложенный пани Пашкевич обед и принялся за торт. Кондитерша снова незаметно возникла возле стола с чашкой

горячего кофе и молочником. Она тихо поставила всё на столик, убрала пустые тарелки и так же незаметно исчезла.

Пан Эдвард ел горько-сладкий торт с абрикосовым джемом. Он отламывал коричневые куски бисквита, пропитанные шоколадной глазурью и перемазанные абрикосовым джемом, и направлял их в рот. Потом отпивал кофе маленькими глоточками, закрывал глаза и медленно жевал. Конечно же, пан Эдвард был эстет. Он мечтал, что когда-нибудь он заведёт себе жену, которая так же незаметно будет ставить на стол всякие вкусности и так же незаметно исчезать, чтобы в нужный момент подать обжигающий ароматный кофе, сваренный по всем правилам, и снова исчезнуть. Желательно при этом иметь приличное приданное, добрый и кроткий нрав, немного говорить и не чахнуть от тоски. Но чем больше он жил на этом свете, тем больше убеждался, что такая жена — это миф, фантазия эстетствующего холостяка и вообще невозможное само по себе явление. Подумав, что всё это полнейшая чушь и мысли такие мешают пищеварению, пан Эдвард отрыгнул, вздохнул и принялся снова читать новости в газете. В газете, на последней странице, был размещен некролог о смерти пана Зеленского, на похороны приглашались близкие и родственники. Прощание

состоится в доме покойного.

— А вот и предлог, — грустно проговорил вслух Мрозовский. — Придётся мне вас посетить, пани Зеленская.

— Вы что-то хотели ещё? — любезно спросила пани Марьяна из-за прилавка.

— Нет, это я сам с собою... Дела, знаете ли, погоды жаркие — начинаешь уставать и забываться, — Мрозовский грустно улыбнулся и снова задумался о предстоящем разговоре с пани Зеленской.

* * *

Зеленские жили в старинном доме, с замысловатой лепниной по карнизу и херувимчиками над входом в арку. Дому было лет двести, и семейство поселилось примерно так же давно. Все войны и перемены власти их миновали — врачей почему-то не трогали, а может быть, не трогали по иной причине: в доме жили те, кто стоял за переменами.

Пани Зеленская из дома не выходила. Она выкатывала кресло на большой балкон и оттуда смотрела в маленький театральный бинокль. И не куда-нибудь, а на Синагогу, которая несколько лет тому назад горела, и семейство пани Зеленской решило выделить средства на реконструкцию. Пани

Зеленская теперь любовалась ренессансным сооружением, денно и нощно памятуя о деньгах потраченных на архитектурный комплекс. Она даже считала эту синагогу своей собственностью, в известном смысле. Когда-то пани Зеленская любила бывать в ней по большим праздникам, любила ездить во Львов, чтобы посетить премьеры сезона в оперном театре. Но это было так давно...

Пятеро детей пани Зеленской, кроме младшей дочери, жили отдельно, но окружали мать заботой по мере сил, и сиделками по мере возможностей.

Во время последних родов у пани Зеленской что-то приключилось со спиной и ноги отказали ходить. Жизнь как-то сразу поменялась во всех смыслах. Пани Зеленская более не могла выполнять супружеский долг, и со временем в их отношениях с мужем наметился разрыв, переросший в ровные, но холодные соседские отношения. В доме всегда находилась прислуга, потому остаться одному получалось едва ли. Некогда Мрозовский бывал у Зеленских, теперь же не любил по двум причинам: пани Зеленская всегда выкатывалась к столу и жалостливо смотрела в глаза, а везде и всюду снующая прислуга ни на минуту не давала забыть о финансовом состоянии семейства. Собственно не так и много их было, но суетились изрядно.

Мрозовский подошел к тяжелой двери и

позвонил в звонок. Пока переливы гулко затихали в глубине огромной квартиры, он имел возможность оценить состояние своего костюма и туфель. Более всего его коробило то, что экономка Зеленских имела наряды куда более дорогие, чем мог себе позволить сам Мрозовский. Он разбирался в модах, потому считал, что она либо ворует, либо имеет связь на стороне и ворует. Но ворует вне всяких сомнений. Марта работала в доме давно. С гостями держалась важно и даже заносчиво, а прислугу муштровала, как солдат.

Наконец, дверь тяжело отворилась и на пороге возникла Марта. На ней было, поблёскивающее в полумраке, тёмное платье, лёгкие туфли на каблуке и маленькие, в полкарата, брильянтовые серёжки. Серёжки сверкали, но не так ярко, как бесцветные глаза Марты в окружении белёсых ресниц.

— Доброго дня, пани Марта!

— Доброго дня, пан Мрозовский! — сухо кивнула экономка и не отошла ни на сантиметр.

— Я б хотел повидать пани Зеленскую и проститься с паном Зеленским.

— Мадам Зеленская в трауре и не принимает гостей.

Мрозовский сдержал возмущение и попытался быть ещё более вежливым.

— Пани Марта, я прошу вас, доложить о моем приходе пани Зеленской. У меня есть, что ей

сказать. Поверьте, это важно! — на последнем слове Мрозовский сделал ударение и многозначительно потряс подбородком.

— Ждите, — ответила экономка и закрыла дверь перед носом Мрозовского.

Он терпеливо выждал около десяти минут, покуда Марта не открыла дверь и не сообщила:

— Мадам Зеленская ожидает вас в гостиной.

Мрозовский протиснулся мимо экономки, будто нечаянно прижавшись к высокой, почти девичьей, груди. Пани Марта вспыхнула, бледные щеки стали пунцовыми, но она промолчала. «Вот курва! — злорадно подумал Мрозовский, — Это тебе не хозяйское серебро из буфета воровать!»

В гостиной было темно как в шкафу. Посреди комнаты, возле камина, в огромном кресле на высоких тонких колёсах сидела маленькая пани Зеленская. Вопреки ожиданиям, Розочка Зеленская не расплылась от неподвижной жизни. Она сохранила и хрупкую фигуру, и здравый острый ум. Ко всем качествам можно добавить властный характер. Розочка держала в маленьких руках всё семейство, приняв по наследству традицию, по которой, в силу твёрдости характера, и её мама, и бабка держали своих мужей, что называется, под каблуком.

Несмотря на летний зной, в камине горела пара поленьев. В квартире Зеленских всегда было

как в старинном замке: прохладно и темно. Розочка протянула руку и тихо сказала:

— Я рада видеть тебя, Эдюня.

Металлический голос пани Зеленской ударил Мрозовского по ушам не хуже электрического разряда. Он наклонился к креслу, подхватил хрупкую руку и припал к ней губами.

— Роза, мне так жаль, так жаль...

— Хватит, Эдюня! — прервала его Роза. — Мне врать не нужно. В тебе всегда было мало жалости, бездушная работа в Управе высосала то, что осталось от этого чувства. Да, ты и кошку больную не пожалеешь, такой у тебя характер. Бедная твоя мама! Ей живётся хуже, чем кошке!

Роза заломила руки, приняв трагическую позу.

Знакомы они были давно. Ещё учитель музыки представлял их друг другу в перерыве между уроками.

— Розочка, познакомьтесь, — подобострастно говорил старый Фима, улыбаясь маленькой Розочке и одновременно отвешивая подзатыльник Эдварду. — Эдюня, мужчина должен целовать даме руку. И можешь верить старому Фиме, из Розочки получится настоящая дама.

Пятнадцатилетний Эдюня готов был и сам целовать пятилетней Розочке руки. Девочка происходила из древнего и богатого рода. С такой

семьёй следовало дружить. Эдик пытался ухаживать за Розой, но она выбрала долговязого и смешного Зеленского — подающего надежды доктора. Родители одобрили её выбор, когда все поняли, что из Эдика не получится достойный адвокат, а всего лишь сыщик из Управы. А потом юная Розочка отпила вино и разбила бокал. Гости танцевали на их свадьбе, танцевала и Розочка и не по годам смело смотрела на Зеленского, а родители его шептались, что их сын, кажется, попал в надёжные руки, что это явно признак породы, ибо такие руки у всего семейства Ашкенази.

Мрозовский смотрел на профиль пани Зеленской, на, прыгающие на бледной щеке, тени и всполохи.

— Прощание состоится завтра. Считаю, что ты приглашен.

Пани Зеленская протянула руку для поцелуя. Это означало, что аудиенция окончена и Мрозовскому следует выйти вон. За пять минут разговора Роза ни разу не взглянула на него, она смотрела на огонь в камине, не поворачивая головы.

На пороге гостиной возникла Марта.

— Подслушивала она что ли...

Мрозовский недовольно бурчал под нос, выходя в переднюю, когда из гостиной его

окликнули:

— Пан Эдвард!

— Вернитесь, — сказала Марта и стала перед Мрозовским.

— Бабые царство!.. — Мрозовский тихо выругался, но вернулся.

— Пани Зеленская, если вам есть что сказать в мой адрес, то милости прошу, а если вы сказали всё, что могли, то не морочьте мне мозги и позвольте откланяться.

— Эдюня, я имею тебе кое-что сказать и надеюсь, это останется между нами.

Пани Зеленская смотрела на камин, на гаснущие в нём уголья, которые теперь светились изнутри и отдавали жара гораздо больше, чем, когда полыхали.

— Я вас слушаю.

И пани Зеленская поведала занимательную историю, в которой место пана Зеленского угадывалось вполне. Но какое к этой истории имел отношение пан Мрозовский, оставалось непонятным.

История оказалась такой долгой, что пан Эдвард просил Марту принести чая. Экономка принесла большую чашку, над которой вился ароматный пар, вазочку с вареньем и специальную доску, которую пани Зеленская положила на колени и на ней стала раскладывать пасьянс.

— Теперь незачем скрывать. Гольдман однажды приехал поздно вечером, и они закрылись у Виктора в кабинете. Через пару часов Гольдман уехал, а Виктор пришел ко мне и всё рассказал. Он всегда мне всё рассказывал, чтобы получить совет. Так вот. Гольдман предложил ему заработать.

Я не скажу, что нам не хватало денег, но лишними деньги не бывают. Правильно, Эдюня? Суть заработка состояла в том, чтобы написать заключение о смерти, указывая, что усопший отошёл в мир иной самостоятельно и без чьей-либо помощи. Я не стала противиться такому способу заработать, справедливо полагая, что несчастные всё равно умрут, и не важно кто напишет в заключении о смерти, что умерли они сами. Гольдман заверял завещания покойников, а что не удавалось оформить как надо, оформляли последним желанием — все ценности и бумаги клали в банк, а ключик от сейфа на шею покойника вешали для сохранности. Потом требовалось лишь раскопать могилу и достать с шеи заветный ключик.

Помогал отойти в мир иной сам пан Зеленский, он подмешивал яд в питье и лекарства, болезненные постепенно болели всё больше и уходили совсем. После первого же заключения, Виктор попал на крючок и побоялся отказаться, а мне рассказал, что Гольдман стал его шантажировать и

принуждать продолжать прописывать отравленные лекарства, после того, как впервые совершил такой поступок.

Я, безусловно, попыталась принять меры и противилась такому положению вещей. В общем, я наняла человека, который под видом помощника Виктора, за определённую плату взялся добавлять яды. Около года тому назад человек этот вынужден был скрыться, он инсценировал смерть, а Виктор, конечно же, дал заключение о его смерти. Человек этот до последнего момента выдавал себя за доктора Зеленского перед теми, от кого требовалась скорая гибель. Вы не думайте, что они не понимали, что рискуют быть узванными. Разумеется, понимали. Потому я посоветовала Виктору надевать марлевую повязку, якобы он болен чем-то инфекционным и беспокоится о домочадцах.

Куклу, из-за которой были арестованы помощники Рафика Гольдмана, раскопали случайно, по ошибке и с пьяного глаза. Теперь человек, которого я наняла — неизвестно где, оба подручных в вашем подвале, а мой Виктор убит, — закончила историю пани Зеленская.

— Да, Розочка, я вас понял. Гольдман зачастил общаться с докторами, но не так уж сильно он болеет, как может показаться на первый взгляд, да? — подмигнул Мрозовский, отпивая уже

остывший чай. На самом деле, из всего сумбура, что пыталась поведать пани Зеленская, он не понял ничего. Видно было, что она очень рассчитывает на его помощь, но карты раскрывать не хочет, хотя и боится за свою жизнь. Мрозовский решил пойти иным путём и сделать вид, что он понял даже больше того, чем от него требовалось.

— Совершенно верно, Эдюня. Но стался открытым один вопрос, — медленно сказала пани Зеленская, раскладывая пасьянс. — Кто убил Зеленского? У самого Гольдмана для этого кишка тонка, а нанять кого-то для такого щепетильного дела... В этом, Эдюня, я сильно сомневаюсь. Для Гольдмана репутация дорогого стоит, и он над ней трясётся больше, чем папаша над целомудрием дочери. Так что, не мог он. Теперь вы понимаете, что так связывало Виктора Зеленского и Рафика Гольдмана? — спросила пани Зеленская, не глядя перекладывая карты. Она закончила рассказ и теперь нервно постукивала коротким ногтем по доске для пасьянса ожидая, какое воздействие эта история окажет на Мрозовского.

— А какие отношения связывали Гольдмана и Зеленского? — переспросил пан Эдвард, причмокивая и громко тарахтя чайной ложкой по опустевшей вазочке из-под земляничного варенья.

Пани Зеленская немного повернула голову и скривила губы.

— Да какие там отношения... Дела у них общие. Были.

Она покачала головой и положила последнюю карту — пасьянс сошелся.

Пан Эдвард дослушал историю и занервничал: гораздо лучше ничего не знать и спать спокойно, чем знать чужой секрет и не спать по ночам.

Мрозовский вышел из прохладного парадного в летнюю жару. Сорочка моментально облипла, и Мрозовский ослабил галстук.

— Интересная получилась ситуация. Если пани Зеленская говорит правду, если она не заблуждается, и так и есть на самом деле, то мы имеем хорошо спланированное множественное ограбление. Жалобу писать некому, ибо потерпевший выехал на три метра вглубь земли, а наследники имеют свою долю по завещанию. Экие молодцы! — Мрозовский цокнул языком и тут же прикрыл рот ладонью. Он и не заметил, что шёл по улице и говорил сам с собой.

Изнутри у него всё трепетало! Это же надо такое дело в руки пришло! А он дурак ещё отказаться хотел. Правильно говорил покойный папаша: «Всему своё время!» Вот его время пришло — Мрозовского. Он теперь прогремит! Все газеты напечатают, как он ловко это дело раскрыл! Мрозовский видел своё имя на первых страницах

газет, и всё его естество трепетало, хотело кричать о невиданной удаче, хотело гордо сообщить всем и каждому, что вот он — пан Эдвард Мрозовский! Успешный человек и знаменитый сыщик. И пусть молчат те, кто подумают, что на всё воля случая. Ведь к случаю этому надо было ещё прийти, надо было, чтоб так по жизни складывались обстоятельства, что иного случая и не могло бы представиться. Об одном сожалел Мрозовский, что так необдуманно отпустил Веню, и теперь одним пойманным подозреваемым меньше стало. «Пасечник этот ещё ни слова по существу не сказал, а вот Веня был разговорчив и молод, потому мог бы многое рассказать об этом деле. А ведь Пасечник совершенно без сердца! Ему говорят, что дочку в приют не отдали, что пропала девчонка, а он никакого беспокойства не показывает, словно и не его это дитя. На всё, говорит, воля Божья. Тьфу ты! Говорят ему, что могла попасть в чьи-то грязные лапы, что нам теперь не до её поисков, поскольку он сам же и не хочет помочь правосудию. Вот ведь бессовестный человек, а ещё о Боге говорит!» — размышлял Мрозовский по пути в Управу.

* * *

Небесная глубина скрывалась за облаками,

что белоснежными бесформенными кучами плыли по ядрёно-синему небу. Ближе к горизонту всё это великолепиие сливалось, как на картине, и размывалось оттенками бирюзового, исчезая в пышных буковых кронах и среди недвижных верхушек елей.

Мрозовский стоял у могилы Виктора Зеленского с откровенно скучающим видом. Единственное, чего он себе не позволял — зевнуть.

Отказать Розочке Зеленской он не мог, потому стоял теперь на кладбище, вдыхал тяжелый влажный воздух, потел и злился на свою мягкотелость. Не всё было так плохо. Безусловно, он мог узнать что-либо важное во время похорон. Случайно подслушать или подсмотреть. Но интуиция подсказывала Мрозовскому, что это не те похороны, где могут ляпнуть что-то лишнее. Некоторые гости живую пани Розу Зеленскую боялись больше, чем покойника. Хотя сама Роза на кладбище отсутствовала — она сидела дома в своём огромном кресле на высоких колёсах и ждала всех на обед. Для этого случая Мрозовский заблаговременно приготовил записку о том, что его немедленно вызывают в Управу, и он вынужден откланяться.

Народ на кладбище собрался всё больше незнакомый: кое-кто скучал и ждал, когда могилу

закидают и всех пригласят к столу поесть и выпить, кое-кто плакал, громко сожалея о безвременной кончине доброго доктора. «Знали бы вы его доброту, — кривился Мрозовский и неловко шевелил лопатками, пытаясь отлепить рубашку от спины. — Вам повезло, что у вас денег немного, а то бы и к вам пришел добрый доктор Зеленский с флакончиком яда вместо пилюли».

Большая часть гостей была из той части бедных родственников Зеленских, которых при обычных условиях в доме не жаловали. Теперь их всех намеревались впустить, но предварительно пани Роза приказала экономке навести в доме порядок.

— Марта, всё, что хотя бы немного ценное и легко можно вынести — спрячь в чулан.

— Стол сервировать, чем прикажете? Серебром и тем белым сервизом, что для торжеств?

— Ни в коем случае! — замахала руками Зеленская. — Серебро потом достанешь, когда эти попрошайки разойдутся, к вечеру. А им и оловянные ложки подойдут. Всё одно сопрут. Там же в чулане есть тарелки, что мой отец приказывал выносить тогда... Ну, ты помнишь!

Отец Розы всегда жаловал беднякам угощение в Хануку. Он чтил традиции, потому щедро угощал латкес — картофельными оладьями — всех

желающих, а детям раздавали мелкие деньги каждый день, в течение всего праздника.

— А что делать с едой, что гости принесут с собой?

— С собой?! — Зеленская громко захохотала. — Увидишь, Марта, они наплюют на обычай и ничего не принесут. А зачем? Здесь поедят и ещё по карманам рассуют.

Пани Зеленская резко развернула кресло, и высокие колёса замелькали тонкими спицами, жалобно поскрипывая в глубине коридора. Марта подумала, что пани Роза не похожа на скорбящую жену, и что нужно будет немного порвать на ней платье, чтобы никто потом не говорил, что в этом доме не чтят традиции.

Толпа гостей тихо бурлила, переговариваясь и шурша обувью по полу. Марта заученно улыбалась, с тоской взирая на грязь, что оставалась на старинном дубовом паркете.

— Проходите, пожалуйста. Прошу, проходите, — она регулировала движение, направляя всех в гостиную. В коридоре, у уборной, стоял хлопчик, одетый как вся обслуга: в чёрный передник и белоснежную манишку, чтобы подвыпившие гости не начали думать, что они у себя дома. Марта считала, что всё предусмотрела и пани Роза останется довольна.

Гости в ответ молча кивали, не здороваясь и не заговаривая с домашними. У окна, на этажерке, горела лампада — поминальная свеча. Фитиль утопал в оливковом масле и, мягко подрагивая, рассеивал свой свет в чаше.

К большому столу в гостиной приставили парочку поменьше, всё прикрыли белыми скатертями. На столах плотными рядами теснились плоски с вареной чечевицей, блюда с яйцами вкрутую и круглыми булками хлеба.

От кладбища Мрозовский пришёл вместе со всеми, молча поглядывая по сторонам и присматриваясь к лицам. Что-то беспокоило его. Что-то безотчетное, интуитивное, какой-то живчик, сидящий внутри и не дающий покоя. Он нащупывал в кармане записку для Розочки, и принятое накануне решение не идти на прощальную трапезу потеряло очертания, стало расплываться и исчезать. Мрозовский встряхнулся, вытащил из кармана записку, перечитал её ещё раз и направился следом за высоким паном в шляпе с очень широкими полями. Ещё на кладбище этот пан показался странным: невнятно бормотал слова молитвы, чуть было не забыл омыть руки, а потом не понял слова ребе, предложившего ему бросить на могилу камень и попросить прощения у покойного. Хотя Мрозовский и старался заглянуть в лицо, но его

никак не получалось рассмотреть, и вообще он вёл себя довольно глупо.

В конце концов, Мрозовский, подойдя к дому Зеленских, решился и шагнул в прохладу парадного.

Марта, увидев пана Эдварда, скривила губы в подобии вежливой улыбки и дёрнула белёсой бровью, тщательно подведённой чёрным карандашом.

— Проходите в гостиную, пан Мрозовский, — немного хрипло проговорила она.

— Я ненадолго, пани Марта, — сказал Мрозовский и смущённо пожал плечами.

Через некоторое время, поковыряв в чечевице и съев шмат хлеба, он обнаружил, что того господина, что был в шляпе с широкими полями, в комнате с гостями нет. Мрозовский протиснулся к выходу, предполагая неприятную беседу с экономкой, но её тоже не было видно.

У выломанной двери в уборную Мрозовский обнаружил всех, кого искал. Из полумрака коридора выступали высокие колёса кресла пани Розы. На подлокотниках белели тонкие пальцы, по обыкновению нервно постукивающие по отполированному дереву. Он заглянул внутрь и увидел хлопчика, которого приставили караулить гостей. Тот лежал в тёмно-красной луже,

запрокинув голову назад, и показывал распахнутую кровавую щель в горле, похожую на широкий, беззубый, смеющийся рот. Глаза убитого смотрели удивлённо, или даже растерянно. Белоснежная манишка покрылась, успевшими потемнеть и обветриться, пятнами и была безнадёжно испорчена. Пани Марта стояла здесь же: бледная, она держалась одной рукой за горло, а второй сжимала ручку двери. Не заметные раньше веснушки на лбу у пани Марты, проступили россыпью тёмных пятнышек на белой коже. Мрозовский достал из кармана платок и брезгливо закрыл им нос — в уборной сильно воняло.

Очень скоро ребе получил от пани Розы щедрую помощь для синагоги, выпроводил гостей и удалился сам. Сама пани Роза держалась достойно, не выказывая никаких эмоций. Она потребовала срочно вынести труп из дома и велела Марте проверить всё ли цело, и нет ли взломанных замков.

Мрозовский, дожидаясь телегу из мертвецкой, имел время на раздумья о бренности бытия. Думалось ему, что неисповедимы пути господни. Ведь не мог заранее мальчишка знать, чем для него обернётся работа на поминках в доме у Зеленских? И вот имеем: из одних похорон выплыли другие. А для Зеленской на руку только, что мальчишка там оказался. Если убили, значит, помешал, а если

помешал, значит, не смогли ничего вытащить. Или почти ничего...

За этими мыслями и застал его помощник Кулика из городского morga.

— Прикажете сейчас забирать или ещё обследовать хотите? — спросил помощник.

На Мрозовского смотрела пара нетрезвых остекленевших глаз, в которых жизни было не более чем в глазах убитого.

— Забирайте, — махнул рукой Мрозовский и вышел из квартиры Зеленских, не прощаясь.

* * *

На утреннем небе не виднелось ни облака, солнце жарило пожухлую траву у обочин и раскаляло брусчатку.

Подул ветер, и горячий воздух задрожал зыбким маревом над дорогой. Рузя выглянула в окно, оглянулась, зевнув, на смятую постель, на спящего Яна.

— Засуха надоела, хоть бы дождик пошел, — грустно сказала Рузя.

Ян неожиданно обхватил её за талию, повалил на постель и прижал всем телом.

— Зачем тебе дождь? Быстро сознавайся!

Рузя расхохоталась в лицо, а он накрыл её рот поцелуем. Рузя млела от поцелуев, которыми её

осыпал Ян, и мечтала, что когда-нибудь он останется с ней навсегда и сделает её счастливой. Например, подарит колечко и предложит руку и сердце. Рузя наивно думала, что эта любовь не закончится никогда и представляла себя в окружении детишек и рядом заботливого мужа.

— Ты почему не спишь? — спросила она, вырвавшись из его крепких рук.

— Так утро уже, — улыбнулся Ян и сдул белое пёрышко, налипшее на верхнюю губу. — Мне на службу пора. А ты чем заниматься весь день будешь?

— В лавку пойду, — задумчиво ответила Рузя, соображая, чем бы сейчас позавтракать. — Сейчас кофе сварю, а ты пока умоешься. У нас вчерашняя колбаса осталась и хлеба кусочек. Он, наверное, засох, размочить придётся.

Пропустив мимо ушей рассуждения о хлебе насущном, Ян начал тормошить Рузю по другим вопросам.

— Лавка твоя пустует за зря. Надо бы что-то в ней продавать. Что скажешь? — он задал вопрос и заглянул в глаза в ожидании ответа.

Рузя удивлено вскинула брови, но спорить не стала.

— Я об этом пока не думала, — ответила она, и на самом деле впервые задумалась о том, что же у её кавалериста, кроме жалования, за душой.

Получалось, что он был беден, как церковная мышь.

Рузя подумала, что любовь любовью, но на одном его жаловании они далеко не уедут. Она смотрела на своего кавалериста: он пьёт горячий кофе — смешно морща нос, как его кобыла; жадно намазывает хлеб маслом и выхватывает большие куски колбасы; жадно жуёт, не глядя на Рузю; беспомощно оглядывается, не находя больше еды.

— Рузюнца, а у нас больше нет ничего? А отрежь ещё колбаски?

В любви он жадным не был. Никогда не просил добавки. Рузя молча подала на стол то, что оставила себе на завтрак и пошла собираться.

— Янэк, а тебя в казарме покормят? Что вам там дают? — крикнула она из спальни.

— Хочешь к нам? — засмеялся Ян. — Меня там сейчас каша с салом ждёт. Я как раз к завтраку успеваю.

Рузя тихо сплюнула сквозь зубы и вспомнила о Вене: «Где он сейчас, Венечка мой?» Рузя думала, что так глупо потратила три недели на роман с этим конюхом.

— Тебе бы только с кобылами романы крутить, — зло проговорила она.

— Рузюнца, что ты говоришь? — крикнул из кухни Ян.

— Ничего, слышалось тебе, — ответила

Рузя. Вздохнула и приняла решение.

Рыночная площадь шумела людьми.

Рузя с трудом открыла заржавевший замок и вошла в лавку.

— Смазать тебя надо. Что-то быстро ты заржавел...

В полумраке помещения угадывались очертания прилавка, пустующих полок, заросших паутиной, и засохшего фикуса у окна. Воздух был немного затхлый, пахло мышами и пылью. Рузя чихнула, раскрыла настежь оба окна и осмотрелась вокруг. Она переоделась, достала из-за прилавка ведро и пошла к бювету за водой.

Рузя поставила в найденный здесь же в высокий стакан букетик цветов, сорванных по дороге, и принялась за уборку. Любопытные заглядывали в окна, а она улыбалась, махала приветственно рукой и с остервенением тёрла прилавок. Дерево впитало в себя влагу и от жары стало отдавать своё тепло. Терпкий запах сосны щекотал ноздри и будоражил Рузины помыслы.

— Эй, хозяйка, как жизнь? Что делать собираешься? — в окно заглянул рыночный сборщик налогов — тщедушный, низенького росточка и очень жадный до денег человек. Он с любопытством осмотрел помещение, задержав взгляд на белом Рузином бедре, что выглядывало

из-под заткнутой за пояс юбки.

Рузя бесстыдно поставила на табурет эту самую ногу, обтёрла мокрые ладони о передник и, заглянув в глаза сборщику, ответила:

— Доброго утра! Кавалера себе нового ищу. Пан Ойербах, не желаете попытать счастья? Смотрины у меня будут. Но вы мужчина видный, вам и удачу в руки, — Рузя прогнулась, как кошка, показала пышную грудь и продолжила смеяться над сборщиком.

— Вы, пани Рузя, голову мне не дурите, — нахохлился сборщик. — Если моя Малка услышит, то попадёт и мне, и вам тоже. Он добрая женщина, но глупостей таких понимать не желает. А я к вам с вопросом, чтобы сбор рассчитать.

О пане Ойербахе и его доброй Малке по рынку ходили анекдоты. Все, кроме самого пана Ойербаха, знали, что Малка бегаёт к мяснику не за телятиной, так как она у него не кошерная, а бегаёт совсем за другим. Но самого пана Ойербаха добрая Малка не раз гоняла через рынок за одни только подозрения, вот и боится уважаемый человек шутки шутить.

— Прошу пана простить, за ради Бога! И в мыслях не имела, — Рузя снова прогнулась, словно кланяясь, смутила пана Ойербаха и захихикала. — Чулками дамскими торговать хочу и прочей деликатной мелочью.

Сборщик поджал губы, кивнул на прощанье и поспешил от игривой лавочки.

— Доброго утра, Рузюнца! А я иду мимо, смотрю, у тебя открыто всё, — голос Зельды так неожиданно прозвучал, что Рузя едва не свалилась с подоконника на пол. — Окна вымыть решила? Молодец какая. А мне за спасибо вымоешь?

Зельда потешалась над подругой, глядя на неё снизу вверх и прижимая к груди ридикюль.

— А ты как не на рынок пришла, — съязвила Рузя, рассматривая Зельду и не скрывая досады по поводу красивого платья, что на ней было надето. — Я уже подумала, где я? Может в театре или в ресторации? А в ридикюль ты картошку положишь? Или чеснок? Ах, да... Ты пришла купить курицу! Для того такая нарядная.

Зельда молча улыбалась и совершенно не показывала, как ей неприятны слова Рузи, которые, между прочим, сейчас слушали все, кто были по соседству.

— Можно я зайду? Или ты таки предпочитаешь орать сверху вниз? — спокойно спросила Зельда.

Рузя как-то резко запнулась, покраснела и, опустив голову, слезла со стула.

— Заходи уже. Нечего всем глаза мозолить.

Когда окна были прикрыты, а входная дверь закрыта на щеколду, Зельда спросила:

— Что у тебя случилось? Ты сама не своя.

— Я никогда не отличалась хорошим воспитанием. Ты же знаешь, — фыркнула Рузя.

— Знаю, но должна же быть причина, по которой ты орала, как публичная девка, задрав юбку чуть не на голову. Рассказывай уже.

Рузя замаялась немного, но потом поведала подружке о своих планах открыть лавку, о том, что не так уж хорошо ей с кавалеристом. Непокойно с ним. Рассказала Рузя и о том, что мечтает вернуть Веню, или узнать, где он, да самой к нему выехать.

— Хорошо, что ты о нём сама заговорила, — сказала Зельда. Она пожала плечами, как от холода, и продолжила. — Есть у меня новость для тебя. Только не хочу здесь её говорить, идём в кондитерскую — там в это время ни души, да и день будний.

— Одетя я не для променада. Не собиралась никуда, — стала отказываться Рузя, чувствуя, что новость не самая приятная.

— Возьми, — Зельда положила на прилавок старинную брошь. — Знаю, что нравится она тебе давно, поэтому взяла, чтоб ты её к блузке пристегнула. — Рузя схватила украшение и примерила на грудь, Зельда тут же уточнила: — Это — не подарок, это только один раз поносить.

— Конечно-конечно! Я ж не глупая, я всё понимаю. Ты не волнуйся, не потеряю. Сейчас

переоденусь, одну минутку.

Через пару минут запыхавшаяся Рузя стояла как при параде и придерживала рукой тяжёлую брошь, поскольку та тянула за собой тонкую ткань.

— Готова? Ну, идём, королева, — улыбнулась Зельда.

* * *

За столиком в кондитерской Рузя вертелась, как ребёнок, пытаюсь рассмотреть влюблённую парочку в тёмном углу и детали интерьера.

— А здесь мило. Да? — Она наконец повернулась к Зельде, при этом пытаюсь изобразить некую таинственную даму, что прибыла в Жолкев из Львова или вообще из Варшавы. Выглядело это довольно занимательно и Зельда с трудом сдерживала улыбку.

— *Vonne journée, Madame Zelda!* Чего изволите? — Хозяйка кондитерской стояла перед столиком, слегка склонив голову. Она явно была рада своим гостям. Да что там рада, она была счастлива и в её глазах можно было легко заметить обожание к парижскому образу мадам Зельды.

Зельда изобразила грустную улыбку и томно улыбнувшись, словно бы на французский манер, произнесла:

— Пани Марьяна, попрошу принести мне и

моей спутнице круассаны с шоколадом и две чашечки кофе.

Зельда мастерски грассировала, и ей это было не сложно, поскольку сама она от рождения слегка картавила, как и другие её родственники.

Пани Марьяна так обрадовалась, не иначе Зельда заказала у неё всю свежую выпечку и даже ту, что осталась с прошлых выходных. На самом деле пани Марьяна радовалась по другому поводу: Зельда всегда указывала ей, когда выпечка удавалась, а пани Марьяна стремилась соответствовать или хотя бы немного походить на знаменитые парижские кондитерские. Мадам Зельда была её единственным дегустатором, способным по достоинству оценить старания и умения.

— Mon cher, они сегодня просто восхитительны! — сказала Зельда, толком не успев прожевать первый кусочек.

Кондитерша расплылась в довольной улыбке и скрылась за прилавком.

— Зеля, ну рассказывай, зачем ты меня сюда пригласила? — Рузя уплетала сдобу и наконец-то позабыла разглядывать влюблённую парочку. — А здорово ты с ней! Кондитерша-то верит, что ты умеешь на французском.

— Рузя, а ты думала, что я не умею? — улыбнулась Зельда. — Я четыре года прожила в

Париже. Так и на каком языке там говорят, ты не знаешь? Рузя, я тебе скажу, французы говорят только на французском. Они такие, что даже если понимают вопрос, то ответят всё равно по своему, по-французски. И хочешь или не хочешь, а выучишь. Тамошние белошвейки учат шить не на польском, а у них таки есть чему поучиться.

Рузя доела, выпила кофе и теперь внимательно смотрела на Зельду. Быть того не могло, чтоб Зельда заплатила за такое угощение и не поимела с того выгоды.

— Значит, ты готова слушать? — спросила Зельда, отпивая глоточек кофе.

— Я давно готова. А что там за тайна, что прежде чем её рассказать, нужно накормить? — язвила Рузя, начиная злиться от того, что ей морочат голову.

— Нет никакой тайны, — ответила Зельда, сделала небольшую паузу и добавила:

— Твой Веня не уехал.

Зельда тут же молча уставилась в окно. Рузя моргнула, посмотрела кругом себя, а потом схватила Зельду за руку.

— Где ты его видела?! Он тебе что-то сказал? — Рузя трясла Зельду и заглядывала ей в глаза.

— В морге твой Веня. Был в морге, — тихо сказала Зельда, не пытаясь освободить руку. —

Теперь его, пожалуй, захоронили. И тише ты, не на рынке...

— Быть такого не может... Зачем в морге?... Я его на вокзал проводила, — Рузя побледнела и тихо повторила вопрос. — Зачем в морге?...

— В морге затем, что убили его, а то, что на вокзал,... так не доехал он до вокзала, — ответила Зельда и сделала жест кондитерше. — Пани Марьяна, мы хотим заплатить и идти. А мне с собой то, что посвежее упакуйте. Как обычно.

Рузя молча смотрела себе на руки, а Зельда отвернулась к окну, чтобы избежать сейчас её глаз и ненужных вопросов.

— Я как узнала, хотела сказать, но у тебя роман с кавалеристом случился. Как там его? Ян, кажется? Ты счастливая ходила. Ну как я могла такую новость тебе рассказать?

— Узнай, где его похоронили. Я проведать пойду, — сказала Рузя.

Зельда молча кивнула и тут же скривилась.

— Смотри-ка кто идёт, — сказала она, не отрывая взгляда от того, кто шёл сейчас через улицу и цокнула языком.

К кондитерской приближался важный господин средних лет. Он ещё не был стар, хотя седина проглядывалась в его кудрявых волосах, он не был красив, что в полной мере компенсировалось уверенностью в себе, манерами

и положением известного нотариуса. Невысокого роста, худощавый, но не тощий. Костюм на нём сидел отлично. Этот господин обычно говорил тихо, но притом слышно его было всегда хорошо. Его пожелания звучали, как приказы, благо говорил он немного. В дверях стоял Рафик Гольдман.

Гольдман вальяжно подошел к столику, кивнул Рузе и поцеловал руку Зельде.

— *Madame Zelda...* — Гольдман на мгновение замер, склонившись, а потом зыркнул Зельде в лицо.

Рузя без стеснения рассматривала Гольдмана, как диковинный экземпляр театра-паноптикума, который выставляли на прошлогодней ярмарке. Похож он был на человека-стрекозу. Не так, чтобы совсем походил, но Рузя сходство нашла — глаза у Гольдмана были слегка навывкате. Ещё он плавно передвигался и был грациозен, как балерина. Таких галантных кавалеров Рузя не видела никогда. От Гольдмана тонко пахло дорогими духами, а от неё только мылом, и то было в ведре с водой, которой она сегодня мыла в лавке. Но Рузя была молода, строптива и без предрассудков о классовости общества. В Гольдмане она увидела мужчину, который может стать ей интересен, всё прочее её не волновало.

— *Vonne journée, mon cher!* — томно сказала Зельда, нарочно растягивая слова. — Пан Гольдман,

позвольте вам представить мою приятельницу — пани Рузю.

Рузя бойко протянула ручку для поцелуя, но была очень разочарована — Гольдман на дружеский манер пожал руку и сдержанно улыбнулся, показав крупные желтоватые зубы. Рузя тоже улыбнулась, сверкнув двумя рядами белоснежных ровненьких зубов. Обмен любезностями закончился, и пока Зельда щебетала с Гольдманом по-французски, Рузя могла посидеть и подумать.

Веню вернуть нельзя. Страшная новость потрясла, но не выбила так, чтоб до потери сознания. Рузя была стойкой к жизненным перипетиям. И пусть с Веней её связывали долгие годы знакомства, общие трудности и совместные делишки, она уже взяла себя в руки и думала о том, как теперь будет жить, зная, что на одного надёжного человека стало меньше.

Из разговора Зельды и Гольдмана Рузя не понимала ровным счетом ничего. Только одно слово показалось ей знакомым. Она прислушалась, равнодушно глядя в окно, и застыла: обсуждали какого-то Виктора. Похоже, что от неё, от Рузи, хотели скрыть суть беседы, потому и говорят по-французски. «А, может, это они моего покойного котика обсуждают? Тогда зачем скрывать? Зеленский был мне вроде как и не чужой.

Тогда о ком это они...» — подумала Рузя и тут же, сквозь иностранную речь, услышала фамилию. Германов.

Рузя отвернулась от окна и делано-равнодушно уставилась на ногти. Она размышляла, как сейчас поступить. «Лучше всего ничего не предпринимать. И с открытием лавки хорошо бы повременить. Неизвестно, как оно всё обернётся, если уж у подруги от меня тайны имеются, то моя жизнь никому не нужна». Собрав в кулачок все свои женские таланты Рузя поймала взгляд Гольдмана и так на него посмотрела, что бледные щеки вдовца порозовели и он закашлялся. Рузя сейчас же принялась суетиться рядом с ним, постукивать по спине и всячески проявлять беспокойство, несколько раз словно невзначай задевая Гольдмана пышной грудью.

Рузя не была наивной глупышкой, понимала она, что пока в самом соку, то и можно из мужчин веревки вить, покуда они на молодость и на упругие бока клюют. По праздникам Рузя ходила в храм, исповедаться. О грехах всего не рассказывала, чтоб батюшку не смущать, всё больше об отпущении просила.

Рафик Гольдман, как школяр, заёрзал на венском стуле под натиском Рузиного обаяния. Он изредка посматривал на неё так пристально, что Рузя начинала часто-часто дышать, а её и без того

ровная спина натягивалась струной. Как-то по-иному Рузя для Рафика открылась — такая беззащитная и милая. Он скользнул взглядом по её лицу и остановился на брошке, что так настойчиво оттягивала тонкую ткань блузки, обнажая белую грудь. Ему вдруг до озноба захотелось сделать ей какой-то подарок.

Кофе выпито, десерты съедены, Рафик торопливо попрощался и, рассчитавшись, ушёл.

— Понравилась ты ему смертельно, — сказала Зельда, ухмыльнувшись. Она смотрела в окно на другого Гольдмана. Этот уже не шёл прежней уверенной походкой, он несколько раз споткнулся, один раз оглянулся и по-дурацки улыбнулся витрине, за которой сидели панянки. — Я его таким и не припомню. Что будешь делать? Он вдовец. Около месяца тому назад жену похоронил.

— Что я буду делать — это второй вопрос, — ответила Рузя, прищулив один глаз. — Вот что будет делать пан Гольдман — это вопрос номер один.

* * *

Пан Гольдман не знал, что ему делать. Буквально вчера его навестил известный господин из Управы, выдал свою визитную карточку и настойчиво попросил звонить в том случае, если

Гольдман вдруг вспомнит детали сотрудничества с Зеленским. Гольдман пару раз хлопнул ресницами, как гимназистка, потом выкатил выпуклые, как у стрекозы, глаза на этого господина и спросил:

— Безусловно, я весьма благодарен за пойманных расхитителей могилы моей усопшей супруги. — Здесь Гольдман совершенно искренне сморгнул набежавшую слезу. — Пан Мрозовский, позвольте узнать, откуда такой живой интерес в Управе к моей скромной персоне? Я исправно плачу в городскую казну...

— В Управе, пан Гольдман, к вам покуда нет интереса, — перебил Мрозовский, особой радости после этих слов на лице Гольдмана он не заметил. — Покуда я один вами интересуюсь, потому и жду от вас отзывчивости и желания пойти навстречу. Надеюсь, вы меня понимаете?

Мрозовский выразительно посмотрел на пана Гольдмана, качнув головой.

— Боюсь, что я не совсем вас понимаю, — продолжал упорствовать Гольдман. — Вы бы поточнее высказались, чтобы я вполне смог понять, в какой плоскости лежит ваш интерес.

Гольдман начал нервничать, а Мрозовский злился, потому что обычно он не имел дела с юристами. От обычных граждан гораздо легче получить желаемое и не умеют они так витиевато изъясняться, как этот чёртов нотариус.

— Что же тут такого непонятного? — Мрозовский раскраснелся лицом и под его медно-рыжими бакенбардами заметно заходили желваки. — Я как будто достаточно понятно изъясняюсь.

— Быть может, вам это понятно, а я вот нахожусь в недоумении, — продолжал настаивать Гольдман, повышая голос.

Мрозовский смотрел на него и думал, что если дать этому господину нотариусу внушительный подзатыльник, то вполне можно увидеть, как его глаза вылетят из орбит и ляпнутся напрямиком на сверкающий паркет.

— А вы, пан Гольдман, поскорее выходите из этого вашего недоумения, — очень тихо сказал Мрозовский и ещё тише добавил: — Может статься, что самое интересное пропустите, а что потом? А я вам скажу, что потом. Поезд уедет, вы станете проситься в последний вагон, да только ваша история никому уже не будет интересна...

На слове «ваша» Мрозовский сделал ударение, выразительно выкатил глаза, как бы пародируя Гольдмана. Мрозовский откланялся, оставив нотариуса думать над сказанным. И тот думал. Думал натужно и пока не мог принять решение, как лучше поступить с паном сыщиком, но уж больно активно этот настойчивый господин топчется по большой мозоли.

В три часа по полудни Гольдман переминался с ноги на ногу в парадном перед массивной дверью пани Зеленской. Звонок давно затих, и он прислушивался к звукам, ожидая, когда откроют. Он услышал шаги за дверью и тут же принял важную, многократно отрепетированную перед зеркалом позу. Дверь открылась, Гольдман оказался стоять на сквозняке, вдыхая запахи куриного бульона, которым тут же потянуло из квартиры, и индийских благовоний.

— Доброго дня пани Марта, передайте хозяйке, что я пришел, — пан Гольдман поправил галстук и попытался войти. В полумраке парадного, на темно-коричневом фоне, сверкала алмазная булавка в галстук, заставляя экономку недовольно морщиться.

— Доброго дня, — сухо ответила экономка, и не сдвинулась с места, не снимая цепочки с двери. — Пани Роза отдыхает.

— Ой, Марта! Ну, что вы канючите! Долго ещё вы будете держать меня в дверях? — пан Гольдман злился, он рассчитывал сейчас же поговорить с пани Зеленской. — Идите и спросите, когда она намерена меня принять!

Марта, молча, развернулась и ушла вглубь квартиры.

— Королева драная! — тихо выругался

Гольдман, сплюнув под ноги. — Я покажу этой старой паучихе, как со мной разговаривать.

Дверь бесшумно открылась, Марта сняла цепочку и сказала:

— Пани Роза примет вас в гостинойю.

Гольдман фыркнул, толкнул экономку и прошёл.

Гостиная, погруженная в полумрак, отрезанная от остального мира тяжелыми портьерами, напоминала паучью нору, из которой выход один — паучья сетка. Гольдман поёжился на пороге, вдохнул, пропахшего восточным ароматом, воздуха и подошёл к огромному креслу, в котором восседала маленькая и хрупкая пани Роза. Она всегда напоминала ему забальзамированный труп, поскольку при нормальном освещении Гольдман никогда её не видел. В мерцающем свете свечей или рассеянном солнечном свете сквозь портьеры пани Роза казалась ненастоящей. Большой говорящей куклой, механизмом, способным управлять и внушать неподдельный страх. Раньше, когда ещё жива была Фани, Гольдман несколько раз приходил с женой в дом Зеленских. Фани умела создать дружескую атмосферу, беседуя с пани Розой, увлекала её торопливыми, немного сумбурными бытовыми рассказами. Гольдман даже несколько раз слышал, как пани Роза смеялась над историями Фани, что без сомнения было само по

себе удивительно.

— Рафик, скажите теперь принято врывать в дом вдовы? Марта сказала, что вы требовали впустить немедленно, иначе грозились вынести дверь, — пани Роза протянула для поцелуя худую и бледную руку.

— Ну, что вы, — мямлил Гольдман, припав к холодной руке. — Как я могу... Я бы никогда, ещё и в память о пане Зеленском. Ваш муж, пани Роза, был мне другом.

— Так то мой муж, а то я, — издёвка сквозила в голосе Зеленской, и Гольдман, молча, поджал губы. — Его вы могли уважать, а каким боком здесь я?

Гольдман, всегда уверенный в себе, властный и успешный человек трясся перед этой полудохлой дамочкой, скованной болезнью. Он хотел бы ей ответить, но совершенно не владел собой и в итоге окончательно струсил. Гольдман чуть было не позабыл то, зачем он собственно пожаловал в дом Зеленских. А это совсем уж не для того, чтобы терпеть желчную старуху. Хотя, какая она старуха? Говорили, что пани Роза в лучшие времена была очень хороша собой. Гольдман уже и не помнил, сколько лет пани Роза сидит в кресле, но он совершенно точно не помнил её ходящей на своих двоих.

— Рафик, я собираюсь отобедать. Составьте

мне компанию.

Просьба прозвучала подобно приказу, и Гольдман засопел — выбора ему не оставили, но куриный бульон, судя по запаху, был неплох. Надеясь на то, что за обедом Зеленская окажется более приветлива, он спешно согласился:

— Пани Роза, я с удовольствием с вами отобедаю. Знаете, Фани всегда хвалила вашего повара...

— Нам накроют в столовой, — сухо сообщила она, и кресло медленно покатилося из комнаты. Высокие колёса издавали противный звук, похожий на грустную мелодию поломанной шарманки. Ту самую, под которую хочется плакать, поскольку шарманка поломана, мелодия звучит плохо, и шарманщика хочется прогнать прочь.

Мальчик в тёмной рубаше и в длинном белом фартуке, скрывавшем брюки, вкатил в столовую столик, сервированный на двоих. Сбоку, на фартуке, расплзлось свежее жирное пятно, которое мальчик всячески пытался скрыть. Он немного бочком подошёл к окну, резким движением раскрыл окно, сдвинув тяжёлые портьеры, и так же неловко, и немного боком вышел. Сквозь плотный тюль столовая наполнилась молочно-белым светом. Это была огромная квадратная комната: на двух стенах находилось по два окна, по центру стоял длинный обеденный стол,

а у стен стояли буфет и сервант с комодом. Во главе стола сидела пани Роза. В своём кресле она высилась над столом, как китайская принцесса, укутанная в шёлковый халат и с высокой причёской на голове. Гольдман замер на пороге.

— Я приказала мальчишке не возвращаться. Подайте тарелки на стол. Чуть позже Марта подаст жаркое.

Зеленская небрежным жестом указала на подставной столик с блюдами и Гольдман, проклиная себя за уступчивость, подавал на стол, как лакей.

— Аккуратнее, Рафик! Так вы мне всю скатерть уделаете, — Зеленская привычно раздавала замечания, и её нисколько не заботило, что перед нею не обслуга. — А она, между прочим, из бельгийского сукна.

Гольдман переставлял тарелки на стол, медленно, по одной, чтобы не выплеснуть ненароком на себя. Суп с клёцками покачивался от края до края, Гольдман хотел ругаться вслух, но молча пыхтел и думал, что ненавидит пани Зеленскую вместе с её мерзким характером и супом, хотя суп, скорее всего, очень вкусный.

Обед проходил в полнейшей тишине. Гольдман слышал собственное чавканье. Он упорно старался жевать беззвучно, но выходило плохо,

даже ещё хуже. Гольдман нервничал, не имея представления с чего начать беседу, чтобы получить интересующий ответ. Надо сказать, что обычно Гольдман вполне соображал с чего начинать беседу, как её вести и чем закончить, чтобы собеседник сказал всё, что требуется и остался счастлив от разговора. Когда Гольдман выронил изо рта клёцку прямо на скатерть, а потом на пол, его ангельскому терпению пришёл конец. Пятно на скатерть он всё-таки поставил, за что получил соответствующий взгляд от Зеленской.

— Пани Роза, я к вам пришёл по важному для меня делу и постараюсь не отнять у вас много времени. Речь пойдёт о вашем покойном супруге.

Пани Зеленская покосилась, не поднимая головы от тарелки, и ответила:

— Вы считаете, что я могла бы подумать, что вы пришли свататься? Я пока что при памяти, и такая глупость может прийти в мою голову в самую последнюю очередь.

«Льстите вы себе, пани Зеленская! Это вы такую глупость сказали, что нет слов! Такую змею пригреть, это нужно совсем не иметь глаз...» — подумал Гольдман, а пани Зеленская продолжала:

— Но вот что я вам скажу, пан Гольдман! Женщина я порядочная и ваши намерения меня не интересуют.

Гольдман настолько поразился от таких

словесных экзерсисов пани Зеленской, что поперхнулся и так и замер с раскрытым ртом. Несмотря на худобу, бледный цвет лица и инвалидную коляску, пани Зеленская имела такие глаза, что любая юная пани отдаст за них вполне ходячие ноги и что-нибудь ещё в придачу. Зеленская об этом не могла не догадываться, а Гольдман старался избегать её прямых взглядов, иначе боялся и в самом деле предложить руку и сердце взамен на глаза. Чёрные, с поволокой, в пол-лица, в окружении загибающихся кверху смоляных ресниц. Да и Бог с ними, с одними глазами! Взгляд у них был до того живой и трепетный, что хотелось дать этой женщине защиту и всё, что она ещё пожелает. К счастью, пани Зеленская желала власти, а не мужские сердца. Сердце Гольдмана не было свободно — он всё ещё любил свою жену.

— В мои планы входит только то, что я вам рассказал. Хотите ли вы узнать, кто убил вашего мужа?

Пани Зеленская сжала губы в тонкую нитку, помолчала и выдала:

— Нет. Я не хочу этого знать. Это вредно для здоровья.

«Кто бы говорил о здоровье! Старая сушеная змея! Вот Фани никогда бы так не сказала», — Гольдман досадовал большей частью не потому,

что Зеленская не заинтересовалась его вопросом, а потому, что теперь нужно было срочно придумывать новый предлог.

Гольдман посмотрел на хозяйку дома, на то, как она спокойно и со вкусом обедала, и понял: этой пани совершенно безразлично, что нового она узнает о покойном супруге, нету его, значит нечего интересоваться. Чувствовалась в ней эдакая аристократическая выдержанность, но лишь в том смысле, что не принято у них впадать в долгое и глубокое уныние по причине безвременной кончины супругов.

Гольдман теперь молчал, доедал суп, откусывал хлеб, смотрел, как бледно-золотистые крошки остаются на скатерти цвета топленого молока, и думал о Фани. А ведь и, правда, до определённой степени безразлично, совершенно незначительно и мелко всё то, что он мог бы услышать о покойной супруге. Разве что бывшие измены, если таковые имелись, могли бы оцарапать душевную рану Рафика Гольдмана. У пани Зеленской подобные раны давно зарубцевались и позабылись. Пан Зеленский не брезговал никем из женского общества и до того, как пани Роза пересела в инвалидное кресло, а уж после, так и подавно.

Последние роды лишили её возможности свободно передвигаться, лишили желания

радоваться жизни, нестись по бурлящему её потоку. Пани Роза перестала интересоваться теми радостями, которыми интересуются все женщины. Осталось вышивание, но его пани Роза не любила. Она предпочитала читать утренние газеты, выписывала книги. Даже приказала оборудовать подобие библиотеки из бывшей игровой комнаты. На полках теснились детективы, книги по истории, политике и философии. Удивительно для дамы, но любовных романов она не любила. Не любила она внуков, вечно бегających вокруг и лезущих куда не надо, не любила пересказы городских сплетен о недавно отгремевших романах, а более всего не любила она слабых духом людей, ибо таковых за людей не держала и запросто могла поступить с ними неразборчиво.

Гольдман неплохо знал пани Зеленскую со слов супруги, потому, мысленно поблагодарив покойницу, решил пойти ва-банк.

— Я, пани Роза, всё-таки настаиваю на том, чтоб вы меня выслушали, — Гольдман глубоко вдохнул, выдержал небольшую паузу, чтобы пани Зеленская прониклась к нему маломальским вниманием, и продолжил сухим юридическим языком: — Покойный супруг ваш, пан Зеленский, оставил у меня для заверения некоторые документы. Так вот, если вас не интересуют ни документы, ни их содержание, то считаю

единственно верным передать их законным владельцам.

Выждав ещё паузу, Гольдман получал эстетическое удовольствие от созерцания изменений в выражении лица пани Зеленской. Он наблюдал за набежавшей тенью, а после этого за хмурым взглядом, спрятанным за густыми ресницами, и за пролеглими вокруг рта складками.

Конечно же, пани Зеленской нужны были эти бумаги, хотя бы для того, чтобы уяснить для себя, на каком этапе остались дела мужа и можно ли с них что-либо поиметь для собственных нужд.

Залетевшая в раскрытое окно чёрная муха настырно зудела, делая круги над обеденным столом, как аэроплан. Муха опускалась всё ниже, пока не шлёпнулась в тарелку пани Зеленской. «Аудиенция окончена, — подумал Гольдман, с омерзением наблюдая, как пани Зеленская ложкой выложила мокрую муху на салфетку. — Ну, точно змея. Вон как на муху уставилась!»

Муха дергала слепшимися от жира крылышками, безуспешно пытаясь улететь. Пани Зеленская подвинула муху ложкой, видимо желая помочь несчастной выбраться. А муха напротив — замерла и притворилась мёртвой.

— Видите, Рафик? Вот так и люди, — задумчиво проговорила пани Зеленская. — Встрянут в какое-то дельце, им кажется, что лучше

его и быть не может, но после наступает прозрение, и кажущаяся свобода всего лишь кажущаяся, потому что свободы этой на самом деле как раз таки и нет. И помочь им не представляется возможным, слишком сильно они запутались, слишком глубоко увязли в дельце, и нету у них теперь никакого выхода...

Пани Зеленская несколько плотоядно смотрела на муху и продолжала свой монолог. Он говорила, говорила и кажущийся бесконечным поток слов вдруг иссяк. В одно мгновение наступила тишина. Только упавшая в тарелку супа муха загудела обсохшими крылышками, и, падая, ударяясь о стол, улетела в угол комнаты, за портьеру.

Гольдман тоскливо глянул на давно остывший суп и, не дожидаясь обещанного жаркого, откланялся.

Гольдман вышел на улицу, прошёл несколько метров, и свернул в проулок, где стояла его красавица. Гольдман обожал своё авто даже немного более, чем покойную супругу. «Norch-853» цвета слоновой кости сверкал никелированной радиаторной решеткой, бампером и прочими деталями. Гольдман лично натирал мягкой войлочной тряпочкой лобовое стекло и проверял, чтоб откидной верх не заедало. Сафьяновый салон, отделанный несколькими породами дерева, ласкал

взгляд Рафика Гольдмана побольше, чем любимая жена, потому он однажды отказал Зеленскому в просьбе прокатиться на водительском месте. Несмотря на то, что кабриолет был куплен с рук, стоил он так много, что Гольдман при воспоминании о цене мучительно кривил лицо. За потраченные на четырехколёсную возлюбленную деньги можно было купить вполне приличный дом в Варшаве.

От посещения пани Зеленской у Гольдмана остался осадок: несомненно жаль, что новой информации она ни полслова не сказала. Похоже, что вдова ничего не знает о человеке, который мог убить доктора.

— Ведь ясно же, что и ко мне могут добраться. А экая неутешная вдовушка, — недовольно промямлил Гольдман. — Филосо-о-офствует! Определённо вредно, когда женщина читает много книг и газет. Вот и имеем налицо побочное действие образования.

Гольдману всегда нравились сбитые красотки, с крепкими бёдрами и милым лицом, не отягощённые знаниями, но умеющие вкусно стряпать и знающие, что делать с мужчиной, когда солнце заходит. Рафик Гольдман вдруг вспомнил о Рузе. Её телосложение вызывало в памяти образ совсем ещё юной Фани, и по телу разливалась нега. Больше всего неги оседало в нижней части тела.